

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени
Абылай хана

УДК 327.56 (497.2) + 327.56 (497.1)

На правах рукописи

КУБАШЕВ АЛИБЕК ЕРМЕКУЛЫ

**Западноевропейские и американские исследования курдского
вопроса (на примере Сирии и Турции)**

8D03121 – Международные отношения

Диссертация на соискание степени доктора философии (PhD)

Научные консультанты:
доктор исторических наук, профессор
Шайморданова З.Д.

доктор исторических наук, профессор
Кожокин Е.М.,
РГГУ (г.Москва, Россия)

Республика Казахстан
Алматы, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ	3
ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	4
ВВЕДЕНИЕ	7
1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРДСКОГО ВОПРОСА В СИРИИ И ТУРЦИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ АНАЛИТИКЕ	19
1.1 Причины возникновения курдского вопроса в исторической ретроспективе.....	19
1.2 Основные теории, концепции и подходы исследования курдской проблемы в западноевропейских и американских исследованиях	29
1.3 Факторы трансформации национального самосознания курдов и курдской идентичности в Сирии и Турции в зарубежной аналитике	40
Выводы по 1 разделу	50
2 ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О РОЛИ КУРДОВ В РАССТАНОВКЕ СИЛ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ НА ПРИМЕРЕ СИРИИ И ТУРЦИИ	51
2.1 Анализ меняющейся динамики сирийского Курдистана и его политические перспективы в трудах зарубежных ученых	51
2.2 Зарубежные исследования о роли курдских партий в политической системе Турции	64
2.3 Освещение транснациональной практики курдской диаспоры в поддержке курдов на исторической родине в зарубежных исследованиях	76
Выводы по 2 разделу	86
3 ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗРЕШЕНИЯ КУРДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ УЧЕНЫХ.....	87
3.1 Научные взгляды влияния сверхдержав на курдскую проблематику в Сирии и Турции в зарубежной аналитике.	87
3.2 Степень и характер влияния курдского вопроса на региональную и мировую политику в анализе западноевропейских и американских исследованиях.....	98
3.3 Перспективы решения курдского вопроса на Ближнем Востоке в зарубежной аналитике	109
Выводы по 3 разделу	121
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	122
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	127
ПРИЛОЖЕНИЯ	141

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ

В настоящей диссертации использованы ссылки на следующие нормативные документы:

Закон Республики Казахстан «Об Ассамблее народа Казахстана» от 27.10.2015 № 361-V.

Указ Президента Республики Казахстан «О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020 – 2030 годы» от 6.03.2020 № 280.

Закон Республики Казахстан «Об образовании» от 27 июня 2007 г. № 319-III ЗРК (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.09.2025 г.).

Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении Концепции развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 г.». 26 февраля 2021 года № 522.

Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм». 2 сентября 2024 года.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

В настоящей диссертации использованы следующие определения, обозначения и сокращения:

Езиды - представители монотеистической религии езидов, уходящей корнями в Древний Иран. Согласно устной традиции, приверженцы этой религии верят в Единого Бога. Езидское общество – это общество каст и кланов. Езиды обязаны уважать несколько каст, в том числе касту Шейха или духовного наставника.

Заза - субэтническая группа курдов, проживающая в восточной части Турции.

Киберэтнография – изучение различных курдских веб-сайтов и чатов для понимания того, как курды поддерживают онлайн отношения на глобальном уровне.

Курдистан - этногеографическая и историческая область на Ближнем Востоке. Территория в основном населена курдами, которые являются коренными жителями этих земель.

Курдскость – курдская этническая идентичность, проявляемая в стремлении к демократизации современного курдского общества в соответствии с принципами свободы и равенства.

Курманджи – самый распространённый из курдских диалектов.

Пешмерга – официальные вооруженные силы в Ираке, осуществляющие единоличный военный контроль в Курдистане.

Рожава – Автономная администрация Северной и Восточной Сирии.

ЕС – Европейский Союз.

ИГИЛ (или ДАИШ) - Исламское государство Ирака и Леванта, международная исламистская суннитская и террористическая организация. Действовала в 2013-2019 гг. преимущественно на территории Сирии.

МИД – Министерство иностранных дел.

НАТО – Северо-Атлантический Оборонный Альянс, военный блок.

ООН – Организация Объединенных Наций.

СНГ – Содружество Независимых Государств.

США – Соединенные Штаты Америки.

АКП (тур. - Adalet ve Kalkınma Partisi)- Партии справедливости и развития (ППС), правящая партия в Турции.

ASBP (Arab Socialist Ba'ath Party) - Партия арабского социалистического возрождения, более известная как Баас, политическая партия, основанная в Сирии. Идеология партии - баасизм, представляющая собой синтез арабского социализма и панарабизма.

BDP (тур. - Barış ve Demokrasi Partisi) - Партия мира и демократии (Турция, ПМД), левая курдская политическая партия. В 2014 г. ее члены перешли в новую «Партию демократии и народа» (HDP).

DBP (тур. - Demokratik Dörleri Partisi) – Партия демократических регионов (ПДР).

DBK - Desteya Bilind a Kurd (2012—2013) – Высший курдский совет - временный орган управления Сирийским Курдистаном в условиях гражданской войны в Сирии.

DEP (тур. - Demokrasi Partisi) – демократическая партия, левоцентристская партия, выступающая за федерализм и социализм.

DTP (тур. - Demokratik Toplum Partisi) – Партия демократического общества, Турция.

HADEP (тур. - Halkların Demokratik Partisi) - Партия демократии народа (ПДН) – турецкая курдская левоцентристская политическая партия, игравшая ключевую роль в курдском политическом движении. Впоследствии переименованная в HDP.

HDP (тур. Halkların Demokratik Partisi, HDP) - Демократическая партия народов (ДПН) - турецкая левая политическая партия.

HEP (тур. - Halkın Emek Partisi) – Народная партия труда (НПТ), прокурдская политическая партия в Турции.

HSD (курд. – Hêzên Sûriya Demokratîk – Сирийские демократические силы (СДС), партия, созданная в 2015 г., включает в свои ряды значительную часть отрядов народной обороны (YPD) и Отряды Женской Самообороны» (YPJ).

KCD-E (курд. Kongreya Civakên Demokratîk a Kurdîstanîyên Ewropa) - Европейский конгресс демократических обществ, известная как Конфедерация курдских ассоциаций в Европе или КОН-КУРД до 2014 года.

KCK (курд. - Koma Civakên Kurdistan – Союз общин Курдистана) - межнационально-политическая организация, объединяющая различные курдские партии и группы с общей идеологией (демократический конфедерализм).

KRG (англ. - Kurdistan Regional Government) - Региональное правительство Курдистана, официальный руководящий орган Региона Курдистан в Ираке.

PKK-S или KDPS (курд. - Partiya Demokrat a Kurdistanê li Sûriyê) – Курдистанская демократическая партия Сирии – курдская политическая партия в Сирии, основанная в 1957 году курдскими националистами в северной Сирии.

People's Will Party - Партия народной воли Сирии.

PWDG (курд. - Partiya Wethevî u Demokrasiya Gelan) - Партия народного равенства и демократии (ПНРД), левоцентристская оппозиционная прокурдская партия в Турции, политическое крыло Рабочей партии Курдистана.

PYD (курд. - Partiya Yekîtiya Demokrat) – Партия «Демократический союз» (ПДС) или Партия демократического единства – левая политическая партия, основанная в 2003 году сирийскими курдами.

TJK-E – Движения курдских женщин Европы - общественная и политическая организация, объединяющая курдских женщин, живущих в

Европе, для борьбы за права, освобождение и самоопределение курдского народа.

YPG (курд. – Yekîneyên Parastina Gel) - Отряды народной самообороны, народное ополчение в Сирийском Курдистане, основанное в 2012 г.

YDG-H (курд. – Yekîneyên Parastina Gel - H) - Революционное патриотическое молодежное движение.

YPJ (курд. - Yekîneyên Parastina Jin) – Отряды женской самообороны, боевое крыло Высшего курдского совета, участвующее в сирийском вооруженном конфликте.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Курды, индоевропейский народ Ближнего Востока и Азии, проживает на стыке арабского, турецкого и персидского миров. Севрский договор 1920 года предполагал создание на бывшей территории Османской империи автономного Курдистана, но процессы политического урегулирования на Ближнем Востоке привели к разделению курдов между Ираном, Ираком, Сирией и Турцией. Курды не приняли новый статус-кво и на протяжении 1920-х годов проходили курдские протесты и восстания, но курдам не удалось обратить вспять процесс разделения их на различные государства. Курдское сообщество сталкивалось с проявлением национализма со стороны государства и населения и развивалось в сложных условиях. Сами государства, на территориях которых проживают курды, а также региональные государства и ведущие страны мира видели в курдских движениях угрозу национальной, региональной и международной безопасности [1, с. 23].

В настоящее время общая численность курдов в мире достигает свыше 45 млн. человек. Основная масса курдов проживает на своей земле, т.е. на территории исторического Курдистана. Их численность распределяется по следующим странам: в Турции – 16,25 млн., в Сирии - 2 млн. в Иране – свыше 9 млн., в Ираке – около 5 млн. человек [2].

Курды Казахстана, численность которых составляет около 51 тыс. человек [3], представляют неотъемлемую часть политической, социально-экономической и культурной жизни полиэтнической страны, участвуя в строительстве Справедливого Казахстана в соответствии с Посланием Главы государства К.-Ж. Токаева народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» от 2 сентября 2024 года. Послание ориентирует на строительство Справедливого Казахстана в контексте формирования новых моделей поведения и укоренения новых ценностей, основанные на единстве народа страны [4]. Одним из механизмов обеспечения единства в Казахстане является Ассамблея народа Казахстана, созданная Указом Главы государства в марте 1995 года, в рамках которой активно работает курдская ассоциация «Барбанг». В Законе РК «Об Ассамблее народа Казахстана» сформулирована цель Ассамблеи – «обеспечение межэтнического согласия в стране в процессе формирования гражданской идентичности и конкурентноспособной нации» [5]. Ассамблея народа Казахстана представляет уникальный и развитый институт гражданского общества страны, способствующий разработке и реализации государственной политики в сфере общественного согласия и общенационального единства посредством разнообразных инструментов, реализации республиканских и международных проектов.

В основе курдского вопроса лежит борьба курдского народа за право национального самоопределения, возможности свободного развития и самовыражения. Курдская проблематика рассматривается как укоренившаяся и сложная транснациональная проблема. Это не только вопрос

самоопределения курдского народа с его притязаниями на независимость и собственное государство. Курдский вопрос является инструментом политического влияния крупных мировых игроков на Ближнем Востоке. Проблема дополняется наличием энергоресурсов на территориях, населенных курдами. Борьба курдского народа на протяжении более чем столетия привела к тому, что курды на Ближнем Востоке стали новым региональным и международным актором. Активность курдской диаспоры в Европе интернационализировала курдскую проблематику.

Выбор исследования курдской проблематики на примере Сирии и Турции обусловлен реализуемой внутренней политикой по отношению к курдам, наличием курдских политических партий, в определенной степени оказывающих влияние на внутреннюю политику, а также наличием и доступностью источников для изысканий по теме диссертационной работы.

За курдской проблемой стоят вопросы экономического развития территорий, населенных курдами, т.е. противоречия «центр-периферия», гражданских прав в Сирии и Турции, использования языка, издания книг на курдском языке, обучения на курдском языке, право проводить курдские праздники, сохраняя свою этническую идентичность в глобализованном мире.

Курдская община обладает силой своего движения, подкрепляемая мотивацией обретения государственности. Эндогенные факторы как географическая разделенность курдов, разногласия между курдами, слабость некоторых политических партий, низкий уровень экономического развития курдских регионов, кризис политических систем на Ближнем Востоке, неспособность правящих элит разрешить социально-экономические и межэтнические противоречия, отстаивать интересы народов перед растущей экспансией западных держав делают курдский вопрос многогранным и сложным. Экзогенные факторы, как конкуренция региональных и внерегиональными держав за влияние на курдов, их заинтересованность в ослаблении курдов становятся плохо решаемой задачей.

Тема курдской проблематики является актуальной, неоднозначной, обсуждаемой на самом высоком правительственном уровне, неправительственными организациями, в научных кругах и исследованиях. Результаты научных исследований представляются в монографиях, рабочих тетрадях, наукометрических журналах. Текущие и актуальные события по теме курдской общины находят отражение на страницах ведущей периодической печати.

Ученые разных стран, например, Англии, Франции, Испании, США, Германии, исследуют данную проблему от трансформации курдского самосознания, роли курдских политических партий в исследуемых странах, взаимоотношения государства и курдов, а также роли курдской диаспоры, анализируя степень влияния ведущих мировых держав на курдский вопрос, рассматривая перспективы решения курдского вопроса. Зарубежные научные исследования выработали свою методологию и методику изучения курдской

проблемы. Они проявляли активность в той курдской проблематике, которая считалась спорной и малоизученной. Проблема курдов исследуется зарубежными учеными во взаимосвязи с социально-политической ситуацией в мире, в тесной связи с происходящими на Ближнем Востоке событиями. Создание Региона Курдистан в Ираке (полунезависимого, 2005 г.), Автономной администрации северной и восточной Сирии в 2012 г. стали следствием продолжительной борьбы курдов за самоопределение. Рост прокурдского движения в турецкой политике за последние годы, актуализированные высокими результатами на выборах в турецкий парламент 2015 года, поставили курдов в центр политических событий в Турции. Самороспуск Рабочей партии Курдистана в мае 2025 г. не означает прекращение ее деятельности, а смену методов и тактики борьбы [6].

Изучение курдской проблемы имеет важное значение для внешнеполитического курса страны, направленного на содействие сохранению и укреплению единства многонационального народа Казахстана посредством внешнеполитических методов [7]. Для казахстанской науки, развития ее теории и практики курдский вопрос также имеет значение. Во-первых, курдский вопрос является одним из наиболее длительных и сложных этнополитических конфликтов в Евразии, а Казахстан как часть этого региона заинтересован в стабильности, безопасности и прогнозировании рисков. Во-вторых, анализ курдской проблемы позволяет расширить сравнительные исследования по этнополитике, межнациональным отношениям и управлению многоэтничными обществами - темам, которые напрямую связаны с казахстанской моделью межэтнической гармонии [8]. В-третьих, изучение курдского вопроса способствует углублению знаний в области ближневосточной дипломатии, международных организаций и геополитики, что важно для подготовки специалистов по международным отношениям [9]. Таким образом, исследование курдской проблемы способствует развитию теории и практики внешней политики, конфликтологии и регионоведения в Казахстане.

Актуальность настоящего исследования определяется активным участием курдского сообщества, которое обладает полным объемом гражданских прав. В Послании Президента РК К.-Ж. Токаева народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» (2.09.2024 г.). особо выделено единство и согласие в многонациональной стране. Данное исследование соответствует приоритетному направлению науки «Интеллектуальный потенциал страны». С этих позиций тема настоящего диссертационного исследования является особенно актуальной.

Объект исследования: курдский вопрос в системе международных отношений.

Предмет исследования: исследования курдской проблемы в трудах западноевропейских и американских ученых

Цель исследования: исследование современного положения курдского народа Сирии и Турции в борьбе за самоопределение и перспектив его

решения на основе анализа трудов западноевропейских и американских ученых.

Задачи исследования:

- выявить исторические причины курдского вопроса с исторической точки зрения,
- идентифицировать основные теории и подходы к курдскому кейсу в зарубежной аналитике,
- дать оценку внешним и внутренним факторам, повлиявшим на трансформацию курдского самосознания в Сирии и Турции в западноевропейских и американских исследованиях,
- исследовать динамику сирийского Курдистана и вклад политических партий в решение курдского вопроса в трудах западноевропейских и американских ученых,
- провести анализ роли курдских партий в политической системе Турции на основе изысканий западноевропейских и американских ученых,
- дать оценку зарубежных исследований роли транснациональной практики курдской диаспоры в поддержке курдов на исторической родине,
- выявить основные научные взгляды влияния сверхдержав по регулированию курдского вопроса в Сирии и Турции,
- показать степень и характер влияния курдского вопроса на региональную и глобальную политику в зарубежной аналитике,
- на основе анализа научных исследований западноевропейских и американских ученых раскрыть сценарии решения курдского вопроса.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1920 г., когда был подписан Севрский договор, разъединивший курдов по четырем государствам, до периода самороспуска Рабочей партии Курдистана в мае 2025 г.

Степень разработанности темы исследования. В казахстанской общественно-политической мысли научные исследования посвящены общественно-политическому развитию курдов, некоторым вопросам развития языковой политике в Казахстане в плане ее влияния на межэтнические отношения. Это исследования М.М.Мамедова и Т.Е.Жабелова [10-11]. Исследования Л.Т. Исаевой и М.Д. Шаймерденовой посвящены историко-культурной теме курдов в Казахстане [12-13]. Имеются объемные монографии видного казахстанского ученого и общественного деятеля Н.К.Надирова «Мы, курды-казахстанцы» и «Разница во времени, или исторические повороты: экзамен на порядочность» [14-15]. Исследования ученого, общественного деятеля и президента Ассоциации «Барбанг» курдов Казахстана К.И.Мирзоева отражают историю курдов [16-17].

В зарубежных исследованиях курдская тема в Сирии и Турции анализируется с исторической точки зрения, начиная от Османской империи, Сасанидского и Сефевидского государств, после распада империй в образовавшихся новых государствах. Это труды известных международному научному сообществу исследователей Х.Бозарслана, Ч.Гюнеса У.Таучера [18-

21]. Труды Т.Буа, Р.Кабаса, Ч.Чандара, М.Изади сквозь призму исторического подхода продолжают лейтмотив этноса без государства [22-25]. Исторические данные по курдской проблематике содержатся в трудах одного из ведущих американских исследователей курдской проблемы Теннесси Университета М.Гюнтера, имеющие характер справочника и исторических словарей [26-28].

Тема курдской общины, разделенной на четыре государства, нашла воплощение в трудах таких ученых как Б.Диллис, Ф. Кухи-Камали, О.Йылмаза, В.Аббаса и других [29-32].

Социально-экономические и вопросы развития языка и культуры анализируют исследователи О.Текдемир, Э.Лич, П.Нихат, К.Юар, Л.Ялчин-Хекман, Йост Йонгерден, А.Хасанпур и другие [33-39].

Идентичность и этническая принадлежность, влияющая на права курдов как национального меньшинства, представлен в работах признанных исследователей курдской тематики как Х.Оллсоп, М.Гюнтер и С.Саид, У.Гурли Н.Дениз [40-43].

Теме курдской диаспоры посвящены работы Е.Эстергард–Нильсен, Х.Хаяти, И.Демира и других [44-46].

Стремление курдов в автономии и национальному самоопределению, конечной цели многолетней борьбы курдов, и возможные сценарии развития рассматриваются такими экспертами, как Д.Краерски, Ж.Бюргойн, Э.Челеби [47-49], а также политическими обозревателями Г.Муньос и Г. Гольшири [50].

Таким образом, курдский вопрос изучается в западноевропейских и американских трудах комплексно, по самым различным направлениям: от истории до прогнозных сценариев решения курдского вопроса на Ближнем Востоке. Вместе с тем, научных исследований, посвященных анализу рассматриваемой проблемы в западноевропейских и американских трудах в отечественных социальных науках не наблюдается.

Методологическая и теоретическая основа исследования

Теоретико-методологической основой исследования выбран цивилизационный подход и принцип объективности такой сложной и актуальной проблемы как курдский вопрос. Теоретические основания в междисциплинарном контексте концентрируют внимание на целостность процессов, происходящих в курдских общинах в Сирии и Турции. Цивилизационный подход предполагает рассматривать эти процессы в контексте внутренних и внешних факторов, с наибольшей полнотой проанализировать политический и социально-экономический фундамент этих процессов.

Теория мировой системы И. Валлерстайна рассматривает мир как единую капиталистическую систему с «ядром» и «периферией», подчёркивая неравномерность развития и господство развитых стран. В применении к курдской проблеме этот подход позволяет увидеть Восточную Анатолию и другие курдские регионы как периферийную зону в рамках мировой экономики.

Теорией реализма разъясняется активность правящей в Турции Партии справедливости и развития, которая расценивала РПК как террористическую организацию, исключая курдский вопрос после парламентских выборов 2015 г. Неолиберализмом объясняются такие вопросы курдов как рост бедности, социальной незащищенности, рост безработицы. Концепция великой трансформации Карла Поланьи, венгерского экономиста и социолога, и двойного движения оказываются полезными при анализе курдских обществ. Курдская цивилизация не смогла добиться великой трансформации, когда развивалась саморегулирующая рыночная экономика, а курдское общество сопротивлялась этим процессам. Подход колониальности и этнической идентичности проясняет положение курдов как «нации без гражданства», дополняя колониальность в концепты суверенитета, государственности, самоопределения и прав человек. Анализ стратегического положения курдских регионов на пересечении государств Сирия - Турция и интересов внешних держав, фокусируемый на ролях пространства и ресурсов в курдском вопросе проведен посредством геополитического подхода.

Источниковая база диссертации представляет источники, которые впервые вводятся в научный оборот. Комплекс источников дифференцируется по группам и выстроены в последовательности по темам исследования. В первую группу входят, хотя она и немногочисленна, документы ООН по принципам международного права. Следующую группу (вторую) составляют библиографии, справочники, энциклопедии, данные Всемирного банка, которые необходимы для получения общих сведений: исторических, географических, количественных по демографии и т.д. Третья группа источников – это критические работы о курдах в Сирии и Турции, их действительности в политическом, социально-экономическом и культурно-образовательном направлениях, подготовленные западноевропейскими и американскими учеными.

Четвертую группу составляют работы, посвященные отдельно Сирии и Турции, а также конкретной курдской проблеме, например, Турции в период правления Эрдогана, тем не менее отражая большой охват дополнительных тематик, как курдские политические партии.

В пятую группу источников составляют научные статьи в журналах, входящих в наукометрические базы. Это новое поколение исследователей курдской проблемы (Middle East Policy, Middle East Research Paper, Middle East Review of Public Administration и др.), в которых отражена позиция западноевропейских и американских исследователей по курдской проблематике.

Шестую группу составит периодическая печать, а именно ведущие мировые газеты и журналы как The Economist, La Stampa, Frankfurter Allgemeine Zeitung, Le Figaro, le Monde, Deutsche Allgemeine Zeitung и другие, представляющие свежую и актуальную информацию по таким событиям курдского мира как самороспуск Рабочей партии Курдистана, смена правительства в Сирии.

Методы исследования

Для проведения исследования на первом этапе бы проведен сбор источников. Для их сбора использовались поисковые запросы в каталогах Национальной библиотеки РК, Национальной академической библиотеки РК (Астана), Библиотеки Конгресса, Британской библиотеки, наукометрических базах данных, международных масс-медиа. Использовались региональные и международные Интернет-ресурсы по курдской теме: сайты ANF-News, Kurdistan au féminin, Курдского института Парижа и др. Отбор составил достаточно большой массив литературы, разнообразный по видовому составу: официальные документы, статистические данные, монографии, диссертации западноевропейских и американских исследователей, научные статьи, сайты.

Затем была проведена систематизация отобранных источников по направлениям исследования от исторического экскурса до перспектив решения курдского вопроса на Ближнем Востоке в зарубежной аналитике.

Использован хронологический метод для изучения исторических фактов развития курдской борьбы за самоопределение и гражданские права, что позволило получить динамику развития курдской проблематики, активности курдов и ожидания ими перемен.

Руководствовались системным подходом, проводя отбор, например, фактов о роли курдских партий в политической системе Турции, конфликту Турции с РПК. Эта серия событий была использована для анализа реакции РПК на действия турецкого центрального правительства. Системному подходу следовали и при анализе событий в курдском городе Кобани в Сирии в 2014 г. в борьбе против ИГИЛ. Выбор этого факта позволил определить, что сирийские Отряды народной самообороны проявили себя как значимая сила и стали самостоятельным актором на Ближнем Востоке.

Тематический контент-анализ содействовал объединению и группированию тем из используемых источников. Это, на наш взгляд, лучший метод, позволяющий выделить основные интерпретации курдской проблематики по разделам и параграфам настоящего исследования. Например, данные по политическим партия Сирии и Турции, по транснациональной практике курдской диаспоры в поддержке курдов на исторической родине и т.д.

Критический анализ внешних угроз для курдов идентифицировал ИГИЛ, религиозный негосударственный субъект, как террористическую организацию, убивающую и пытающую заложников, свободно пересекающую границы, воспринимаемую сирийскими курдами как внутреннюю и внешнюю угрозу.

Ивент-анализ применяли для идентификации влияния сильных держав мира на курдскую проблематику в западноевропейских и американских исследованиях.

Качественный метод акцентировал внимание на степень и характер влияния курдского вопроса в Сирии и Турции и на региональную и мировую

политику в западноевропейских и американских исследованиях, особенно в анализе перспектив решения курдского вопроса на Ближнем Востоке.

Качественный метод показал уровень сопротивления курдов в контексте реализации внутренней политики в Сирии и Турции по отношению к курдской идентичности. Особое внимание уделялось общеизвестным мировым масс-медиа в период падения власти А. аль-Асада и самороспуска РПК. Если в статье говорилось о разоружении РПК, статья расценивалась как критика партии.

Количественный анализ помог ответить на вопросы «почему» и «как», например, понять внутривластные решения в Сирии и Турции по отношению к курдам, по использованию языка, традиций.

Метод синтеза позволил объединить воедино полученные данные, чтоб перейти к анализу возможных сценариев разрешения курдской проблемы в научных исследованиях западноевропейских и американских ученых.

Научная новизна исследования определяется поставленной целью и задачами работы. Впервые в казахстанской общественно-политической мысли проведен анализ изучения курдского вопроса в трудах западноевропейских и американских исследователей в научные исследования. Научная новизна отражается в полученных новых научных результатов как оригинальный вклад в казахстанскую науку:

- идентифицированы основные теории, концепции и подходы исследования курдской проблемы в западноевропейских и американских исследованиях, среди которых как традиционные, так и новые (инструментализм, колониальность, локализация иностранных новостей, киберэтнография и другие),

- определены внешние и внутренние факторы трансформации курдского самосознания в Сирии и Турции в западноевропейских и американских исследованиях,

- впервые комплексно исследована динамика сирийского Курдистана и вклад политических партий в решение курдского вопроса в трудах западноевропейских и американских ученых,

- представлена роль курдских партий в политической системе Турции на основе изысканий западноевропейских и американских ученых,

- научная новизна выражается в изучении роли транснациональной практики курдской диаспоры в поддержке курдов на исторической родине в зарубежной аналитике,

- впервые дана оценка основным научным взглядам влияния сверхдержав по регулированию курдского вопроса в Сирии и Турции,

- научную новизну представляет степень и характер влияния курдского вопроса на региональную и глобальную политику сквозь призму индикаторов степени влияния,

- научную новизну определяет прогнозные сценарии разрешения курдского вопроса на основе анализа научных исследований

западноевропейских и американских ученых, который впервые осуществлен в рамках настоящей работы,

- в отечественные социальные науки внедряется круг новых понятий и новых источников, дополняющих понятийно-категориальный аппарат казахстанской науки на основе результатов данной диссертационной работы.

Основные положения работы, выносимые автором на защиту.

1. На основе исторического обзора курдской темы в зарубежных исследованиях идентифицированы причины возникновения курдского вопроса такие, как постоянное перемещение курдов с одной территории на другую, их географическая разделенность, разногласия в курдской общине, принуждение курдов выполнять какую либо работу или задания, отрицание курдской идентичности, обуславливающие рост курдского национализма. Факт существования курдских княжеств в составе Османской империи, Сасанидского и Сефевидского государств обладали определенным уровнем автономии движет курдское сообщество к реализации идеи независимости.

2. Эмпирическое осмысление теорий, концепций, походов в междисциплинарном контексте позволил провести анализ западноевропейских и американских исследований курдского вопроса в Сирии и Турции. Курдская цивилизация не добилась великой трансформации по концепции К. Поланьи во время распада империи. Реализм объяснил действия Турции и Сирии по минимизации экономических различий между курдами и остальной частью населения. Неoliberalизм прояснил такие вопросы курдов как рост бедности, безработицы. Конструктивистский подход конкретизирует эволюцию политической идентичности курдов. Западноевропейские и американские исследователи используют новые подходы и концепции, например, киберэтнография, колониальность, локализация иностранных новостей, стабилизации в перспективе.

3. Трансформация курдского самосознания в Сирии и Турции в конце XX – начале XXI века обусловлена сочетанием внешних и внутренних факторов. Западные европейские и американские исследования показывают, что извне на процессы влияли глобализация, формирование общеевропейской курдской идентичности и стремление Турции к вступлению в ЕС, что усиливало давление на её политику в сфере прав человека. Как внутренние факторы решающую роль сыграли изменения ценностных ориентиров курдов, урбанизация, рост правозащитного дискурса и арест Абдуллы Оджалана, ставший ключевым моментом модернизации движения. В совокупности это ускорило изменения региональных балансов и привело к качественной эволюции курдской идентичности.

4 Западные европейские и американские исследования показывают, что динамика сирийского Курдистана определяется ростом курдского национального самосознания и политической трансформацией курдских партий, которые из разрозненных организаций становились основными акторами регионального управления. В западной научной литературе подчеркивается, что взаимодействие сирийских курдских партий с курдскими

структурами Ирака и Турции одновременно ускорило институционализацию Рожавы и привело к сокращению числа партий, не выдержавших конкуренции за легитимность. Тем самым западные исследователи рассматривают политические партии как основной механизм решения курдского вопроса в Сирии через формирование альтернативной модели самоуправления, устойчивость которой зависит от сочетания внутренних политических решений и внешних факторов.

5. Западноевропейские и американские исследования показывают, что курдские партии в политической системе Турции формировались под влиянием длительной политики запретов и присутствия РПК, рассматриваемой Анкарой и западными странами как террористическая организация. Несмотря на череду распущенных партий, курдское политическое движение сохранило представительство в парламенте через Демократическую партию народов, продвигая институционализацию курдской идентичности, включая обучение на курдском языке. Западные исследователи подчеркивают, что развитие сотрудничества между ПСР и курдскими партиями рассматривается как важный фактор стабилизации турецко-курдских отношений.

6. Транснациональная практика курдской диаспоры для оказания поддержки соотечественников на исторической родине использует доступные инструменты и механизмы, создавая ассоциации, объединения, организовывая форумы, конференции, фестивали, митинги. Наиболее популярным инструментом курдской диаспоры стало использование киберпространства, в первую очередь, в плане социальных сетей для информирования широкой общественности о происходящих событиях и проблемах. Активные действия курдской диаспоры содействовали тому, что курды стали акторами не только на национальном и региональном уровне, но и на уровне Европейского Союза в международном пространстве.

7. Зарубежная аналитика, исследуя влияние сверхдержав на курдскую тему в Сирии и Турции, преследовали не поддержку курдского этноса в ее гражданских правах. Под видом лозунгов о необходимости подлинно демократических преобразований они преследовали иные цели. Они могли оказывать военную, гуманитарную поддержку, особенно Сирии. Им важны были курды Сирии для борьбы с ИГИЛ, а к Турции в их курдской политике относились как союзнику по НАТО. Соединенные Штаты, определяя приоритеты своей политики на Ближнем Востоке, держат под контролем влияние курдской проблемы на региональную и международную повестку дня, фокусируя свой приоритет к демократическому правлению, как и Европейский Союз. Прогрессивные представители курдского движения считали, что западные страны не стремятся к справедливому решению курдской проблемы.

8. Курдский вопрос представляет региональную и мировую проблему, создавая риски и угрозы политической, экономической и социальной стабильности. Фактор природных ресурсов порождает конфронтацию Турция

– Сирия, Турция – Иран, который определяет высокую степень влияния на региональную политику. Мировым державам стоит признать, что без урегулирования курдской проблематики не добиться мирного Ближнего Востока, и вырабатывать новые подходы обеспечения своих интересов в регионе, понимая, что военные операции не являются эффективным решением курдской проблемы.

9. Анализ зарубежных исследований на предмет перспектив решения курдского вопроса на Ближнем Востоке показывает разнообразие политических сценариев и перспектив решения курдского вопроса: автономия на основе федерализма, демократический конфедерализм, создание независимого единого Курдистана. В настоящее время в условиях притязаний США на Гренландию, территориальных споров Россия-Украина, нерешенный вопрос Тайваня делают решение курдской проблемы сложной, изменчивой, противоречивой и неопределённой.

Теоретическая значимость исследования. Теории, концепции и подходы, используемые западноевропейскими и американскими исследователями курдского вопроса, например, подход «стабилизации в перспективе», колониальность, инструментализм, концепция локализации иностранных новостей и другие, могут быть интегрированы в казахстанский контекст для научных исследований. В настоящее время, наполненное вызовами и угрозами, эти теории, концепции и подходы позволят значительно обогатить казахстанские научные исследования в сфере политологии, востоковедческих и регионоведческих исследований, международных отношений, социологии, политической демографии. Полученные результаты по материалам западноевропейских и американских исследований позволяют расширить понимание курдской проблемы и некоторые пути ее решения, достижения национальной и региональной стабильности путем признания гражданских прав курдов.

Практическая значимость работы. Практическая значимость работы в определенной степени коррелирует с ее теоретической значимостью. Практическая значимость работы выстраивается в двух уровнях: регионально-международном и казахстанско-национальном. На регионально-международном уровне прогнозные сценарии разрешения курдского вопроса на Ближнем Востоке могут и должны быть учтены принимающими решения лицами с учетом прецедента в виде иракского Курдистана и Автономной администрации северной и восточной Сирии – Рожавы. На казахстанско-национальном уровне результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности государственных органов, профильных ведомств, в образовательной деятельности по истории, политологии, международным отношениям, регионоведению, востоковедению. Диссертация может быть использована при подготовке учебников, учебных пособий.

Апробация исследования. Основные положения диссертационной работы отражены в 4 научных работах, в том числе 1 статьи в научном

журнале, входящем в базу данных Scopus (Q2) и 3 статьи в научных журналах, рекомендуемых КОКСНВО МНнВО РК:

1. Socio-Cultural and Political Features and Differences in the Life of Kurdish Communities and Social Groups in Kazakhstan, Turkey, and Syria // International Journal of Minority and Group Rights. – 2025. - 07 Feb. Advance Articles

2. Методологические подходы изучения курдского вопроса // Вестник Казахского национального педагогического университета им.Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». – 2020.- №1(64).

3. Роль Рабочей партии Курдистана в признании курдского вопроса // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана, серия «Международные отношения и регионоведение» - 2023. - № 4. (в соавт. Шайморданова З.Д.).

4.Кубашев А.Е. Курдская диаспора Казахстана в новой геополитической и геоэкономической реальности // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана, серия «Международные отношения и регионоведение». - 2024. - № 4.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, списка определений, обозначение и сокращений, трех разделов, каждый из которых имеет 3 параграфа, заключения, 6 таблиц, 1 рисунка, списка использованных источников, включающего 207 наименования, одного приложения. Было выявлено около 350 наименований источников, после их изучения было принято решение использовать 207 источников, отражающих взгляды специалистов по данному профилю. Объем работы составляет 140 страниц.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРДСКОГО ВОПРОСА В СИРИИ И ТУРЦИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ АНАЛИТИКЕ

1.1 Причины возникновения курдского вопроса в исторической ретроспективе

История курдов уходит в далекое прошлое, в X-XII вв., с возникновением курдских княжеств, но которые были разрушены вследствие татаро-монгольского нашествия. В XVI в. ставшие сильными Османская и Персидская империи находились в постоянном конфликте. Курдское население внутри этих империй оказалось раздробленным географически, и эта раздробленность наблюдается и сейчас в XXI веке. Попытки османов уничтожить многочисленное курдское население, рассеивая и вытесняя курдов на северо-восточные границы империи Сефевидов, стали началом появления курдского национализма, обусловленного неудовлетворенностью своим социально-экономическим положением.

В то время курдское общество представляло племена и кланы. Для обеспечения своего выживания какой-либо курдский клан сотрудничал с той или иной империей в зависимости от ситуации. Однако курдские локальные власти более активно сотрудничали с османами, которые, с учетом религиозного подхода, были суннитами. Большинство из них - мусульмане-сунниты, принявшие ислам в период между XII и XVI веками и принадлежащие к шафиитской школе ислама. Однако многие иранские курды, проживающие в провинциях Керманшах и Илам, являются шиитами. Другие курды исповедуют алевизм, неортодоксальную форму шиитского ислама, а также езидскую веру.

Курдское население вело кочевой образ жизни, пересекая границы Османской империи и государства Сефевидов. Следует отметить, что на территории Османской империи курдские княжества сохраняли свою независимость. Курдским элитам была предоставлена большая автономия [33, с.69].

Курды должны были участвовать во всех войнах империи, а она, в свою очередь, должна была защищать курдов. Со временем у османов возник вопрос о переходе курдов на оседлый образ жизни, что стало возможностью четко обозначить границы проживания курдов, а также взимать с них налоги. Империи видели в курдах потенциальную дешевую рабочую силу, которая поможет в восстановлении государства, пострадавшего от постоянных войн.

Первое разделение курдов произошло после Чалдыранского сражения 1514 г., когда в Османской империи оказалась большая группа курдских княжеств, впервые официально интегрированные в империю. Другая часть курдов была интегрирована в персидскую империю [51, с.127].

Конфликты продолжались, а империи использовали курдские разногласия в своих интересах, чтобы занять выгодные позиции вдоль границы. В 1639 г. Зохабский договор примирил две империи, четко разделив

территории курдов и создав границы, которые оставались относительно неизменными до конца Первой мировой войны [52, с.53]. Таким образом, мы видим, что, курдские княжества в XVI веке, находясь в составе Османской империи, имели независимость. Но обе империи использовали курдские войска в своих целях, то есть курды были инструментом в действиях империй, что не давало регулировать политические и территориальные разногласия местных властей и курдских сообществ [53, с.10]. Эти разногласия стали первой важной причиной возникновения курдского вопроса [54, с. 8] и появления концепта «курдскость» (Kurdayeti- курд., Kurdishness – англ.) [55, с.87]. По мнению некоторых исследователей концепт «курдскость» появился примерно в середине XVII в. [56, с.2]. Профессор Уинсорского университета (University of Windsor, Canada) Э.Хассанпур «курдскость» определяет как национальную идентичность, развивающуюся в ритме политических преобразований и появления новых политических элит [56, с.2].

Здесь необходимо отметить, что в настоящей диссертации мы использовали научные исследования австралийских и канадских исследователей, так как их работы отражают некоторые сложные вопросы курдской проблематики, которые мы не могли идентифицировать в западноевропейских и американских научных трудах.

Исследователь Университета Монаша (Австралия) У.Гурли пишет: «Защита своей курдской самобытности перед лицом преследований стала принципиальным вопросом, в то время как «курдскость», как модель объединенного курдского национализма, стремилась ослабить процессы угнетения, оказывая помощь и проявляя солидарность, вместе с тем и безопасность, маргинализированным курдам» [57, с.26]. То есть, У.Гурли определяет «курдскость» как модель объединенного курдского национализма, направленного на самоопределение.

Исследователь Университета Эксетера А.Хассаниян определяет концепт «курдскость» как форму коллективной курдской идентичности, как идею утверждения этнической и идеологической самобытности курдов, сильного чувства этнической самобытности в противовес арабскому национализму и исламу [58, с. 138]. Исследователь считает, что курдскость стала главным источником активности курдов, а в институциональном плане - различных курдских партий, источником понимания и реакцией на политику центральных властей Сирии и Турции [58, с.149].

Другие современные исследователи определяют курдскость как национальное самосознание курдов [59, с.312].

По нашему мнению, курдскость – это курдская этническая идентичность, политическая идентичность, курдская солидарность, проявляемая в стремлении к демократизации современного курдского общества в соответствии с принципами свободы и равенства. Это многослойное явление, включающее язык, культуру, историю, коллективную память и чувство идентичности. Относительно языка, традиций и обычаев, культуры в целом, несмотря на многовековую политику центральных властей

запретить их, курдское сообщество смогло сохранить их, передавая новым поколениям.

Постепенно курдскость стала восприниматься как форма сопротивления, способом объединения людей вокруг идеи национального самоопределения, обретения полных гражданских и политических прав. Сегодня курдскость – это не просто принадлежность к народу, это своеобразный способ бытия курдов в мире, где продолжается их борьба за самоопределение.

Две османские провинции Диярбакыр и Эрзурум, населенные преимущественно курдами, в XVI в. и до начала XIX в. были экономически процветающими районами. Здесь был особый режим землевладения, позволяющий развивать овцеводство и торговлю, производство и торговлю текстилем, а также добычей полезных ископаемых, составляющих природную силу курдского сообщества. Через эти города проходили региональные и международные торговые пути. Этот регион приносил значительные доходы в османскую казну [33, с.98].

Позже, когда в неолиберальную эпоху возросло значение углеводородов, этот регион, будучи одним из перспективных нефтяных зон Турции, приобрел особое стратегическое значение, так как растущий экономический потенциал требует все больше и больше энергии. И регион стал крупнейшим получателем государственных инвестиций.

Активная политика взимания налогов в Османской империи в XVIII веке содействовала тому, что османское правительство контролировало функции курдских административных единиц. Курдская элита смогла увеличить свои земельные обрабатываемые владения, осваивая их и принося новый повышенный доход империи.

Рассредоточив курдские племена на большие расстояния друг от друга, империи преследовали цель разрушить солидарность и подорвать их сплоченность, уменьшить любую курдскую группировку, устанавливая строгий правительственный контроль, который был очень слабый в этих районах [33, с.116].

Вмешательство империй во внутренние дела курдов, постоянный контроль за ними стал константой политики местных властей на протяжении столетий, обусловленная факторами соперничества держав, страхом потерять контроль над территориями и границами, вдоль которых передвигались курды, а также ростом курдского национализма, еще слабого, но все чаще и чаще проявляющегося.

В начале XIX века Османская империя и Персидская империя начали политику централизации государственной власти. В первой половине XIX века курдские административные структуры, созданные в начале XVI века, сохранявшие свою инфраструктуру на протяжении трех веков, постепенно разрушились. Исследователь английского Ковентри университета О.Текдемир считает, что это было результатом политики централизации и вестернизации, т.е. значительных перемен в Османской империи [33, с.92].

В Османской империи эти реформы привели к подавлению местной элиты в плане финансовой и земельной власти, сокращению свобод, которыми они пользовались, их изгнанию. В этот период курдские территории перешли под прямой османский контроль. Такое положение дел вызвало серию восстаний в 1806 - 1880 гг. Со своей стороны османы начали слежку за курдской общиной, которая продолжалась до распада Османской империи. Слежка имела целью не допустить сильного курдского движения. В конечном итоге, такая политика Османской империи привела к тому, что в первой половине XIX века курдские государства были ликвидированы и не осталось ни одной курдской административной структуры. Было уничтожено 263 курдских эмирата, место которых заняли племенные структуры в обществе и политике. Данное обстоятельство привело к усилению разногласий как межплеменных, так и между руководителями курдских племен, ослаблению законности и порядка в сельской местности, населенной курдами. В совокупности эти обстоятельства привели к социально-экономической отсталости региона, несмотря на проникновение и развитие капитализма в Османской империи. Такую политику против курдов империя продолжила и в XX веке, все больше и больше подчиняя курдов, делая их зависимыми от центральной власти, систематически отрицая курдскую идентичность, формируя глубокое неравенство курдов по сравнению с турками.

В период войн между Османской империей и Россией в 1853-1856 и 1877-1878 гг. курды поддерживали османов, хотя курдские племена продолжали воевать друг с другом, чтобы получить больше власти и положительного отношения со стороны империй. В свою очередь османские правители формировали из особых племен курдов войска для обеспечения защиты от российской угрозы, делая попытку включить их в османскую государственную систему, основав школы для обучения детей курдской племенной элиты [33, с.97].

Войны за объединение и независимость Курдистана начались в первой половине XIX века. С 1847 по 1881 год произошли новые восстания под предводительством традиционных, часто религиозных лидеров, за создание курдского государства. За ними вплоть до Первой мировой войны последует целая серия региональных восстаний против центральной власти, все из которых будут жестко подавлены. Однако в конце XIX века под руководством константинопольских курдских интеллектуалов вырисовывается современная фаза национального движения: публикация книг и журналов положила начало культурному и политическому возрождению. Растет число патриотических ассоциаций и обществ, стремящихся ввести упорядоченность в борьбу за независимость.

Французский исследователь Хамит Бозарслан считает, что это было противостояние авторитарного и модернизирующего государства традиционному обществу, его образу жизни и его ценностям, но не начало национализма [19, с.31]. В период до образования Турецкой Республики из курдов формировали конные кавалерии как механизм нейтрализации

племенной власти, поскольку во главе кавалерии стояли османские офицеры. В этот период набирает силу панисламизм.

Следовательно, курды по-прежнему были разделены внутренними разногласиями, которые активно использовала османская власть, чтобы не дать процессу единения народа, подпитывая межобщинные конфликты и усиливая традиционалистские племенные компоненты курдов, углубляя феодализацию курдского сообщества с низким уровнем экономического развития. Но такая политика османов привела к противоположному результату: курдские племена, причем враждующие, активизировались в борьбе за свои права.

На протяжении всей Первой мировой войны центральная власть османов часто использовала курдские войска как инструмент для решения задач, связанных с перемещением населения или массовыми убийствами национальных меньшинств, мотивированные расизмом некоторых курдских племен. В Персидской империи курдов не считали меньшинством, так как они индоевропейцы. Но парадокс курдов этой империи заключался в том, что курды имеют религиозную близость с османами, но схожую этническую принадлежность с персами.

Такие факторы как географическая рассредоточенность курдов, слабость внутрикурдских коммуникаций, разделение племен правительственные агенты Османской и Персидской империй использовали для укрепления своей власти. Очевидный фактор слабости центральной власти привел к следующему: чем больше она теряла власть, тем больше она использовала курдов как опору власти. Данное положение подтверждается канадским исследователем М.Ляроз, которая описывает использование курдов в пограничных войсках и вооруженных силах. С другой стороны, против набравшего силу курдского движения империи пытались использовать другие племена в целях противодействия этому движению, уменьшая масштабы общей силы курдского движения [54, с.87].

Мудросское перемирие 1918 года означало конец Первой мировой войны для Османской империи, которая должна была отказаться от некоторых своих территорий. Последовавший Севрский договор 10 августа 1920 г. так и не был ратифицирован. Некоторые курдские лидеры объединялись, начал проявляться армянский фактор как угроза. Новая власть сначала хотела быть гарантом курдско-турецкого братства, но это не увенчалось большим успехом. М.Кемаль добивался автономии для некоторых племен, которые его поддерживали. В ходе переговоров по Лозаннскому договору от 24.04.1923 г. между союзниками и Ататюрком проект Курдистана, определенный в Севрском договоре, был отменен.

В Турции усиливалась антикурдская политики. Первое заседание Национального Собрания Турции, состоявшееся в апреле 1923 г. с участием 72 представителей Курдистана, было распущено. Слова «курд» и «Курдистан», обычно используемые в турецких административных текстах и актах с XII века, стали запретными.

В истории курдов было зафиксировано множество восстаний, каждое из которых в той или иной степени выражало этнические требования курдов. Централизация власти Ататюрка и его политики турецкого и светского национализма, получившая название «кемализация», вызвала 18 восстаний в 1923-1938 гг., 16 из которых были курдского происхождения. Курдское движение основывалось на мобилизации традиционных сил курдской социальной организации: племенной аспект и религия [60, с. 123].

Эти две традиционные силы курдского движения очень важны, т.к. политика Ататюрка противоречила им. Например, упразднение Министерства по делам религий, религиозных судов и школ в 1924 г. Этот факт сокращает силу религиозных деятелей и вождей племен, что стало одной из причин появления более четкого национализма. Националистические настроения курдов начинали играть объединяющую роль.

Следует учитывать факт того, что разделение курдов по различным территориям отрицательно сказывается на экономике племен, нарушает племенную иерархию, разделяя курдское движение.

В мае 1932 года Анкара начала депортацию и расселение нескольких сотен тысяч курдов в центральную Анатолию и одновременно расселение на курдских территориях тюркоязычного населения с целью ускорения «тюркизации» курдов, что вызвало волну протестов.

Крупным восстанием стало восстание курдов в Десриме в 1937-1938 гг. против турецкой политики, за которым последовали жестокие репрессии с депортацией семей и убийством более 40 000 курдов. Это восстание демонстрирует возвращение проблемы внутренних разногласий с новой силой, несмотря на формирующийся курдский национализм и националистическое сознание.

До начала Второй мировой войны курдов можно было просто уничтожать и отдалить от турецкой цивилизации. После Второй мировой войны риторика в отношении курдов изменилась, когда вопрос культуры и языка стал решающим для курдов в плане ассимиляции с турками посредством государственного образования и изучения турецкого языка и культуры [61, с.45]. А роль турецкой армии как хранителя Конституции будет заключаться в борьбе против курдов, включая репрессии.

Курдская политика Анкары в послевоенный период приобрела двойные стандарты:

- кемалистский подход представлял политику хаотичной ассимиляции и репрессий, стирания курдской идентичности с помощью образовательной политики, которая популяризировала турецкий язык и ценности турецкой цивилизации, с другой стороны – репрессии жестокой свирепости,

- фактор принуждения курдов проявился со времен Ататюрка и сохраняется на протяжении всей истории внутренней политики Турции. В своем желании ослабить и унижить курдов посредством принуждения и особенно к элементам их культуры, языка, заставило курдов частично изолироваться от правительства и турецкого общества.

К концу Первой мировой войны у курдов в Сирии были подразделения, происходящие из Османской империи. Сирийские курды были объединены кланы, племена или секты, как например, езиды. Большинство сирийских курдов говорят на курманджи и являются мусульманами-суннитами. В конце Первой мировой войны Сирией руководил французский мандат. Благодаря французскому мандату сирийские курды имели большую свободу, чем другие курдские общины в регионе в период действия Лозаннского договора до 1961 года. Франция разделяла и понимала положение курдского меньшинства, содействуя его усилению. После восстания в 1925 г. шейха Саида в Турции, которое было жестоко подавлено, курдское население Сирии увеличилось за счет депортированных турецких курдов. Этот факт привел к росту национализма, по мнению швейцарского исследователя Ж.Теджея [62, с. 17]. Французский мандат для сирийских курдов стал механизмом постепенного повышения своего статуса в арабоязычной стране. Но Франция использовала внутрикурдские разногласия для обеспечения контроля над сирийской властью, следуя принципу «разделяй и властвуй». Для создания буферной зоны Франция планировала заселение Джебзире курдами и другими меньшинствами, чтобы создать буферную зону. План предусматривал назначение в Джебзире должностных лиц из числа курдов, использование разведывательных служб с целью заставить сирийское правительство использовать курдский язык, выдача удостоверений курдским беженцам, проживающим несколько лет в Сирии.

Такая политика Франции закончилась в 1936 г. после подписания франко-сирийского договора, обещающий независимость Сирии. После Второй мировой войны в 1946 г. французские войска покинули страну, Сирия могла приступить к управлению самостоятельно, без внешнего влияния. Оставленное политическое наследие от Франции создавали сложности для реализации национального плана, что сказалось на уязвимости сирийского правительства [63, с.11].

Послевоенный период охарактеризовался таким важным для курдов событием, как реализация мечты курдов о независимом Курдистане, когда в декабре 1945 г. в Иране была образована Курдская Республика Махабад или Махабадская Республика, существовавшая до декабря 1946 года. Сам факт создания Курдской республики, ее краткой и бурной истории, ее внезапный коллапс - одна из наиболее поучительных историй современного Ближнего Востока. А. Рузвельт-младший, внук президента Ф.Рузвельта, был военным атташе в Тегеране и изучал положение курдов. Он считает, что курдская возникла преждевременно, в период межплеменных войн курдов, которые вступили в соперничество с империализмом, что подчеркивает сложность курдской проблемы, курдского народа, который никогда не был единым. 4 государства, между которыми разделены курды, не симпатизирует курдским желанием самоопределения и никогда не примут устремления курдов [64, с.247].

Общеизвестно, что небольшое курдское государство прекратило свое существование из-за оккупации Ираном. Рузвельт-младший выделил причины распада несостоявшейся государственности: разобщенность курдов, низкий уровень грамотности и образованности, в том числе и курдской политической элиты, ослабление государственной власти, влияние внешних сил [64, с.268]. Падение Республики Махабад стало серьезным ударом по курдскому национализму. Но курды нашли поддержку среди прогрессивных слоев населения, которое неизбежно будет увеличиваться в количестве и в качестве.

После того, как французские войска покинули Сирию, волна арабского национализма охватила страны, что заставило национальные меньшинства, в том числе и курдов, интегрироваться в сирийскую политическую и социально-экономическую структуру, т.е. пошел процесс арабизации меньшинств. Данная ситуация вызвала обратный результат у курдов, а именно рост курдского национализма. Кроме того, сирийское общество признавало курдов не как единое и целое сообщество, а как мигрантов из Турции.

В середине 1970-х гг. в курдские районы Сирии было расселено несколько арабских семей, принуждая курдов к ассимиляции. Власть Хафез аль Асада была очень осторожной по отношению к курдам, она носила характер прагматичности. Его политика сочетала в себе принуждение, поощрение разногласий между курдами и другими меньшинствами и перераспределение собственности. Исследователь Теджел так объясняет проводимую Хафез аль-Асадом политику: «Асад проводит политику кооптации определенных сегментов курдской группировки как внутри Сирии, так и за ее пределами... Внешне политика кооптации служила как для поддержки региональных амбиций Сирии, так и для устранения курдской опасности в столице» [62, с.71].

В 1970-1990 гг. сирийский режим перенес свою курдскую проблему на Ирак и Турцию, одновременно поощряя действия турецкого правительства против курдских движений. В Турции с 1984 г. начался вооруженный конфликт турецкой власти с Рабочей партией Курдистана. Турецкое правительство начинает политику отказа от изоляции курдского региона, начав шаги по их объединению. В 1980-1990-х годах Х. аль Асад также ослабляет политику в отношении курдов, обусловленную с присутствием на сирийской земле Рабочей партии Курдистана, которая перешла на партизанский формат своей активности и которую он разрешил укрывать в сирийских горах при условии. С одним условием: РПК не будет вступать в контакт с сирийскими курдами, тем самым изолируя курдскую фракцию от совместных действий, уменьшая силу курдского движения.

Однако под влиянием чрезвычайно быстрой урбанизации и усиления социальных движений курдская молодежь Турции мобилизуется и выбирает радикальный национализм, который выражается в жесткой риторике. Чтобы ослабить радикальный национализм, правительство предпринимает определенные меры, чтобы перетянуть сельское население на свою сторону: предлагает вооружение, определенную оплату, сотрудничество в любой

форме. Жителям сельских населенных пунктов предоставлялись возможности для развития параллельной экономики (особенно контрабанды), а также определенные услуги, например, электрификация и новые дороги. Однако эти меры не смогли ослабить мобилизацию курдов.

Турция жестоко подавляла частые восстания курдов с момента основания Турецкой Республики в 1923 году и вела 15-летнюю военную кампанию против своего курдского населения с 1984 по 1999 год, сопровождавшуюся операциями по обеспечению государственной безопасности. Цель этих операций заключалась в разобщении курдских общин на юго-востоке путем уничтожения тысяч курдских деревень. В ходе этого процесса миллионы мирных курдов были вынуждены покинуть свои дома, подверглись пыткам, а произвольные убийства стали обычным делом. В последнее время в этом районе наблюдается всплеск насилия между турецкими силами и Рабочей партией Курдистана. В декабре 2004 года Турция стала кандидатом на официальные переговоры о вступлении в Европейский Союз, что стало событием огромной важности для курдов, предполагающих демократизацию страны.

Глубоко укоренившиеся подозрения по поводу амбиций курдов, многочисленного неарабского населения, проживающего в Сирии и преследуемого местными властями, стали ключевым фактором, определяющим политику центрального правительства в отношении курдов, которые продолжали борьбу за независимость, укрепляя национальное единство, преодолевая раздробленность, отвечая на угрозы со стороны правительства.

В конечном счете, курды были лишены возможности обрести независимость, предусмотренной Севрским мирным договором 1920 года, позже курды были разделены между пограничными районами Турции, Ирака, Ирана и Сирии, где к ним относились с глубоким недоверием и враждебностью. Им было отказано в существовании как народа, и в результате они пережили десятилетия репрессий, насилия и принудительного труда.

В Турции рождение новой республики под руководством Кемаля Ататюрка в 1923 году ознаменовалось насаждением моноэтнического национализма, который стремился уничтожить представление о самобытном курдском народе. «Соображения безопасности», вызванные расположением курдских общин в уязвимых приграничных регионах Турции, способствовали достижению этой цели. Ситуация обострилась после 1984 года, когда объявленное правительством чрезвычайное положение на юго-востоке страны стало основой для пыток, убийств, принудительного перемещения и жестких ограничений на культурное и политическое самовыражение курдов на фоне продолжающегося вооруженного конфликта.

Таким образом, в условиях падения Османской и Персидской империй возникли новые государства, которые стремились к национальной идентичности наряду с государственным строительством, и которые не могли позволить слабость своей власти. Но произошло географическое разделение

курдского этноса между 4 странами – Ирак, Иран, Сирия, Турция, сформировались новые политические границы, несогласуемые с социальными границами кланов и племен.

Разделение курдов между 4 государствами региона и постепенный рост национального самосознания привел к появлению регионального национализма курдского населения. По мнению зарубежных исследователей, причины появления курдского национализма следует искать в централизованной политике государств. Именно в рамках общего движения возник курдский национализм. «Таким образом, можно предположить, что в конце XIX века, уже в 1880-х годах, существовал культурный, если можно так выразиться, цивилизационный национализм», – считает французский исследователь курдского происхождения Хамит Бозарслан [18, p.21].

Постоянное перемещение курдов с одной территории на другую содействовали росту курдского национализма. Развивались разногласия внутри курдской общины, уменьшилась сила курдского движения в Сирии и Турции. Процесс принуждения курдов, например, в плане использования только арабского языка в Сирии и турецкого в Турции, слабость центральной власти в Сирии, жесткая антикурдская политика в Турции вызывали появление курдского национализма, усиленное процессами ассимиляции или аккультурации курдов, т.е. «курдскости» (kurdishness). Постоянное отрицание курдской идентичности со стороны центральных правительств Сирии и Турции выкристаллизовывали идею курдской субъектности. Авторитаризм центральных властей Турции и Сирии, массовые преследования курдов в Турции, особенно на рубеже 1980-1990-х годов, содействовали укреплению национального самосознания курдского народа, способствовало упрочению братства между народами, переходу от культурных претензий к политическим за независимое курдское государство.

Основные этапы развития курдского вопроса представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Хронология курдского вопроса

Исторические этапы	Основные события	Характеристика курдского кейса
1	2	3
Период распада империй и формирования «курдского вопроса» (1918–1923)	Ключевой этап формирования курдского вопроса как международной проблемы, разрушение империи османов.	Курды впервые рассматриваются как возможная нация без государства, конфликт интересов великих держав
Межвоенный период и раздел курдских территорий (1923–1945)	Восстания курдов в Турции и Ираке	Курды окончательно разделены между: Турцией, Ираком, Ираном, Сирией

Продолжение таблицы 1

	1	3
Холодная война и регионализация курдского вопроса (1945–1991)	Формирование курдских политических движений: в Ираке (КДП, ПСК) в Турции (ПКК). Курды используются как инструмент давления в межгосударственных конфликтах	Курдский вопрос становится частью региональной политики и соперничества сверхдержав
Постбиполярный этап и институционализация курдской автономии (1991–2011)	Переломный момент — война в Персидском заливе (1991). Формирование: собственных институтов власти вооружённых сил (пешмерга).	Возникновение Курдского автономного района в Ираке
Современный этап: сирийский кризис и трансформация курдского вопроса (с 2011 г.)	Сирийская гражданская война и усиление сирийских курдов (Рожава). Усиление противоречий с Турцией. Курдский вопрос приобретает наднациональный, трансграничный характер	Курды становятся: ключевыми союзниками. Запада в борьбе с ИГ и самостоятельным геополитическим актором

В разные исторические периоды политика правительств по отношению к курдам развивалась в соответствии с противоречиями между основополагающей доктриной государства и политической реальностью того или иного государства, где проживают курды. Политика была направлена на запрет курдского языка, культуры, литературы, лишения их гражданских и политических прав, что привело к появлению курдского вопроса, концепта «курдскость», курдского национализма, регионального национализма. Политика центральных правительств в отношении курдов сдерживала не только их экономическое развитие, но и политическое и социально-культурное развитие. Решение курдского вопроса требует политической воли правительств Сирии и Турции для его мирного урегулирования.

1.2 Основные теории, концепции и подходы исследования курдской проблемы в западноевропейских и американских исследованиях

Междисциплинарный подход позволяет нам очертить и детализировать сложности социальных, политических, экономических и культурных процессов, присущих курдам и Курдистану, исследовать эти процессы и их особенности с точки зрения инновационных и критических позиций для того, чтобы осветить его основные проблемы и события.

Курдский вопрос исследуется посредством междисциплинарных теорий, концепций, подходов. Теории и концепции международных отношений, истории и социологии содействуют наилучшему анализу курдской проблематики в Сирии и Турции.

Теория мир-системы И.Валлерстайна показывает, что все государства представляют мировую систему и мировую экономику, независимо от уровня их политического, социально-экономического развития [65].

Теория реализма объясняет действия Турции в первые годы существования Турецкой Республики, государство проводило умеренную политику в отношении курдов, когда они получили особый статус. Зарубежные исследователи считают, что из-за восстания 1925 г. шейха Саида турецкое государство перешло к политике сокращения прав курдов и применения силы [66, с.2].

Причина такой трансформации заключалась в боязни угрозы территориальной целостности Турции. С 1970-х гг. Турция начала менять свою политику, предоставляя курдам некоторые права. Например, по минимизации экономических различий между курдами и остальной Турцией, но не минимизации социальных различий [67, с.78].

Теорией реализма разъясняется активность правящей в Турции Партии справедливости и развития, которая рассматривала РПК как террористическую организацию, исключая курдский вопрос после парламентских выборов 2015 года [68]. ПСР демонстрирует различия между турецкой и курдской идеологиями, которые увеличивают межэтнический раскол, от которого решение курдского вопроса становится большой неразрешенной проблемой. Под руководством Партии справедливости и развития исламистская идеология стала механизмом государственного управления для поддержания и легитимизации колониального правления курдов Турции.

В период 2011-2012 гг. до образования Рожавы ситуация на северо-востоке Сирии усложнилась, проводились боевые действия. Правительство Башара аль-Асада вело борьбу против Свободной Сирийской армии, джихадистских группировок и Отрядов народной самообороны (YPG), являющимся боевым крылом курдской партии «Демократический союз» (PYD), осознавая опасность территориальной целостности государства и распространения джихадистской идеологии в страну.

Политика сирийского правительства привела к тому, что местное курдское сообщество находилось в состоянии подполья, открыто не выражая политические и гражданские требования, тем самым отдаляя курдов от управления страной. Политика сирийского правительства о запрете регистрации детей с курдскими именами, закрытие культурных курдских центров, книжных магазинов, издательств ущемляла гражданские права курдов, которые организовывали протестные выступления.

Хафез аль-Асад, стоявший у руля сирийского государства почти 30 лет (1971-2000), остановил политику переселения курдов в арабские районы

страны и арабского населения в курдские районы страны, приняв решение стать гарантом стабильности сирийского государства.

Происходящие восстания курдов Сирии и Турции снижали уровень их социальной защищенности, но одновременно укрепляли желание курдов о независимом Курдистане. Например, Араратское восстание (1927-1930). Некоторые исследователи полагали, что социальные, культурно-образовательные вопросы курдов можно решить посредством так называемой кемалистской цивилизаторской миссии [69, с.32].

Премьер-министр Турции того времени Исмет Инёню (1938-1950) предлагал провести социально-экономические преобразования в Дерсима (Тунджели) после восстания курдов в 1937-1938 гг. Была разработана программа реформ, включающая широкомасштабную работу по преобразованию региона от экономики до школьного образования. Однако И.Инёню отмечал, что не все местное население приветствовало эту программу. К 1950-м годам в этом регионе турецкие курды прекратили вооруженное сопротивление. Но разрыв в социально-экономическом развитии Дерсима и других регионов Турции оставался значительным. В этом контексте турецкое правительство представляло курдский вопрос продуктом социально-экономической отсталости, причина которому – отсутствие экономической интеграции с другими регионами страны.

Теория конструктивизма Александра Вендта дает возможность рассматривать государственное строительство курдов в Сирии и Турции, интересы и идентичности как продукты конкретных исторических процессов, исследовать влияние автономии сирийских курдов в Автономной администрации Северной и Восточной Сирии на интересы и идентичность государств на региональном и международном уровнях [70, с.73].

С точки зрения материальности и социальности международной среды роль идей, норм, ценностей и убеждений имеет ключевое значение в построении идентичности государства. Но идеи, нормы, ценности и убеждения сирийских и турецких курдов воспринимаются государственной властью как угроза целостности этих государств [71].

Курдская идентичность определяется коллективными представлениями о ней государством и обществами в Сирии и Турции: является ли она правомерной, представляет ли внутренний и внешний вызов, может ли дестабилизировать внутреннюю и региональную ситуацию, противоречит ли национальным интересам государств. Идентичность представляет основное положение конструктивизма, связанное с национальными интересами. Идентичность воспринимается как эволюционный и непрерывный процесс, создание которой неизменно влечет за собой какие-либо ограничения или разрешения, что особенно актуально в контексте курдской проблематики гражданских прав курдов в Сирии и Турции.

Трансформация интересов государства, например, стремление Турции быть частью ЕС, сопровождается изменением его идентичности. Так, Турция

то снимает ограничения по использованию курдского языка и все процессы, связанные с ним, то вновь их восстанавливает.

Конструктивистский подход помогает исследовать последствия сопротивления сирийских курдов Исламскому государству, их роль в борьбе против него, влияние на политический вес курдов в глазах мировой общественности, на их федеративные требования. Само появление Исламского государства и последовавшая за этим борьба курдов имели решающее значение для сирийского Курдистана. Борьба с ИГИЛ дала возможность получить контроль над территориальной базой для Рожавы, необходимой для политического развития, но и способствовали небывалому росту самосознания в общине сирийских курдов, тем самым возродив федеративные настроения.

Вооруженные силы сирийских курдов стали незаменимыми участниками сопротивления террористической организации, наделив курдов идентичностью в глазах международного сообщества как нового актора в международных отношениях, позволила им обрести легитимность и международное признание.

Став участниками глобальной безопасности, сирийские курды в борьбе с ИГИЛ также обрели символическую силу, показав, что может курдская идентичность во имя идеи государственного суверенитета, обретения гражданских прав. Дипломатическая и военная поддержка, оказываемая международной коалицией курдским вооруженным силам, также способствовала укреплению сирийской курдской общины путем ее интеграции в межгосударственную сферу наравне с другими международными державами.

Конструктивистский подход разъясняет, как курды партии РYD воспользовались крахом сирийского государства, чтобы взять под свой контроль курдские районы на севере страны и установить там свою власть. Имея территориальную основу, хрупкую, но реальную, а также автономное правительство, курды постепенно приобрели частичную идентичность как единое целое, что свидетельствует об их переходе к статусу государственной группы. Данный факт свидетельствует об изменении статуса сирийских курдов, их новому поведению в сирийском Курдистане. Курдская модель нациестроительства, базируемая на идеологии «демократической автономии», использует иные основы, чем в Иракском Курдистане, в результате чего создаются два конкурирующих протогосударственных образования, которые могут иметь различные последствия, далеко не положительные. Возможно, что постоянные потрясения в сирийском конфликте все еще могут существенно изменить политическую сферу курдов.

13 октября 2025 г. сирийские курды объявили о соглашении с новым правительством страны во главе с аш-Шараа об интеграции войск сирийских курдов в государственные силы безопасности. Предварительное соглашение было достигнуто еще в марте 2025 г. Население сирийского Курдистана было довольно прекращением военных действий, так как можно будет наращивать

объемы добычи нефти и пшеницы, которыми богат регион, чтобы поднять уровень его социально-экономического развития, повышения благосостояния курдов. Лидер сирийских курдов Мазлум Абди требует децентрализованной системы в Сирии. Существующие разногласия должны быть обсуждены в целях поиска приемлемой для всех формулы. Предполагается изменение ныне действующей Конституции с внесением пункта о гражданских правах курдов. Таким образом выстраивается новая курдская идентичность в условиях пришедшего сирийского правительства.

Неолиберализмом объясняются такие вопросы курдов как рост бедности, социальной незащищенности, рост безработицы. Эти факторы обусловлены перемещением сельских курдов в города, где они, не имея образования и не находящие работу в городской среде, увеличивают класс городской бедноты, живя за чертой бедности. В Турции курды иногда получают беспроцентную ссуду в рамках государственной поддержки предпринимательства, открывая небольшие пункты питания или парикмахерские, например. Неравенство в условиях жизни и доходах усугубляет бедность, социальную поляризацию и изоляцию. Снижение уровня бедности и безработицы должно обеспечивать государство, которое уже не выполняет своих функций по отношению к курдам в Турции и Сирии. Отметим, что эти процессы характерны практически для всех стран мира [72, с.25].

Теория комплекса региональной безопасности, авторами которой являются представители Копенгагенской школы исследований безопасности Б. Бузан и О. Уэвер, объясняет опасения правительств Сирии и Турции, а также политических партий двух стран о безопасности границ, территориальной целостности. Опасения усиливались необходимостью вести борьбу и против ИГИЛ [73, с.3-4]. Вместе с тем в регионе не удалось нейтрализовать курдское движение за гражданские права и независимость, что подчеркивает сложную ситуацию в регионе и определяет необходимость переосмысления архитектуры региональной безопасности [74, с.320].

Подход неоосманизма, который возрождает исламизм, с точки зрения «стратегической глубины» содействует анализу влияния турецкого государства на региональные державы, особенно касательно курдской проблемы. Турция, после свержения власти Б. аль-Асада 8 декабря 2024 г. в результате действий исламистских группировок, которых она сама и финансировала, обещала продолжить проводить операции против курдских формирований, которые контролировали северо-восток Сирии [75, с.135].

Подход неомарксизма в понимании А.Грамши, представляет переосмысление идей К.Маркса в контексте центр-периферия [76]. Сегодня неомарксисты критикуют современную «мир-систему» И.Валлерстайна, в которой в большинстве случаев нет места определения статуса народом государства в соответствии с принципами международного права. Это право прописано в «Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в

соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций». Раздел «Принцип равноправия и самоопределения народов» гласит: «В силу принципа равноправия и самоопределения народов, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций, все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава» [77].

Профессора Вестминстерского университета Д. Ананд и Н.Каул сквозь призму подхода колониальности проясняют положение курдов как «нации без гражданства», дополняя колониальность в концепты суверенитета, государственности, самоопределения и прав человек. Колониальность курдов, как результат политики государства, приводит к протестам, бросая вызов такой политике. Исследователи считают, что курдская проблема и конфликт это не только борьба государств за территории. Это колониальные формы власти еще больше ущемляют политические, гражданские и культурные права различных этнических меньшинств, в частности, курдов в Сирии и Турции [78, с.12].

В контекст колониальности курдов вписывается подход отсталости курдов, используемый В. Ядирги, профессором в области социальной, экономической и политической истории Турции и Ближнего Востока Лондонского университета [69, с.32]. По Ядирги, курдский вопрос в 1923-1950 гг. формулировался как проблема сохранения феодальных форм социально-экономической жизни и был выгоден феодальным лидерам, отрицавшим государственную политику развития и прогресса курдов в Турции того времени. В 1990-х годах курдский вопрос турецкие исследователи оценивали как социально-экономическую проблему слаборазвитости под названием «Doğu'yu soruna» / К проблеме Востока.

Ядирги поясняет, как курдские конфликты могут привести к солидарности, а могут и отделить протестные группы друг от друга. Это положение подтверждает факт того, что до 2000-х годов в Сирии не было реального политического поля курдов. В Сирии насчитывалось определенное количество политических партий, которые были разнообразны в своих программах, но были непоследовательны в своих программах. Сирийские политические партии сотрудничали с различными курдскими партиями Ирака и Турции, и в определенной степени зависели от них, что приводило к внутренним разногласиям.

Концептуальная основа турецкого государства заключалась в том, что турецкое правительство считало движение курдов за независимость следствием иностранной провокации. Иностранные державы провоцируют курдские восстания в Турции. Государство подавляло и подавляет беспорядки, подстрекаемые иностранными элементами. Основанием для этой концепции был так называемый «Севрский синдром» в рамках Мирного договора Севра

(1920). С окончанием холодной войны курдов стали изображать агентами Греции, Израиля, экс-СССР, Европейского союза [69, с.38].

Подход национализма, как турецкого или сирийского, а также курдского – один их ключевых подходов, применяемых западноевропейскими и американскими исследователями. Они считают, что турецкий национализм, например, возник как реакция на распад безвозвратно ушедшей Османской империи. И это обстоятельство придало турецкому национализму его наиболее прочные характеристики, как, впрочем и сирийскому национализму, с учетом факта, что сирийцы арабоязычные, т.е. семитская семья языков, а курды – это индоевропейская языковая семья. Некоторые исследователи считают, что турецкий и курдский национализм породил курдский, а другие исследователи – наоборот, что курдский национализм создал турецкий и сирийский национализм. Курдский национализм возник как следствие турецкого, который систематически отрицал и отрицает курдскую идентичность в остатках Османского Курдистана [42, с. 48].

По мнению некоторых исследователей, курдский национализм постепенно трансформировался в курдский радикализм, начиная с 1960-х годов с помощью различных механизмов, как, например, массовые протесты, предвыборные достижения прокурдских кандидатов. В ответ турецкая политическая элита начала искать альтернативные способы подавления курдов [33, с.56].

Другой концептуальный подход исследования курдского вопроса заключался в национально-освободительной борьбе курдов против колониализма за национальное самоопределение в 1970-1980-х гг., трансформировав ее из социально-экономической проблемы в вопрос национального угнетения. Некоторые курдские политические течения полагали, что Курдистан является колонией Турции, Ирака, Ирана и Сирии, лишив курдов гражданских прав [69, с.38]. Этот подход коррелирует с подходом колониальности, описанный выше.

Подход сепаратизма или сепаратистского террора стал доминирующей парадигмой по курдскому дискурсу. Подход сепаратизма имел свою эволюцию в рамках этого дискурса. После государственного переворота в Османской империи 1913 года наблюдался идеологический сдвиг от теории панисламизма к пантюркизму, унаследованный кемалистами и продолжаемой Турецкой Республикой. В 1960-1970-х годах в центре обсуждения курдского вопроса были социально-экономические вопросы, со второй половины 1980-х гг. на передний план выходит политическое измерение вопроса. В конце 1980-х - 1990-х гг. научный дискурс по курдскому вопросу фокусировался на политической истории курдского национализма и анализе конфликтов. С 1990 года научные исследования и дебаты по этому вопросу были сосредоточены на этих двух компонентах. Признав этническую составляющую курдского вопроса, Турция в 1990-х гг. характеризовала этот вопрос как этническое восстание с сепаратистской целью, что требовало принятия военных мер безопасности в целях территориальной целостности страны [69, с.38-39].

Некоторые исследователи пытаются использовать концепцию трансграничной идентичности, которую используют для характеристик трансграничного перемещения курдов из государства в государство и результатов этого перемещения [46, с.832]. Например, пересечение курдами турецко-сирийской границы в период гражданской войны в Сирии, когда была угроза не только курдской идентичности, но и самой жизни курдов в условиях продолжающихся военных столкновений.

Зарубежные аналитики, изучая влияние мировых держав на курдскую проблему в Сирии и Турции, в действительности не ставили целью защиту гражданских прав курдского населения. Под лозунгами о необходимости демократических реформ они преследовали собственные геополитические интересы. Развитие ключевых тенденций в ближневосточной подсистеме международных отношений во многом определяется внешней политикой региональных и мировых держав. Значительное влияние на происходящие процессы оказывают Соединённые Штаты Америки. Поэтому для глубокого понимания причин и характера многих явлений, развивающихся на Ближнем Востоке, необходимо анализировать политику Вашингтона и те инструменты, которые США применяют для реализации своих стратегических целей.

Представители курдского движения, придерживающиеся реалистичных взглядов, полагали, что западные державы стремятся не к справедливому решению курдского вопроса, а к контролю над нефтеносными районами региона.

Курдская проблема сегодня представляет собой не только региональный, но и глобальный вызов, создающий угрозы политической, экономической и социальной стабильности. Наличие природных ресурсов усиливает конфронтацию между Турцией и Сирией, а также между Турцией и Ираном, существенно влияя на характер региональной политики.

Мировым державам необходимо признать: без урегулирования курдского вопроса невозможно достичь устойчивого мира на Ближнем Востоке. Для этого требуются новые подходы, основанные не на военных операциях, а на дипломатии, политическом диалоге и уважении прав народов региона.

Анализ зарубежных исследований, посвящённых перспективам урегулирования курдского вопроса, демонстрирует существование различных политических сценариев. Среди них - предоставление автономии на основе федерализма, внедрение модели демократического конфедерализма или создание независимого Курдистана.

Политика Сирии и Турции, сосредоточенная на политической истории курдского национализма и анализе конфликтов, уделяла мало внимания экономическому и социальному положению курдов, характеризующейся процессами разрушения курдского традиционного экономического уклада. Используя теории развития, исследователи не до конца могли объяснить ситуацию с экономическим и социальным положением курдов. Но нашли объяснение сквозь призму подхода демографической инженерии,

направленной на националистическую демографическую тюркизацию или арабизацию, т.е. реорганизацию турецкой и сирийской экономик. Юго-восточная часть турецкой Анатолии, некогда успешно развивающаяся часть страны и в значительной степени заселенная курдами, к концу 1917 г. превратилась в голодающий регион с преследованием курдского населения. Политика экономической модернизации Турции интегрировала ее в мировую экономику, способствуя экономическому развитию. Однако курдские регионы Турции продолжали испытывать экономический спад.

В основе исследования западноевропейской и американской аналитики курдской проблематики, будь то политическая, экономическая, культурная, лежит концепт этнической идентичности. Оксфордский словарь дает следующее ее определение: «Этническая идентичность относится к чувству принадлежности индивида к определенной этнической группе, обычно основанному на общих культурных традициях, языке, происхождении, национальном или региональном происхождении и историческом опыте. Это важный аспект самооценки и социальной идентичности, определяющий то, как люди видят себя и как их воспринимают другие» [79].

Исторический опыт курдской проблематики показывает, что политика Сирии и Турции запрещала курдам использование музыки, фольклора, традиционной одежды, имен, издательств, школ как важных символов, главных маркеров курдской идентичности. Только спустя годы курды были признаны в Турции как крупнейшее этническое население с разрешением использовать национальный язык [33, с.163].

Этнографический подход при исследовании курдской проблематики позволяет раскрыть современное положение курдов, развитие этнических процессов, социальный статус курдов, культурный конфликт и его решение, языковые права курдов, предоставление образования на курдском языке, произошла ли и изменения в традиционной курдской культуре, какими культурными правами они обладают и т.д. [80, с.305].

Исследователь Линчёпингского университета Халид Хаяти (Швеция) использует подход киберэтнографии, который заключается в изучении различных курдских веб-сайтов и чатов для понимания того, как курды поддерживают онлайн отношения на глобальном уровне. Киберэтнография стала важным инструментом исследования виртуального сообщества [45, с.67].

Закон № 1587 1972 г. в Турции «О гражданской регистрации» практически запретил использование курдских имен, так как они не соответствуют турецкой культуре, традициям и обычаям. Настоящий закон уничтожил курдскую культуру и курдскую идентичность [81].

Но постепенно ситуация с курдской культурой начинает меняться, идет процесс культурной либерализации в турецком социуме. Несмотря на разрешение курдской музыки, курдский язык не мог быть использован как государственный, как и обучение курдских детей на родном языке в школах.

Действовал запрет и на радиопередачи. Только в 2009 г. правительство Турции разрешило радио- и телевидение на курдском языке, причем круглосуточно.

Этнографический подход показывает низкий уровень обеспечения курдов здравоохранением. В период Covid-19 в 2021 г. северные районы Сирии, которые контролируются протурецкими повстанческими силами, не получили вакцины против коронавируса. Первые вакцины должны были поступить только в мае 2021 г., тогда как во многих странах мира карантин по пандемии был уже снят [82].

Полезна концепция великой трансформации Карла Поланьи, венгерского экономиста и социолога при анализе курдских обществ. Концепция Карла Поланьи, описывающая диалектический процесс, в котором экономика стремится к саморегулированию, а общество сопротивляется этому, защищаясь от разрушительного воздействия рынка на свои домохозяйства. Курдское общество не смогло добиться великой трансформации, когда развивалась саморегулирующаяся рыночная экономика, а курдское общество сопротивлялось этим процессам, находясь на уровне феодального общества [83].

Американский политолог, профессор Чикагского университета Джон Миршаймер сформулировал теорию наступательного реализма в рамках теории политического реализма. Основное содержание теории наступательного реализма заключается в агрессивных действиях государства, исходя из национальных интересов [84, с.72].

Теорией наступательного реализма объясняются авиаудары США по позициям ИГИЛ в окрестностях Кобани в конце 2014 г. с участием Отрядов народной самообороны (YPG). В конце января 2015 г. ИГИЛ было полностью изгнано. США были заинтересованы в борьбе с ИГИЛ и ее ликвидации. США в разгроме ИГИЛ действовали в своих интересах. Сотрудничество США, пешмерга Курдистана и YPG стало поворотным моментом, означающим как региональную курдскую, так и международную поддержку PYD/YPG со стороны великих держав.

С другой стороны, великие державы предпринимают наступательные действия, детально продумав баланс сил и реакцию других государств на эти действия, что мы и проследили в случае с ИГИЛ. В феврале 2015 г. президент Франции Ф.Олланд встретился с представителями партии «Демократический союз» (PYD), обсудив стратегические вопросы и преследуя свои национальные интересы. Эти интересы заключались не в поддержке партии, а в расколе сирийских курдов и Рожавы. А для PYD это было необходимо для поддержания своей легитимности [85, с.14].

Английский социолог Г.Спенсер, заложив основы «органической школы», рассматривал общество с точки зрения живого организма, который пластично адаптируется в зависимости от складывающейся ситуации. По его мнению, адаптация является необходимостью для того или иного общества [86]. Кейс с самороспуском РПК в мае 2025 г., в перспективе покажет, будет

ли создана новая партия, или партия изменит методы борьбы и свою стратегию, демонстрируя адаптацию к сложившейся ситуации.

Подход политической адаптации в ракурсе изменения стратегии объясняет политическую позицию партии Демократический союз (PYD) 2012 года, когда сирийское правительство решает вывести свои войска с курдской территории, переместив их в Идлиб и Дамаск. Партия PYD укрепляет свои позиции, изменив стратегию. Она взяла под свой контроль районы, оставленные режимом, чтобы укрепить там свое влияние и защитить их от Исламского государства. И курдские силы партии были задействованы только против джихадистов ИГИЛ. Партия PYD обеспечила безопасность северной части Сирии, внося большой вклад в борьбе с ИГИЛ [87].

Концепция локализации иностранных новостей помогла выявить общий тон медиатекстов по курдской проблеме в Сирии и Турции, который характеризуется, с одной стороны, как критичный, а с другой стороны, как подаваемый в качестве информации [88, с. 564].

Федеральное Министерство иностранных дел Германии обосновывает подход «стабилизации в перспективе», основная идея которого состоит в целесообразности найти путь к политическому решению конфликта для стабилизации и укрепления мира в будущем. Подход, разработанный в МИД Германии, стал результатом осмысления сложного опыта конфликтов в Афганистане и Ираке с направленным взглядом в будущее [89, с.4].

Среди инструментов достижения стабильности называются укрепление верховенства права, предотвращение экстремизма и борьба с ним.

Ключевые идеи данного подхода заключаются в следующем:

«- Меры по предотвращению кризисов, стабилизации и укреплению мира являются инструментами политического проектирования, используемыми для сдерживания насилия и содействия политическим и социальным переговорным процессам, при этом укрепление законности государства является центральным направлением.

- Суверенитет и ответственность партнеров являются предпосылками успеха. Кризисные зоны часто отмечены политическими и социальными процессами и институтами, которые не соответствуют нашим ценностям. В некоторых случаях может потребоваться сотрудничество с ними» [89, с.8].

Федеральное Министерство иностранных дел Германии в подходе «стабилизации в перспективе» считает, что данный подход должен быть динамичным и гибким для реагирования складывающейся локальной ситуации, так как кризисные ситуации непредсказуемы, сложны и прагматичны, способны рисковать и уметь в любой момент менять направление, используя гибкие инструменты [89, с.8].

Основные теории, концепции и подходы исследования курдской проблемы в зарубежной аналитике представлены в таблице 2.

Таблица 2 - Теории, концепции и подходы исследования курдской проблемы в западноевропейских и американских исследованиях

Теория и концепции, их основатели и сторонники	Основная идея
Инструментализм	Курдская идентичность активизируется в зависимости от политической конъюнктуры и региональных конфликтов, этничность используется элитами как политический инструмент
Теория этнополитических конфликтов	Курдский вопрос рассматривается как длительный этнополитический конфликт
Конструктивизм	Курдская нация формируется в XX веке под влиянием распада империй и национального строительства
Теория национализма	Курдский национализм трактуется как реакция на ассимиляционную политику национальных государств
Геополитический и реалистский подход	Курды рассматриваются как региональный фактор и инструмент внешней политики

Таким образом, курдская проблематика в западноевропейской и американской аналитике исследуется с применением междисциплинарных теорий, концепций, подходов, свойственных международным отношениям, истории, политологии и социологии, содействуя наилучшему пониманию курдской проблематики в Сирии и Турции и ее решению.

1.3 Факторы трансформации национального самосознания курдов и курдской идентичности в Турции и Сирии в зарубежной аналитике

Курды Турции насчитывают 15 331 000 человек или 17,3 % от общего населения Турции (88 5520 000 чел.) [90]. Значительная часть курдов интегрировалась в турецкую нацию. Сегодня Стамбул – это крупнейший город, где проживает почти 2 миллиона курдов жителей. Курды принадлежат к турецкой интеллигенции, некоторые из них занимали высшие государственные должности: генералы, министры и даже президенты Турецкой Республики (генерал Гюрсель, Тургут Озал и др.).

В параграфе 1.1 первого раздела настоящего исследования на основе анализа трудов зарубежных исследователей мы говорили о том, что курдский национализм к началу XX века стал новым импульсом в развитии курдской проблемы. Его главной целью было объединение разрозненных курдских территорий и создание собственного государства. Именно этот фактор в дальнейшем стал определяющим в трансформации национального самосознания курдов. Курдский национализм активно использовался региональными странами для борьбы против курдов, с одной стороны. А с другой стороны, курдский национализм использовался великими державами в борьбе за доминирование на Ближнем Востоке.

Трансформации национального самосознания курдов и курдской идентичности в Сирии и Турции способствовали внутренние факторы, к которым относятся ущемление гражданских прав курдов, запрет использовать курдский язык и др. Среди внешних факторов выявлен региональный контекст, региональная динамика в лице Иракского Курдистана и Рожавы, глобализация, вопрос вступления Турции в Европейский Союз. Падение власти Башара аль-Асада 8 декабря 2024 г., усиливающиеся в марте 2025 г. протесты в Турции в связи с арестом мэра Стамбула Экрема Имамоглу, потенциального соперника президента Турции Р.Эрдогана стали другими факторами трансформации самосознания турецких курдов.

Курды, как основное этническое меньшинство в Турции, испытывало и испытывает большие трудности в политической и социально-экономической жизни. Мустафа Кемаль Ататюрк, основатель Турецкой Республики, запретил курдские общественные организации и партии, курдские школы, ношение национальной одежды, публикации на курдском языке, использование слов «курдский» и «курдскость». С принятием новой Конституцией Турецкой Республики началось курдское движение против несправедливой политики. Оно началось как многомерное движение, которое включает социальное и политическое движение, и продолжается сегодня [91, с. 65].

Фактор национального самосознания базируется на следующих компонентах: политический, экономический, социальный, культурно-языковой. Доктор PhD Университета Эксетер (Великобритания) Сиван Саид, исследуя курдскую проблему, утверждает: «Борьба курдов не ограничивается партийно-политической сферой, а проявляется в более широком общественном движении, примером которого в настоящее время является широкий размах КСК (Koma Civaken Kurdistan, Союз общин Курдистана) [91, с. 67]. КСК - межнационально-политическая организация, объединяющая различные курдские партии и группы с общей идеологией (демократический конфедерализм). Союз, действующий как зонтичная структура главных политических партий Ирака, Ирана, Сирии и Турции, ставит цель: автономия и права курдов.

Эксперт, опираясь на исследование американских исследователей Д.Макадама, Дж.Маккарти и М.Залда о трансформации социального движения, приходит в выводу о трансформации социального курдского движения, обусловленное изменением их ценностей и национального самосознания курдов, особенно в части предпринимаемых действий в борьбе за самоопределение [92].

Теория реализма дает нам объяснение как государство, которое обеспечивает территориальную целостность страны, реагирует на трансформацию национального самосознания курдов, в первую очередь в контексте национальной безопасности. Официальная позиция Турции заключается в том, что это этнически однородное государство, а курды - это «курдифицированные турки», «горные турки», как их называли с 1938 года. Политика Турции была направлена на придание курдам черт тюркизма. В

таких условиях курдский национализм переходил от культурных претензий к политическим: необходимости независимости. В этом контексте название статьи профессора парижского Института политических исследований Хамита Бозарслана «Один народ, четыре государства, одна нация? Курдская проблема» говорит, прежде всего, о росте самосознания курдов и факторах, их обуславливающих [18]. По его мнению, одна из причин курдского национализма заключается в централизованной политике государств с компактным проживанием курдов, направленная на их угнетение, лишение гражданских и политических прав.

Ключевым фактором трансформации национального самосознания курдов и курдской идентичности является положение о том, что на протяжении долгого периода своего существования курдское население было самоуправляемым, то есть имело государство. Факт рассредоточения курдов по различным государственным образованиям является для самого народа серьезной геополитической проблемой. Принятая в 1961 г. новая Конституция Турции, вызвала появление значительного количества левых экстремистских группировок, в том числе и курдских. Идеология курдского сообщества в Турции сочеталась с националистическими и сепаратистскими взглядами, что привело к турецко-курдскому восстанию 1978 г. со многочисленными жертвами и созданию Рабочей Партии Курдистана как индикатор трансформации политического сознания турецких курдов.

Нидерландский исследователь Утрехтского университета М. ван Бруинессен выделил два этапа трансформации национального самосознания курдов и курдской идентичности в Турции:

- 1923 - 1950 гг. - проводимая политика Турецкой Республики в области «национального государства» способствовала росту осознания этнической идентичности курдов;

- 1940-1991 гг., возникновение феномена национального государства времен холодной войны и послевоенного периода стало мотивом появления нового витка национального самосознания, усилив политическую оппозицию среди турецких курдов [93, с.12].

На трансформацию национального самосознания курдов влияют внешние факторы. В 1950-1970 гг. антиколониальные движения в различных регионах мира, таких как Азия, Африка (Мадагаскар, Мали, Камерун, Того, Конго и другие) и Латинская Америка (Кубинская революция) стали триггером одновременно и роста национального самосознания курдов. Но именно 1960-е гг. стали десятилетием пробуждения курдского национального самосознания.

К факторам трансформации национального самосознания политический аналитик относит потенциальные кризисы 1990-х гг. в арабском мире: правление религиозных меньшинств в Ираке, Бахрейне и Сирии, политически обездоленные крупные меньшинства, являющиеся гражданами второго сорта в Кувейте, Саудовской Аравии и Судане, многочисленное берберское население в Северной Африке. Такая ситуация имеет тенденцию увеличения

числа конфликтов, в т.ч. с нарушением прав человека, что приведет к новому этапу самоопределения курдов. Распад СССР, ставший неожиданным для мировой политики, также стал одной из причин трансформации курдского самосознания.

Создание Иракского Курдистана и укрепление его автономии, затем создание в 2012 г. Рожавы (Автономная администрация Северной и Восточной Сирии) также стали триггером трансформации национального самосознания турецких курдов, которое принимает более устойчивые формы, распространяя идеи свободы и защиты гражданских прав, идеи демократии и народного волеизъявления [94, с.279]. Трансформация региональных балансов после израильского наступления в Газе, войны в Ливане и падения баасистского режима в Сирии, призыв А.Оджалана сложить оружие можно расценивать как подход для начала внутреннего мирного процесса в Турции.

Развивающаяся глобализация также послужила катализатором осознания демократизации и прав человека, усилив этнические настроения курдов [94, с.270].

Х.Бозарслан идентифицировал причины формирования курдской идентичности в Турции:

- курдская идентичность возникла из чувства солидарности враждующих племен перед лицом гегемонистского турецкого государства,

- курдская идентичность является результатом репрессий со стороны турецкого правительства [19, с.87].

К трансформации национального самосознания курдов привела политика государств, в которых стали проживать разделенные курды, что привело, в свою очередь, к росту курдского национализма. Кемалистский министр юстиции Махмут Бозкурт в 1930 году объяснял, что нетурецкие граждане имеют в Турции только одно право: право на рабство [95].

Бозарслан считает, что после ареста лидера Рабочей партии Курдистана Абдуллы Оджалана в 1999 году уровень насилия резко снизился, так как каждая из противоборствующих сторон испытывала определенные опасения, с одной стороны, усиления курдских протестов, с другой стороны – ужесточения антикурдской политики. Результатом многих лет конфликта стало появление подлинного курдского самосознания даже среди вестернизированного населения, проживающего к западу от Турции и уже хорошо интегрированного в турецкую нацию.

Зарубежные исследователи рассматривают курдскую проблему сквозь призму турецкого национализма. После провозглашения республики в 1923 году Мустафа Кемаль Ататюрк полностью изменил свои обещания, начав антирелигиозную и националистическую политику, которая нашла свое воплощение в введении военной администрации в курдских регионах, запрещении курдского языка и культуры, забывая о том, что лингвистические разногласия являются лучшим предиктором начала гражданской войны, чем религиозные разногласия. Курдская проблема развивается в соответствии с

противоречиями между основополагающей доктриной государства, кемализмом и политической реальностью страны.

Эксперт Института высших международных исследований и развития (Женева) Озжан Йылмаз полагает, что положения по трансформации национального самосознания и курдской идентичности в Сирии и Турции сочетают в себе политические и социальные аспекты [31]. Эти аспекты вносят ясность в вопрос длительного процесса формирования национального самосознания народа без государства. О.Йылмаз опирается на теорию зарождения народного движения, разработанную М. Грохом, чешским профессором Карлов университета [96]. Йылмаз попыталась применить эту модель формирования европейских наций к национальному курдскому процессу, прослеживая развитие национального движения турецких курдов, превращающихся из не доминирующей этнической группы в настоящую нацию. Йылмаз исходила из трех фаз формирования национальной идентичности: теоретизация общей истории, культуры и языка, осознание их значения, появление массового национального движения и утвержденной политики национальной идентичности [31, с. 217].

Первая фаза характеризуется как выявление и теоретизирование общей истории, культуры и языка отдельными лицами, выходцами из низших социальных слоев и теми, кто получает социальную поддержку. Вторая фаза – это осознание, называемое периодом патриотических действий и волнений, связываемая с реакцией некоторых курдских элит, выступающих за то, чтобы как можно больше людей присоединились к этой новой национальной идентичности, чему способствует фактор поколений. В этот период появляются первые политические программы. И последняя фаза знаменует появление массового курдского национального движения и констатацией концепта «национальная политическая идентичность» [97, с.223]. Йылмаз четко идентифицирует различные действующие лица, стоящие у истоков курдского национального самосознания, выделяя детерминанты социальных процессов, в результате которых в Турции возникают курдские национальные чувства. Одним из механизмов социальной активизация курдов Йылмаз считает демократизация полиграфии, по мнению Ф. Дельянкур, исследователя Женевского Института геополитических исследований [97, с.224]. Демократизация полиграфии стала фактором распространения национального самосознания курдов, когда курдам было разрешено иметь свои типографии и издавать книги и газеты на курдском языке [97, с.224]. В первую очередь, речь идет о газете «Курдистан», которая начала выходить с 1848 г., которая стала предвестником кристаллизации национальных чувств курдов, усиливая желание обрести независимость. Турция же воспринимает рост курдского национализма как угрозу своему суверенитету и целостности страны.

Желание Турции быть членом Европейского Союза относится к факторам внешнего влияния на трансформацию национального самосознания курдов и курдской идентичности, так как курды предполагали, что их положение будет улучшаться в связи с желанием турецкого правительства

быть частью ЕС. Однако Турция продолжала и продолжает контролировать и осуществлять репрессии в отношении курдского населения, которые усилились после событий марта 2025 г. в Турции.

Отметим, что в ЕС проживает значительная часть курдской диаспоры. Однако влияние ЕС резко сократилось в Турции и ее курдском регионе из-за приостановки процесса вступления Турции в ЕС из-за политических разногласий, а именно нарушением прав человека, демократических проблем, нерешенного статуса Кипра. Переговоры по членству Турции в ЕС были приостановлены с 2018 г. Вместе с тем, в 2023 г. Р.Эрдоган сделал заявление о том, что ЕС должен пересмотреть вопрос членства страны в ЕС до того, как турецкий парламент одобрит заявку Швеции стать членом НАТО.

Важным фактором трансформации национального самосознания курдов и курдской идентичности в целом и для Турции в экономическом контексте является богатство почвы и недр территорий, где проживают курды: нефть, особенно в Иракском Курдистане (районы Киркука и Мосула), уголь, медная руда, железо, свинец, хром. В турецком Курдистане есть обширные леса и пастбища, позволяющие заниматься животноводством, по территории протекают русла двух рек Тигра и Евфрата, имеющих решающее значение для Ближнего Востока.

В социальном контексте фактором трансформации национального самосознания курдов является чрезвычайно быстрая урбанизация и растущая активность курдской молодежи, которая выбирает радикальный национализм, институционализированный в YDG-H, революционное патриотическое молодежное движение [98]. Это движение рассматривается как молодежное подразделение РПК в эго-восточных регионах Турции, связь с которой ее члены признают открыто. Это молодые курды в возрасте от 18 до 25 лет. Это новое поколение курдских партизан, закалившееся в период боевых действий в Кобани в конце 2014 - начале 2015 гг. YDG-H и РПК имеют одну и ту же идеологию, но стратегия действий у них различная. Молодежное крыло РПК ведет свою вооруженную кампанию против турецких властей, блокируя доступ в курдские кварталы, носят оружие и автоматы Калашникова, убивают представителей местной полиции, нападают на помещения общественных организаций, ухудшая конфликтную ситуацию [98]. Волна новой социальной мобилизации курдской молодежи проявилась в связи с протестами, вызванными арестом мэра Стамбула Э.Имамоглу в марте 2025 года, о чем мы писали ранее. Необходимо отметить, что курдская молодежь все чаще использует турецкий язык во внутрисемейной коммуникации и в общении с друзьями, что является результатом долгосрочного подавления их культурных прав. Более того, курдская молодежь готова при первой возможности эмигрировать в западноевропейские страны.

С политическими, социальными и экономическими процессами тесно взаимодействуют вопросы этнической идентичности по мнению группы экспертов Центра сравнительных и международных исследований Цюриха [99].

Для идентификации факторов трансформации самосознания курдов исследователи используют различные подходы. Например, подход экономической изоляции и маргинализации какого-либо этноса, который использует исследователь Э.Эспинолла [100]. Такой подход вынуждает курдов к вооруженной борьбе против жесткой турецкой политики, который не может привести к восстановлению этнической идентичности. Курдская идентичность в Турции далека от восстановления, как в Иране, например. Исключения представляют центральноазиатские государства: Казахстан, Узбекистан и Туркменистан [101], где они пользуются всеми политическими и гражданскими правами, без запрета на голосование, использование языка, право быть избранными в парламент, работать в государственных структурах и т.д.

Исследователь М. Гурсес, профессор Университета Центральной Флориды, один из известных исследователей курдского вопроса, настаивает на том, что в процессе определения своего места среди различных этносов, этническое меньшинство, в нашем случае, курды, будут всегда подчеркивать свои различия, свою этническую идентичность, а не общие черты с доминирующей группой [102, с.99]. Другие авторы считают, что курды имеют специфическую этническую принадлежность, т.к. они не ассоциируют себя с населением стран, в которых они проживают [48].

М.Гурсес напоминает, что вооруженный конфликт, который ведут курды Турции на протяжении многих десятилетий, укрепляет этническую идентичность, когда совместно решаются вопросы ведения борьбы, определения выдвигаемых требований и т.д. [102, с.112].

Доцент международных исследований Университета Ковентри (Великобритания) О.Текдемир анализирует трансформацию самосознания курдов сквозь призму прав человека, либеральные и демократические ценности Европейского Союза, которые стали проникать в курдские регионы через новые каналы коммуникации как маркеры культурно-языковой трансформации курдов [33, с.117]. Текдемир давал научную оценку европейской курдской идентичности, т.е. идентичности курдов, проживающих в ЕС, как явление новой политической идентичности, переосмысливающей политическую культуру и политическое мышление на основе прогрессивных принципов равенства и предоставление курдам Турции возможности участвовать в законном политическом процессе стало шагом к переосмыслению и трансформации курдской идентичности. На выборах в местные органы власти в марте 2014 года Партия мира и демократии (PAD) впервые смогла внедрить систему равного распределения должности мэра между кандидатами-мужчинами и кандидатами-женщинами, чтобы стимулировать активное участие женщин в политике.

При исследовании сирийских курдов, зарубежная аналитика, в первую очередь, дает оценку отношениям Анкары с сирийскими курдскими территориями, находящимися в ее непосредственном региональном окружении. руководитель отдела современных исследований Французская

аналитика, а именно, эксперты Института анатолийских исследований, считают, что в этом вопросе наблюдается радикальная трансформация, связанная с адаптацией к появлению трансграничного пространства, охватывающего курдские районы региона и структурированного в соответствии с собственными политическими установками Турции, но не Сирии [103]. С 2016 года Анкара проводила военные операции против альянса «Сирийские демократические силы» на том основании, что их основной компонент, Отряды народной самообороны, были связаны с РПК, главные лица которой занимали ключевые должности в сирийской Партии демократического союза (PYD). Эти должности охватывали финансы и энергетику, самые центральные и важные вопросы для курдов Сирии.

Исследователь К.Ендрейчик полагает, что трансформации национального самосознания курдов и курдской идентичности содействовала борьба курдов против ИГИЛ, что действительно позволило им обрести легитимность и международное признание. «Став незаменимыми участниками глобальной безопасности, сирийские курды также обрели беспрецедентную символическую силу. ... укрепились сирийская курдская община путем ее интеграции в межгосударственную сферу наравне с другими международными державами», - пишет польский исследователь [104, с.46].

Ее точка зрения на современное внутреннее положение в Сирии как несостоявшегося государства имеет ряд особенностей. Ее исследование было вышло еще в 2017 году, когда уже вырисовывались контуры распада. Она считает, что признаки распада Сирийского государства представляли возможность для курдов для дальнейшей самоидентификации. Внутренние противоречия в Сирии становятся фактором трансформации курдской идентичности. Она подчеркивает важный факт: Вестфальская модель государства, построенная на концепции нации, не учитывала общества, состоящие из групп, которые находились в оппозиции друг к другу [104, с.87].

Исследователь называет и еще один фактор, на наш взгляд, очень важный. Арабские восстания или арабская весна содействовали трансформации национального самосознания курдов и курдской идентичности. Исследователь исходит из понимания того, что несмотря на хрупкость сирийского государства, сирийское национальное строительство, тем не менее, является относительно успешным. А Партия демократического союза и ИГИЛ, действующее на территории Сирии, имеют общее: используют распад Сирийского государства в попытке реализовать свои государственные амбиции, одна из которых вдохновлена националистическими, а другая религиозными мотивами. Неспособный в одиночку обеспечить территориальную целостность государства, Башар Асад, таким образом, предоставил курдам неожиданную возможность следовать модели Иракского Курдистана [104, с.93].

Модернизационные процессы, происходящие в социально-культурной жизни сирийских курдов, как зарубежные путешествия, учеба за границей, коммуникация с курдами из других стран, обмен мнениями, Интернет,

содействуют более четкому представлению о своей этнической принадлежности, чем когда-либо прежде. Эти модернизационные процессы продолжали быть факторами трансформации самосознания сирийских курдов, пока у власти был Б.Асад.

Грэм Е.Фуллер, американский политический аналитик, специализирующийся по вопросам исламского экстремизма, экс-заместитель Национального совета по разведке, различает общие факторы, влияющие на трансформацию курдского самосознания: экономики становятся более открытыми, либерализованными, особенно в Турции, появляется возможность для угнетаемых этнических и религиозных групп получить большую власть, т.е. происходят изменения политического характера [105, с. 117].

Ситуация с сирийскими курдами осложнилась после свержения власти Башара Асада. Диалог между сирийскими курдами и переходным правительством развивался плохо. Но 10 марта 2025 г. две стороны смогли договориться. Новый Президент Сирии Ахмед Хусейн аш-Шараа, стремящийся объединить страну, разделенную тринадцатилетней гражданской войной, объявил о соглашении «интегрировать» в состав государства все гражданские и военные институты, подчиняющиеся курдской автономной администрации- Рожаве, расположенной на северо-востоке Сирии [50].

Сирийские события декабря 2024 г. и «исторический призыв» лидера Рабочей партии Курдистана Абдуллы Оджалана, находящегося в заточении, к вооруженному движению распастся и сложить оружие имели большой резонанс в международном профессиональном сообществе. Письмо А.Оджалана лидеру Сирийских демократических сил М. Абди передал президент Иракского Курдистана Н.Барзани, который сыграл ключевую роль в переговорах с Анкарой. Эти два события положили конец взаимодействию РПК и Сирийских демократических сил. И это конец не только взаимодействия двух структур, это начало самостоятельных действий Сирийских демократических сил внутри своей страны, своей автономии и ее политического и социально-экономического укрепления.

Подписанное соглашение между Президентом Сирии Ахмедом аш-Шараа и лидером Сирийских демократических сил Мазлумом Абди вступило в силу, информация о нем обошла все мировые масс-медиа. Интерес к этому соглашению особенно ярко проявился в подкасте «Мировое время» Газаль Гольшири, журналиста Международной Службы Мира как специального посланника в Рожаве, где обсуждалось следующие вопросы: Что содержится в этом историческом соглашении? Какое будущее уготовил Ахмед аш-Шаара курдам, проживающим на северо-востоке Сирии? И как курдскому меньшинству удалось добиться автономии на этой территории? [106].

Курдская политическая культура эволюционировала в соответствии с идеей Оджалана о демократическом союзе свободных граждан и народа с независимыми республиками, живущими в мире и братстве, осуждая жесткие

принципы неолиберализма, продвигая экономику, экологию, гендерное равенство и демократическую автономию, осуществляемую сирийскими курдами [28, с.148].

Комплекс внутренних (ущемление прав курдов, запрет использовать курдский язык и др.) и внешних факторов (региональные события, региональный контекст, региональная динамика в лице Иракского Курдистана и Рожавы), а также глобализация повлияли на трансформацию национального самосознания курдов и курдской идентичности в Сирии и Турции, появления «курдского инакомыслия», которое создает большие внутренние проблемы [94, с.268].

Новый турецкий национализм, мобилизуемый в период напряженности в отношениях с Европой и Соединенными Штатами, или арабский национализм в Сирии, формируются как основа вынужденного курдского консенсуса, делая курдскость значительным и таким чувствительным вопросам. Курдский вопрос перестал рассматриваться исключительно как этническая проблема и приобрёл характер борьбы за гражданские и коллективные права.

К началу XX века новый импульс в развитие курдской проблемы внёс курдский национализм, главной целью которого стало объединение разрозненных курдских территорий и создание собственного государства. Именно этот фактор в дальнейшем стал определяющим в развитии курдского вопроса и активно использовался великими державами в их борьбе за доминирование на Ближнем Востоке.

Трансформация национального самосознания курдов - динамичный, многослойный конструкт, который формируется в условиях глобальных трансформаций и локальных особенностей. Нами показано, что зарубежная аналитика, исследуя факторы трансформации национального самосознания курдов и их идентичности в Сирии и Турции, выделяет внутренние и внешние факторы этой трансформации. На трансформацию самосознания курдов и их идентичности влияют такие внутренние факторы, как политические, экономические, социальные и культурные, основной причиной которых является централизованная авторитарная политика Турции и Сирии. Трансформация национального самосознания курдов под воздействием внутренних и внешних факторов стала переходить к модернизированному типу, в котором политическое самосознание органично сочетается с принципами демократии, гендерного равенства и автономии. Факторы эволюции национального самосознания и курдской идентичности представлены в таблице 3.

Таблица 3 - Факторы трансформации национального самосознания курдов и их идентичности

Факторы трансформации национального самосознания курдов и их идентичности	Научные труды и аналитика о курдах Турции	Научные труды и аналитика о курдах Сирии
Государственная политика ассимиляции а также ограничения культурных прав	Д. Макдауэлл- A Modern History of the Kurds; М. ван Бруинессен-исследования курдской идентичности в стране Турция	Х.Хассан-анализ сирийской национальной политики; Н. Тёгель-работы о статусе курдов в Сирии
Политизация этничности и рост курдского национализма	Э. Уайт- исследования курдского движения; М. Гюнтер- курды в политической системе Турции	Ф. Тейлор-курды и сирийский авторитаризм; работы Carnegie Middle East Center
Вооружённый конфликт и роль курдских движений	Д. Романо-курдский вопрос и конфликт в Турции;аналитика RAND Corporation	А.Али-сирийские курды и гражданская война; International Crisis Group
Региональные и международные факторы (США, ЕС, соседние государства)	Х. Барки-курды в региональной политике Турции; исследования Brookings Institution	Дж. Ландис-курды в сирийском кризисе; Washington Institute for Near East Policy

Выводы по первому разделу. В разделе были рассмотрены причины возникновения курдского национализма, основными из которых являются историческая память существования независимых курдских княжеств, Республики Мархабад, постоянное перемещение курдской общины с одного места на другое, разногласия внутри курдской общины, которые привели к появлению и развитию курдского национализма, концепта «курдскость». Идентифицированы теории, подходы и концепции, как традиционные – реализм, неолиберализм, конструктивизм, так и новые – инструментализм, колониальность, киберэтнография, локализация иностранных новостей и т.д., которые обеспечили аналитическую основу изысканий западноевропейских и американских исследований курдской проблематики. Анализ факторов трансформации национального самосознания курдского сообщества в западноевропейских и американских исследованиях показал, что оно развивается под влиянием политических, культурных, социальных и информационных факторов.

2 ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О РОЛИ КУРДОВ В РАССТАНОВКЕ СИЛ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ НА ПРИМЕРЕ СИРИИ И ТУРЦИИ

2.1 Анализ меняющейся динамики сирийского Курдистана и его политические перспективы в трудах зарубежных ученых

Сирийская Арабская Республика - неоднородное государство, состоящее из множества религиозных и этнических меньшинств. Арабы, курды, армяне, сирийцы-арамеи, черкесы, туркмены представляют основные этнические составляющие Сирии. Курдская община, насчитывающая около 12,5 % или около 3 млн. населения Сирии (24,67 млн.) - крупнейшее неарабское меньшинство в стране [107].

Страна обрела независимость как парламентская республика в 1945 году, положив конец французскому мандату. В апреле 1946 г. французские войска были выведены с территории страны. Курды занимают три прерывистые территориальные зоны, расположенные вдоль турецко-сирийской границы. Сирийские курды удалены друг от друга в отличие от компактного проживания курдов в Иране, Ираке и Турции. Эта особенность курдской общины, крупнейшего этнического меньшинства среди арабов, менее успешно организованного и развитого, чем в трех других государствах, не позволяла им укреплять свои национальные чувства. Из-за отсутствия целостной территориальной основы и прочной политической структуры курды не представляли угрозы для сирийского правительства.

Другая особенность сирийских курдов заключается в проживании курдов в арабоязычной среде. Курдский язык в Сирии имеет несколько диалектных разновидностей, включая курманджи и сорани как наиболее важные диалекты и более распространенные. На курманджи говорят курды Сирии, почти 90 % курдов Турции тоже говорят на курманджи, на нем также говорят в курдских регионах Ирана и Ирака. На курманджи говорят курды Казахстана [108].

Многие курды в Сирии не имеют сирийского гражданства. В 1962 году центральная власть классифицировала около 160 000 курдов как аджанибов (иностранцы), которые не имели права голоса, не могли владеть собственностью или работать на государственных структурах. Около 75 000 других сирийских курдов известны как мактумин или скрытые, не имеющие гражданских прав. Сирийское сообщество курдов чаще всего характеризуют как патриархальное, политически подчиненное и послушное, т.е. инструментализированное [109]. Анализ отношений между государством и племенам часто игнорируется исследователями. Однако рассмотрение государственной политики в отношении племенных структур позволяет глубже понять внутреннюю динамику сирийского общества. В период правления Башара Асада племенные связи оказывали заметное давление на курдское население. Феномен трайбализма, претерпевший значительную эволюцию за последние десятилетия, по-прежнему оказывает влияние на

политические процессы, что связано как с внутренними противоречиями, так и с вмешательством внешних акторов, пересекающих национальные границы. Проблема трайбализма в сирийской политике действительно остаётся актуальной, однако не менее важными остаются и другие противоречия - культурные, этнические и социальные. К числу наиболее острых вопросов относится культурный разлом, обусловленный этническим многообразием региона, а также противоречие между городскими центрами и периферией, символизирующее разрыв между «центром» и «пустынной окраиной». В условиях продолжающегося военного конфликта эти проблемы оставались нерешёнными.

В 1963 году приход к власти партии Баас существенно изменил сложное положение курдской общины. Арабский национализм, пропагандируемый баасистским режимом и закреплённый в Конституции, не допускает никакого признания курдской общины. Для режима баасистов курды не являются отдельной этнической группой. Страна в целом не признавала существование курдского народа. Американский политолог М.Гюнтер назвал такое положение курдов «арабским поясом», который определяет разницу между курдами Сирии и курдами, живущими в Турции и Ираке. Этот «арабский пояс» вырвал с корнем многих сирийских курдов и лишил их средств к существованию, ещё более осложняя их ситуацию [110, с. 135-136].

Проводимая государством политика ассимиляции курдской общины выражалась в отрицании курдской идентичности в публичной и частной сферах. Сирийское курдское общество строилось и работало скрытно, будучи умеренным в своих политических требованиях. По мнению исследователя М.Ляроз, политика ассимиляции или аккультурации курдов отдаляет курдов от государства [54, с. 41-42].

Приход Хафез аль -Асада на пост главы сирийского государства (1971-2000 гг.) несколько улучшило положение курдов, поскольку новый руководитель намеревался утвердиться в качестве гаранта стабильности сирийского государства. Закончилась политика переселения курдов в арабские районы и арабского населения в курдские районы страны. Политолог, доцент кафедры арабской цивилизации Университета Гренобль-Альпы З. Таха, анализируя политику Хафез аль-Асада, приходит к выводу, что аль-Асад признал в курдском меньшинстве страны способ усилить свою власть в Сирии, расширяя социальную базу для курдов [63, с.6]. И Дамаск постепенно реинтегрирует курдов в общественные структуры, не проявляя какого-либо их признания. Но курды никогда полностью не примкнули к арабской националистической идеологии и будут продолжать сохранять свои особенности этнической идентичности, несмотря на официальную националистическую идеологию [63, с. 11].

Правительственный указ от сентября 1992 года запретил регистрацию детей с курдскими именами. Курдские культурные центры, книжные магазины и аналогичные мероприятия также были запрещены. В результате чего возникали курдские волнения, но которые скрывали. Причиной чему было

предоставление убежища для РПК в Сирии в течение многих лет. Поэтому о курдах в Сирии было мало слышно [102, с.7]. Более того, отношение сирийских курдов к политике свойственно традиционное мусульманское отношение, которое можно охарактеризовать как «пессимистичное» и «покорное» [102, с.5]. Сирийские курды полагали, что изменить свое положение с помощью политической деятельности невозможно.

Долгая история курдской общины в Сирии, как отмечает профессор Принстонского университета Л.Браун, привела курдов к предпочтению «страданий в тишине», что стало инструментом разделения государства и курдского общества. Это разделение стало выгодным для государства [111, с. 11].

М.Гурсес выделяет несколько этапов эволюции сирийских курдов, что привело к созданию Сирийского Курдистана или Рожавы, когда они в 2012 г. смогли воспользоваться ослаблением центральной власти и получили фактическую автономию [102, с.135-136]. Заслуга М.Гурсеса в исследовании сирийской курдской проблематики заключается в идентификации исторических этапов эволюции курдских племен, которые представлены в таблице 4.

Таблица 4 - Этапы эволюции курдских племен

Годы	Наименование этапа
1920-1946 гг.	Быстрый переход на оседлый образ жизни в период французского мандата
1937 г.	Появление первых политических притязаний в виде автономного движения в период французского мандата
1946-2012 гг.	Преобладание арабского национализма и активизация политических курдских партий
2012 г.	Переход от революционных действий к гражданской войне
2012 г.	Создание Рожавы, независимого конфедеративного автономного курдского региона на севере и северо-востоке Сирии
2014 г.	Битва за Кобани против ИГИЛ, характеризуемая на локальном уровне как стратегия развития альянсов с некурдскими общинами
2015 г.	Нахождение некоторых территорий Рожавы под военным контролем «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ)
2015 г., июнь	Отряды народной самообороны (YPG), Женские отряды защиты (YPJ) и их союзники объединили два из трех кантонов друг с другом

Хронология, представленная в таблице, действительно отражает меняющееся положение курдов в Сирии с учетом особенностей процесса трансформации их положения, обусловленное необходимостью вести

вооруженную борьбу против ИГИЛ. Несмотря на то, что сирийские курды считали, что изменить положение с помощью политической деятельности невозможно, их отношение к политике было пессимистичным, они смогли мобилизовать свои силы до создания Рожавы.

Таким образом, до начала XXI века в Сирии не существовало реальной структуры на курдском политическом поле. Требования выдвигали многочисленные небольшие сирийские партии, которые изо всех сил предпринимали попытки мобилизовать широкие слои сирийских курдов из-за неоднозначных отношений с режимом. Правительство Дамаска расширяло стратегические союзы с курдскими партиями в Турции и Ираке, поощряя одновременно поляризацию сирийских курдов между сторонниками иракского и турецкого курдских движений. Интегрируя различные слои сирийского курдского населения в сирийское общество, Хафез аль-Асад сохранил определенную власть над курдскими движениями, что предотвращало возникновение особых притязаний со стороны курдов.

Ключевыми особенностями курдских политических организаций являются отсутствие общенационального единства, единой политической платформы и согласованной программы по урегулированию курдского вопроса. Для внутренней политической структуры курдского движения характерен партикуляризм: наличие межпартийных и внутрипартийных разногласий, нередко перерастающих в вооружённые столкновения. Такая ситуация во многом обусловлена незавершённостью этногенеза курдского народа и продолжающимся процессом его этнополитического формирования. Отсутствие консолидированного общества объясняется языковыми различиями (курманджи, сорани, гуран), религиозными расхождениями (суннизм, шиизм, алевизм, езидизм), а также неравномерным социально-экономическим развитием и культурной отсталостью отдельных частей Курдистана.

Политика мультикультурализма в странах Европы переживает глубокий кризис, вызванный масштабными миграционными потоками из государств Ближнего Востока и Северной Африки. Несмотря на это, лидеры стран Европейского союза продолжают декларировать приверженность либеральным и демократическим ценностям, на которых основана идея мультикультурализма. Однако параллельно с этим наблюдается рост популярности радикальных националистических, расистских и шовинистических идеологий. В этом контексте подход мультикультурализма к решению курдской проблемы неэффективен.

Историко-типологический подход позволил выявить особенности формирования Курдистана, разделённого между четырьмя государствами, определить общие цели и методы борьбы курдского народа за самоопределение, а также проследить механизмы сохранения национальной идентичности в условиях территориальной разобщённости.

Турецкий и сирийский контексты наиболее ярко иллюстрируют всю сложность «курдского узла».

Т.Шмидингер, ассоциированный профессор Университета прикладных наук Верхней Австрии считает, что проводить анализ политических партий в Сирийском Курдистане сложно из-за большого разнообразия курдских партий и групп, которые трудно отличить друг от друга. Однако исследователь отмечает, что большое количество курдских партий, действующих сегодня в Сирии, развились из Демократической партии Курдистана Сирии (Партия демократии Курдистана в Сирии, KDPS или PDK-S), основанная в 1957 г., базируемая в Гамбурге, располагающая филиалами в Англии, США, Франции и Швеции. Партия была готова к сотрудничеству, выступая в роли неофициального спикера курдских партий по отношению к режиму, но ее неоднократно обвиняли в коллаборационизме с другими некурдскими партиями [112, с.98].

Партия «Демократический союз» (Partiya Yekîtiya Demokrat / PYD) – главная партия, левая политическая партия, основанная в 2003 г. В июле 2012 г. PYD совместно с Курдским национальным советом сформировала Высший курдский совет (Desteya Bilind a Kurd / DBK), выполняющий роль временного правительства в Рожаве, сирийском Курдистане в условиях гражданской войны в Сирии.

Партия «Сирийские демократические силы» (Hezen Suriya Demokratik/ СДС), созданная в 2015 г., включает в свои ряды значительную часть отрядов народной обороны (YPD), вооруженного крыла партии курдского Демократического союза (PYD), которая является сирийским отделением РПК. Вооруженные силы насчитывают свыше 100 000 мужчин и женщин, включающее различные этнические группы (туркмены, арабы и т.д.). Отметим, что некоторые туркмены переходили на сторону Турции. СДС также сотрудничали с американскими войсками в борьбе с экстремистской группировкой, известной как «Исламское государство» в Сирии. Со времени начала вооруженных действий рядом с PYD было ее 2 боевых крыла. Это курдские Отряды народной самообороны (YPG) и Отряды Женской Самообороны» (YPJ), которые сохранили сирийские этноконфессиональные группы в местах расселения курдов. Отметим, что Сирийские демократические силы поддерживаются США.

Неоднозначная оценка деятельности СДС, впрочем, как и других сирийских партий, делает сложным оценку их роли в решении курдской проблемы. По Шмидингеру, СДС, обвиняемую в принадлежности к РПК, отрицает данный факт, а призыв А.Оджалана разоружить РПК их не касается. Турция обвинила СДС в сотрудничестве с РПК, поэтому она регулярно атакует СДС. Партия стремилась создать связь между двумя крупными курдскими районами, но военные события лета 2016 года помешали реализации этого желания.

С 2003 года для курдских партий появилось несколько существенных исключений. В 2003 году сирийские члены турецкой РПК, оставшиеся в стране после изгнания в 1999 г. Абдуллы Оджалана, основали свою сирийскую братскую партию: Демократический союз (Partiya Yekîtiya Demokrat, PYD).

Партия «Демократический союз» (PYD) контролировала существенную часть северной Сирии и планировала де-факто узаконить эту автономию или даже добиваться независимого статуса в рамках будущего политического урегулирования, которое должно быть достигнуто по окончании гражданской войны.

Исследователь К. Енджейчик считает, что прекращение союза с турецкой РПК состоялось раньше, еще в 1998 году, что уже тогда открыло курдским формированиям автономное поле деятельности и позволило расширить сферу деятельности курдского меньшинства в Сирии [104, с.97]. PYD создала относительно сильную партийную структуру, но даже это не смогло уберечь ее от склонности к расколу. Группа отделилась от PYD и основала движение Демократического примирения сирийских курдов (Rêkeftina Demokrat a Kurdî ya Sûri/ RDKS).

Партия арабского социалистического возрождения (Arab Socialist Ba'ath Party / ASBP) (Баас) – сирийское региональное отделение партии власти. С июля 1963 года была единственным центром власти в Сирии, за которой была закреплена ведущая роль в Конституции страны. Сама партия Баас поначалу оставалась на заднем плане, но позже проявила себя как наиболее организованная арабо-националистическая сила. С 2000 года ее возглавлял пришедший к власти Башар аль-Асад. В январе 2025 г. новая власть объявила о приостановлении ее деятельности в Сирии.

Оппозиционной считалась Сирийская коммунистическая партия, образованная в 1944 г. из Коммунистической партии Сирии и Ливана. В 1986 году произошел раскол партии. В 2000 г. от партии откололась группа, образовав Партию народной воли, которая стала частью партийного объединения «Коалиция сил за мирные переговоры» (далее- Коалиция), сформированной в 2012 г. после образования первых оппозиционных групп в связи с приходом власти Башара аль-Асада. В Коалицию входило еще 6 партий. Мотивом создания Коалиции стали начавшиеся антиправительственные выступления в Сирии, что привело к консолидации небольших партий. Отметим, что председателем Партии народной воли стал К.Джамаль, который в 2012 г. вошел в правительство Сирии как вице-премьер. Это была большая победа курдов, признание курдского вопроса на правительственном уровне.

Сирийская социальная националистическая партия, созданная в 1932 г. в Бейруте, ультраправая партия, выступала за создание национального государства с охватом нескольких государств Ближнего Востока, включая Израиль, Ирак, Кувейт и др. Она также стала частью Коалиции.

Особенность сирийских политических партий заключается и в сотрудничестве с различными курдскими партиями Ирака и Турции, и в определенной степени зависимости от них. Данное обстоятельство, по мнению Т.Шмидингера, имело различные последствия для процессов партийного развития курдских политических партий [112, с.215]. С одной стороны, партии сирийских курдов имели возможность опираться на ресурсы более крупных

партий в соседних государствах. С другой стороны, сирийские политические партии, став зависимыми от политических решений и событий в соседних государствах, были вынуждены проводить политику, которая не была ориентирована на Сирию и Рожаву.

Партии РПК и партия Демократического союза часто подвергались критике как за коллективизм и авторитаризм по отношению к другим курдским оппозиционным партиям, так и за их поведение по отношению к инициативам в Рожаве, которые не были последовательными [112, с.214].

Таким образом, сирийские политические партии фрагментированы, на что указывают следующие факторы:

- слабость организационной структуры партий. Почти все партии организованы в виде подпольной системы партийных ячеек, в которой только члены небольших групп знают друг друга,

- непроведение крупных собраний, что приводило к отсутствию возможностей для обсуждения политической ориентации и стратегии партии,

- низкий уровень реальной ротации в руководстве партий,

- отсутствие вооруженной борьбы со стороны курдских партий, одна из причин заключалась в сложности географических условий (горная местность) и разобщенность проживания курдов,

- необходимость придерживаться символической политики в качестве посредника, что создало сложную ситуацию между курдским населением и режимом, но приносила определенные преимущества как режиму, так и курдам,

- принятие правительством деятельности курдских партий при условии, что действия партий не будут агрессивными и не будут требовать свержения существующей власти или независимости,

- все партии были вне закона, сирийская секретная служба знала о руководстве различных партий, партии постоянно жили под дамокловым мечом репрессий,

- вмешательство секретной службы, когда их членами становились сотрудники секретной службы;

- отсутствие единства среди модернистских и светски ориентированных партий курдского национального движения.

Пока партии распространяли свою подпольную литературу или тайно обучали курдскому языку, режим терпимо относился к такой деятельности. Однако, как только какая-либо партия становилась слишком агрессивной, режим отвечал жесткими репрессиями, арестовывая и подвергая пыткам партийных лидеров и, если считал это необходимым, прибегали к физическому уничтожению [113, с.182].

Курдская проблема в Турции и Сирии представляет собой один из наиболее сложных и противоречивых аспектов ближневосточной политики. Именно в этих странах пересекаются интересы региональных и внешних акторов, что усиливает этнополитическую напряжённость. Отсутствие единства внутри самого курдского движения, социально-экономическая

неравномерность и влияние внешних сил препятствуют формированию устойчивой национальной идентичности и политической консолидации курдов.

Перспективы урегулирования курдского вопроса во многом зависят от способности государств региона преодолеть трайбализм, отказаться от насильственных методов и выработать инклюзивные политические модели, учитывающие этнокультурное разнообразие. Без признания права курдского народа на политическое и культурное самовыражение достижение устойчивого мира и стабильности на Ближнем Востоке остаётся маловероятным.

Присутствие различных партий в трех курдских анклавах усложняет ее деятельность. Демократическая партия Курдистана Сирии располагала своими базами в Джизре, в курдских кварталах Дамаска и Алеппо, но в Кобани практически не была представлена. Партии, пришедшие на смену ДПКС, были в основном сосредоточены в Джизре. В Кобани присутствует партия РYD.

Гражданская война 2011-2018 гг. в Сирии изменила не только динамику и политические партии сирийского Курдистана, но и самосознание сирийских курдов, содействовала росту курдской идентичности как единственной возможности построения справедливого общества, что привело к созданию Рожавы. Но ее созданию предшествовал долгий путь.

Появление Рожавы на карте М.Гюнтер называет вторым курдским полугосударством, а первое, по мнению эксперта, возникло в курдских районах Ирака после Второй войны в Персидском заливе в 1992 году [114, с. 87].

Рожава (страна заката, Западный (Сирийский) Курдистан» или Автономная администрация северной и восточной Сирии) - де- факто независимая, самопровозглашённая конфедеративная автономия курдов на севере и северо-востоке Сирии, управляемая в основном Сирийскими демократическими силами. Рожава охватывает треть территории Сирии, 70% нефтяных и газовых ресурсов. Фактическая автономия под управлением Высшего курдского совета образовалась в 2012 году, после подписания в Эрбиле соглашения между двумя ведущими политическими силами сирийских курдов партией «Демократический союз» и Курдским национальным советом (ДНК). Таким образом, 2 партии сыграли ключевую роль в создании курдской автономии в Сирии. Исследователи отмечают, что при Башаре аль-Асаде курды пользовались значительной региональной автономией [113, с.95].

В 2012 г. состоялся вывод сирийской армии из Рожавы. В ноябре 2013 года партия РYD и её союзники на фоне военных успехов в борьбе против ИГИЛ заявили о создании «переходной гражданской администрации», а уже в январе 2014 года были провозглашены три автономных кантона Африн, Кобани и Джизре.

Ряд исследователей считает, что курды обладали беспрецедентными рычагами влияния в качестве юридического лица на локальном уровне и в

региональной политике, а создание Рожавы была скорее вопросом прав человека, чем полугосударственной структурой [115, с.55].

В определенном смысле можно согласиться с таким подходом определения роли Рожавы. Но за требованиями соблюдения прав курдов может последовать требование независимого государства, как мы считаем.

К. Енджейчик напоминает, что несколько событий, как внутренних, так и внешних, изменили положение сирийских курдов в начале 2000-х годов. Во-первых, Башар аль-Асад (2000-2024) сменил своего отца, стал проводить политику открытости демократии и экономической либерализации, беспрецедентной для страны. Была восстановлена свобода выражения мнений, собраний и печати, когда можно было открыто требовать большей демократии и подлинного гражданского общества, чем и пользовались сирийские курды для демонстрации своей этнической самобытности и отстаивания большего количества прав. Однако Башар аль-Асад вернулся к авторитарной форме правления, отдавая предпочтение клану алавитов, из которого он происходит. Этот авторитарный поворот имеет серьезные последствия для сирийского гражданского общества. Демонстрации жестко подавляют, собрания снова запрещают [104, с.28].

К внешним событиям, которые изменили положение сирийских курдов, относится избрание А. Шарона 11-м премьер-министром Израиля в 2001 году. Рост антисирийских прозападных движений в Ливане были восприняты Дамаском как угроза.

К. Енджейчик, продолжая анализировать ситуацию в Сирии, придерживается следующей точки зрения по курдской проблеме: курдский протест стал усиливаться в самом начале XXI века [104, с.31]. Кульминация была достигнута в Камешли в марте 2004 года, когда футбольный матч между курдской и арабской командами перерос в вооруженное столкновение, в результате которого погибли курды. Этот факт стал началом разрыва отношений между курдской общиной и режимом, после чего сирийский курдский национализм оказался в поле зрения правящей оппозиции.

Кроме того, новый международный контекст на Ближнем Востоке имел тенденцию усиления политики репрессий, проводимую Б. Асадом в отношении курдов. Вторжение США в Ирак в марте 2003 г. и появление курдского автономного образования в составе нового Ирака заставили сирийские власти опасаться повторения аналогичного сценария, а именно появления стремящихся к независимости курдов на северных территориях страны. В июне 2005 года Масуд Барзани, став президентом Иракского Курдистана, потребовал предоставления прав сирийским курдам мирным путем.

В конце 2005 г. осмелевшая внутренняя сирийская оппозиция, состоящая из разрозненных групп, как «Братья-мусульмане» и коммунисты, опубликовала «Дамасскую декларацию о демократических национальных переменах», среди многих других пунктов которой содержится призыв к справедливому демократическому решению курдского вопроса в Сирии по

гарантиям полного равенства сирийских курдских граждан: право на гражданство, право на культуру, право на изучение национального языка и других конституционных прав. Ужесточение репрессивной политики против курдов, укрепление партий, изменения международной панорамы на Ближнем Востоке сыграли большую роль в трансформации национального самосознания сирийских курдов.

С образованием фактической автономии сирийский Курдистан впервые появилась граница, находящаяся под контролем курдов, что изменило баланс сил в регионе [113, с.68].

Исследователь Сассекского Университета Абдул Али анализирует Сирию через концепцию безопасности, когда на протяжении многих месяцев сирийские повстанцы удерживали некоторые сирийские районы, несмотря на контроль со стороны государства, которое всегда стремится к сохранению власти в проблемных регионах. Повстанцам в целях своей безопасности приходится приспосабливаться к такой ситуации со стороны государства [116, с.12].

В декабре 2016 г. название Рожавы было отменено, что вызвало протест и критику со стороны курдских оппозиционных партий, особенно близких к региональному правительству Курдистана в Ираке. Рожава теперь называется Демократическая автономная администрация северо-восточной Сирии. Но термин «Рожава» продолжают использовать как синоним Сирийского Курдистана.

Ситуация в Рожаве оставалась сложной, так как необходимо было вести борьбу с ИГИЛ. Войска Сирийских демократических сил, среди которых курдские YPG и YPJ сыграли решающую роль в освобождении «столицы» ИГИЛ Ракки в декабре 2016 года. Отметим, что Отряды женской самообороны (YPJ) выступали за равенство полов как необходимый элемент модернизационного дискурса в развитии курдов.

В 2018 г. гражданская война в Сирии вступила в новый раунд, в ходе которого Б. Асад попытался вернуть последние удерживаемые повстанцами территории и консолидировать свою власть. Сирийские курды вели переговоры с правительством. Нападение Турции на Африн в феврале 2018 г. указывает на второй этап гражданской войны в Сирии, когда после турецкой операции «Оливковая ветвь» Африн перешел под контроль турецких вооружённых сил. Однако Эрдоган пожелал избавиться от города Африн, так как события в Сирийском Курдистане привели к вынужденному отъезду тысяч семей, стремящихся избежать войны и бесчинств протурецких ополченцев [115, с.46].

Основными характеристиками курдских национально-политических организаций являются отсутствие общенационального единства, общей политической платформы и согласованной программы по решению курдского вопроса.

Зарубежные исследователи задавались вопросом, на какой экономической основе будет работать Рожавы и каковы последствия для

политики и общества. Общеизвестно, что значительная часть запасов нефти в Сирии находится в курдском регионе, а именно в кантоне Джизре. Этот регион также богат водой и вполне пригоден для сельского хозяйства. Кантон Африн на западе Рожавы с древних времен был известен своими превосходными урожаями оливок. Овощи выращиваются в кантонах Кобани и Джизре. Этот регион раньше снабжал овощами и пшеницей половину Сирии, и даже во время гражданской войны в Сирии неоднократно предпринимались попытки экспортировать некоторые виды овощей в Ирак. В период гражданской войны экономика в кантоне Кобани в какой-то момент почти остановилась, а в более крупных кантонах Африн и Джизре начала развиваться.

Население курдских кантонов страдает от последствий войны и экономической блокады со стороны Турции. В таких условиях выжить можно только за счет теневой экономики и контрабанды. Добавим, что пребывание в Сирии ИГИЛ принесло не только тысячи новых жертв, но и разрушение мировых памятников культуры как Древняя Пальмира. С другой стороны, происходящая на протяжении нескольких лет определенная степень урбанизации создает новые пространства деятельности, особенно для молодого поколения и уверенных в себе женщин, которые начинают перемещаться в города, оставляя сельскохозяйственные работы. В таких сложных условиях партия РYD проводит политику по внедрению коллективных форм работы в экономике [112, с.214].

Профессор Х.Бозарслан размышлял о последствиях сирийского кризиса, вызовах и угрозах в связи со сменой власти в Сирии в декабре 2024 г. Он указывал на менталитет местных военизированных группировок, готовых рушить все. Его волнует демократическое будущее Сирии и судьба Рожавы, так как Турция, не желая прецедента курдской автономии у себя, стремится положить конец самоуправляемым территориями курдов в Сирии [117]. Всего за три дня боевики оппозиции во главе с аль-Джулани захватили Алеппо, второй по величине город Сирии. Аль-Джулани, стоящий во главе группировки «Хайат Тахрир аш-Шам», самой мощной вооруженной оппозиционной силой в Сирии, уверяет, что Западу не стоит бояться Сирии. Возможно, вкладывая в эти слова, что курдский вопрос в Сирии будет решен положительно [118].

Курдское сообщество пребывает в состоянии изменений во всех частях Курдистана, изменения, которые были и остаются противоречивыми [109]. Курдская проблема не только является вопросом сохранения сирийского унитарного государства, но и ставит под сомнение саму идентичность сирийской нации.

Сирийская Партия демократического союза (РYD) до 8 декабря 2024 г. оставалась самой влиятельной организации среди сирийских курдов, ее политика обеспечивала выживание партии и сирийских в условиях межконфессиональной гражданской войны [117]. После отставки Президента Б аль-Асада, последовавшей в результате масштабного наступления вооруженных группировок, курдская идентичность в мультикультурной и

мультиконфессиональной стране, сопряжена с определенным риском, в первую очередь, с гонениями и репрессиями. Впрочем, как и в Турции. Например, турецкий писатель курдского происхождения Яшар Кемаль, автор произведений «Легенды горы», «Тощий Мемед» и другие был обвинен в сепаратизме за осуждение репрессий в отношении курдов.

Историческое соглашение, подписанное 10 марта 2025 года между Ахмедом аш-Шараа, исполняющим обязанности президента Сирии, и Мазлумом Абди, лидером Сирийских демократических сил, направлено на интеграцию гражданских и военных институтов курдской автономной администрации в сирийское государство в условиях эскалации насилия после свержения бывшего президента в декабре 2024 года [118].

Специальный представитель газеты «Le Monde» Г.Гольшири в подкасте «Сирия: будущее курдов?» исследует текущее положение курдов в Сирии, особенно в контексте автономной администрации северо-восточной Сирии. Она анализирует проблемы, с которыми сталкивается этот регион, в том числе напряженность в отношениях с Турцией, отношения с сирийским режимом и последствия недавних военных наступлений в ключевых районах, таких как Манбидж. Она рассматривает будущие перспективы сирийских курдов с учетом региональной и международной геополитической динамики [106].

Политический обозреватель М. Бенфондил оценивает соглашение как интеграцию всех гражданских и военных учреждений на северо-востоке Сирии в сирийское государственное управление, включая пограничные посты, аэропорт, нефтяные и газовые месторождения, гарантируя право курдов на гражданство и все конституционные права на основе инклюзивного управления и защиты меньшинств [119]. Таким образом сохранялось единство территории и неприятие раздела Сирии, что, по мнению политического обозревателя, становится угрозой существования Рожавы. Другие исследователи сомневаются в намерениях новой власти о проведении демократических реформ, чтобы построить демократическую, децентрализованную и инклюзивную Сирию.

Другой волнующий исследователей вопрос заключается в готовности СДС сложить оружие как это сделала РПК в Турции. Бенфондил связывает события в Сирии с призывом Оджалана сложить оружие, который окажет положительное влияние на Рожаву.

Общеизвестно, что СДС продолжает бороться с ИГИЛ при поддержке США, которые никогда не согласятся на разоружение своего главного союзника (СДС) в борьбе с джихадистскими группировками. А СДС ведут войну против протурецких группировок, поддерживаемых Анкарой, которая окажет влияние на Ахмада аш-Шараа, чтобы добиться роспуска СДС. Противоречия продолжают разворачиваться.

Владимир ван Вильгенбург, репортер и аналитик из Эрбиля от Вашингтонского института политики на Ближнем Востоке (The Washington Institute for Near East policy) утверждает, что именно в вопросе характера будущего национального управления Дамаск и SDF расходятся [103]. А

«Сирийские демократические силы» (*SDF*) представляют мощную силу, в состав которой входят Отряды народной самообороны (*YPG*). Но Анкара выступает против присутствия вооруженных курдов вдоль своих границ.

По мнению Вильгенбурга, соглашение между центральной властью Сирии и Сирийскими демократическими силами, публично одобренное рядом западных государств, является ключом к стабилизации и восстановлению экономики Сирии. Однако без решения вопроса о Рожаве невозможно создание демократической Сирии. Этот вопрос стоит на протяжении многих лет [120]. Ранее мы писали о том, что 95% нефтяных и газовых месторождений находятся на северо-востоке Сирии. Много нерешенных вопросов, как, например, судьба находящихся в заключении захваченных воинов ИГИЛ, судьба части курдских сил, состоящих в большинстве из бойков женского пола, насколько долго будет продолжаться вмешательство Турции в сирийские дела, дают мало шансов на положительную реализацию положений соглашения [121].

Монография «Случайные союзники: Партнерство США и Сирийских демократических сил против Исламского государства» американских экспертов М.Найтса и В. ван Вильгенбурга анализирует влияние США на курдский вопрос и роли государства в его решении [122]. Они утверждают, что интересы США были сосредоточены на северо-востоке Сирии и борьбе с исламским государством, призывая в целях обеспечения безопасности объединить усилия Сирии, Турции, Ирана, России и Китая.

Сирия с новым правительством и Рожава оказались в сложной ситуации, осложняемой начавшимся конфликтом Палестина-Израиль, который грозит охватить весь регион, но сирийцы и курдское сообщество остаются достаточно оптимистичными. В связи с этим конфликтом у сирийцев нет желания воевать. Сирийцы дают шанс своему новому лидеру аш-Шараа, который должен прагматически воспользоваться новой ситуацией. Но, как представляется, он начинает терять контроль над южной Сирией [123].

Последние новости в мировой прессе свидетельствуют об усилении вооруженных нападений ИГИЛ на курдские силы, пользуясь постепенным выводом американских войск [124]. И параллельно идут другие процессы, например, решаются вопросы восстановления и развития экономики, особенно в части экспорта нефти [125].

Прослеживаемая меняющаяся динамика Сирийского Курдистана мотивирует зарубежных ученых проводить новые исследования по развитию постасадовской Сирии [126]. Меняющаяся динамика сирийского Курдистана и его судьба во многом зависят от решительной политической воли его руководителей и Дамаска. Более того, постконфликтное восстановление Сирии требует осторожного внимания к этим процессам и со стороны новой власти, со стороны региональных держав, со стороны внешних держав, и со стороны политических курдских партий Сирии.

2.2. Зарубежные исследования о роли курдских партий в политической системе Турции

Курдский вопрос на протяжении десятилетий остаётся одной из наиболее чувствительных и противоречивых тем в политической жизни страны. Курды, как самое многочисленное этническое меньшинство в Турции на протяжении XX–XXI веков добиваются признания своих культурных, языковых и политических прав. В условиях унитарного устройства Турецкой Республики и доминирования идеологии турецкого национализма курдские партии и движения играют важную, но одновременно сложную и конфликтную роль в формировании политического ландшафта государства.

Конституция Турции 1961 г. не допускает никакого политического выражения этнических или языковых меньшинств [127].

В Законе «О политических партиях» 1983 года указывается, что политические партии «не могут утверждать, что на территории Турецкой Республики существуют меньшинства, основанные на национальных или религиозных, культурных или конфессиональных, расовых или языковых различиях» (Статья 10), «не могут использовать язык, отличный от турецкого, ... использовать и распространять плакаты, вывески, пластинки, звуковые и визуальные эффекты, брошюры и заявления, написанные на других языках, кроме турецкого» [128, с.81].

Закон запрещает упоминание в названии партии какого-либо языка или региона. Политические партии в Турции в соответствии с этим Законом не должны говорить о меньшинствах, различных по культурным, религиозным и языковым признакам [129]. Вытекающий из этих положений запрет распространяется на деятельность политических партий, направленную на защиту языка, религии, культуры, отличные от турецкого языка и культуры. Однако усиление националистических настроений, попытки властей ограничить политическую активность курдской оппозиции и рост авторитарных тенденций в последние годы вновь сужают пространство для демократического участия курдских партий. Несмотря на это, их существование продолжает играть стабилизирующую роль, демонстрируя, что даже в условиях давления возможно сохранение институциональных форм политического представительства.

Таким образом, Закон Турецкой Республики «О политических партиях» не дает право на создание и деятельность каких-либо партий по этническому признаку. Хотя курдская идентичность не рассматривается в Турции как нечто отрицаемое, но она вместе с партиями считается угрозой в политических кругах.

Интересную точку зрения выдвигает канадский исследователь М.Ляроз, считая, что чем сильнее курдское движение, тем больше стран будут пытаться использовать различные фракции курдского движения, чтобы противостоять ему, либо использовать страх курдского движения для усиления протеста против курдов. Это противостояние дает правительству возможность использовать более широкий спектр инструментов: от простого принуждения

или инструментализации до массовых убийств для уничтожения курдского движения [54, с. 41- 42].

Систематические запреты на деятельность курдских партий стали отличительной чертой турецкой политики, что способствовало радикализации части курдского движения и усилило позиции нелегальных политических организаций.

Роль курдских партий в политической системе Турции осложняется рядом институциональных и идеологических факторов:

- во-первых, турецкая Конституция, как мы отметили ранее, закрепляет унитарный характер государства, исключая возможность автономного управления на этнической основе, что делает любые попытки курдских партий продвигать идеи федерализма или культурной автономии уязвимыми с точки зрения закона,

- во-вторых, государственная политика безопасности, направленная на борьбу с терроризмом, часто не делает различия между легальными курдскими партиями и вооружёнными формированиями, что приводит к криминализации политической активности курдов,

- в-третьих, внутренние противоречия внутри самого курдского движения (различие в стратегиях, идеологических ориентирах и региональных интересах и т.д.) мешают формированию единого политического фронта.

Появление курдских политических организаций в Турции восходит к периоду после военного переворота 1980 года, когда репрессии против курдского населения спровоцировали рост подпольных и легальных форм политической активности. В 1990-е годы были созданы партии, представлявшие интересы курдов в парламенте: Народная партия труда (НЕР), Демократическая партия (ДЕР), Партия демократии народа (НАДЕР) и другие. Однако большинство из них было запрещено Конституционным судом Турции под предлогом подрыва территориальной целостности государства и сепаратизма. К началу 2000-х годов в турецкой политической системе закрепились новая волна курдских партий.

С начала 1990-х годов в Турции было создано 17 прокурдских политических партий. Почти все они подвергались судебному преследованию, что приводило к роспуску, иногда к тюремному заключению их руководителей. Это кейс с РПК и ее основателем и руководителем А.Оджаланом. На протяжении 1990-2014 гг. создавались партии, которые объединялись, а Конституционный суд на законном основании распускал их. Например, Народно-трудовая партия (НЕР) основана в июне 1990 г. и распущена в июле 1993 г. Левая партия - Партия за мир и демократию (Barış ve Demokrasi Partisi / BDP) была основана в мае 2008 года, объединилась с Демократической партией народов (Halkların Demokratik Partisi / HDP) в апреле 2014 года [130].

В настоящее время активные курдские партии это, в первую очередь, Рабочая партия Курдистана (РПК), крупный игрок на курдской арене до ее самороспуска в мае 2025 г. РПК была создана в 1971 г. Абдуллой Оджаланом

Официальная история организации восходит к 1973 году, но учредительный съезд партии состоялся только в 1978 году. После 1984 года РПК начала укореняться среди курдского плебейского и крестьянского населения. Сама партия определила себя как социалистическое освободительное движение, основанное на марксистско-ленинской идеологии, выступая за «демократический конфедерализм». Вся активная деятельность партии была посвящена борьбе за независимость курдов, их гражданские и политические права. С 1984 г. партия начала партизанские действия против турецкого режима. Арест А. Оджалана усилил националистические настроения среди курдов в Турции, и с тех пор количество боевиков в рядах РПК неуклонно растет вопреки ожиданиям турецких властей [131, с.115].

Приход к власти Партии справедливости и развития, правящей партии в Турции (АКР / ПСР, Adalet ve Kalkınma Partisi) в 2002 г. коренным образом изменила отношение Турции к курдским территориям, расположенным на ее границах. Эта динамика внутренних преобразований проложила путь к практике борьбы против курдских партий, т.к. правительство Р. Эрдогана хочет ограничить влияние Рабочей Партии Курдистана (РПК), борющейся за политические права курдов в Турции и создание курдской автономии. Турция рассматривала РПК как террористическую организацию, создавая политическую нестабильность в стране из-за разгула терроризма в стране, пик которого пришелся на конец 1970-х годов, совпав с созданием РПК [132, с.78]. Турция, оценивая РПК как террористическую организацию, вкладывала в это другой смысл: легитимность правящей партии, оправдание применения силы (убийства, казни, заключения курдских лидеров и т.д.) в борьбе с ней.

В 2011 г. РПК объявила свою «демократическую автономию», которая помешала мирному урегулированию конфликта. Турция предпринимала некоторые действия, направленные на урегулирование турецко-курдского конфликта и на начало диалога с РПК, начав неофициальные переговоры с Оджаланом на острове Имрали [94, с. 282]. Турецкий правительственный проект «Brotherhood Project» открыл канал на курдском языке, осуществлялся ряд экономических проектов на курдских территориях.

Действия со стороны государства и ПСР по отношению к РПК стало продолжением, с одной стороны, турецкого национализма, а с другой стороны, курдского национализма. Последний из которых – курдский национализм в лице РПК проводил свою политику в рамках концепции «теории народной войны», которой следовал Мао Цзэдун [94, с. 272].

Каждая из сторон проводила свои действия, с одной стороны, уменьшить деятельность РПК, прибегая к насильственным действиям. Так, Диярбакыр, неофициальная столица Северного Курдистана, город с преимущественно курдским населением, стал свидетелем большого насилия с участием турецких сил безопасности. С другой стороны, насильственные действия Рабочей партии Курдистана и ИГИЛ. РПК стояла за нападением на штаб-квартиру оборонной промышленности Турции (ТАИ) в октябре 2024 г. [133].

Жители Диярбакыра, политически активные в период парламентских выборов июня 2015 года, несмотря на развитие турецко-курдского конфликта и террористических актов в течение 2016 г., питали надежду и оптимизм на справедливое отношение властей Турции к их проблемам.

Западноевропейские исследователи сквозь призму подхода «нового человека» изучают как Рабочая партия Курдистана формирует этого нового человека с применением различных механизмов. Например, самокритика играла важную роль во всех подразделениях организации [134].

Немногочисленны те эксперты, которые положительно оценивают РПК как подлинное национально-освободительное движение, включающее, в первую очередь, рабочих, крестьян и бедноту городских трущоб, но также пользующееся широкой симпатией среди курдского среднего класса и интеллигенции. Например, немецкий историк и журналист Н.Браунс [135, с.258]. Он считает, что, столкнувшись с продолжающимися преследованиями и репрессиями, движение, возглавляемое РПК, практически не имеет альтернативы в качестве представителя курдского населения в Турции. РПК переросла в народное движение, которое поддерживает значительная часть курдского населения. Деятельность РПК способна вызвать социально-политические потрясения крупного масштаба, которые произошли в курдском обществе и возможны в будущем. Этот вывод сделан Браунсом за 2 года до самороспуска РПК, что ставит новые вопросы и задачи [136]. Ее самороспуск приведет к политическому подъему Эрдогана, что обеспечит ему жизненно важную поддержку со стороны прокурдского сообщества для продления его правления на следующий новый срок [137]. Путь Эрдогана к курдскому миру - это первый шаг в сложной паутине переговоров наряду с демократизацией и ликвидацией экономического неравенства и дискриминации курдов.

Исследователи выделяют роль РПК как ключевой в объединении и взаимосвязи курдских партий [138, с. 342]. К таковым относится М.Чарунтаки, исследователь Университета Рединга (Англия), которая акцентирует внимание на положительном влиянии единства и сотрудничества партий, особенно РПК и Народно-демократической партии, а также Регионального правительства Курдистана, созданного в 1992 г., с Национальной Ассамблеей Курдистана, первым демократически избранным парламентом Курдистана в Ираке [138, с. 344]. Такое сотрудничество на региональном уровне оказывает на курдское движение положительное влияние для достижения курдских целей и задач.

Одна из основных характеристик курдских партий в политической системе Турции заключается в длинной череде распущенных партий, что вызывает обеспокоенность курдского населения страны [139, с.6]. Турция, как и Сирия, отличаются большим разнообразием курдских политических партий.

Наиболее значимой является Демократическая партия народов (ДПН / HDP), авторитетная и легальная. Основанная в 2012 году, ДПН позиционирует себя как левоцентристская, прогрессивная сила, выступающая за права меньшинств, гендерное равенство и демократические реформы. Партия

является членом Прогрессивного альянса, а также консультативным членом Социалистического интернационала и Партии европейских социалистов, союзница курдской Демократической партии регионов, включающая множество различных групп и мобилизованная единой политической целью, периодически попадает под запрет.

Народно-демократическая партия направляла свою активность на объединение курдов и представителей других меньшинств, таких как алевиты и христиане, а также рабочих, крестьян, левых, защитников окружающей среды, женщин.

Курды рассматривали ДПН как инструмент, который мог бы затормозить деятельность ПСР. Поддержкой ДПН курды утверждали свою курдскую идентичность. Народно-демократическая партия получила представительство в парламенте, набрав 13, 1% или 80 депутатов, создав политическое пространство для выражения и защиты своих национальных интересов. Это была первая и значительная победа курдской партии. Эти выборы стали поворотным моментом для развития популистского дискурса в области курдского плюрализма [140, с. 118].

На парламентских выборах 2015 года НДР преодолела 10-процентный избирательный барьер, что стало беспрецедентным событием для курдского движения в Турции. Партия получила 80 мест в Великом национальном собрании, ослабив позиции правящей Партии справедливости и развития, которая лишилась большинства в Великом национальном собрании, набрав 59 % из 550 мест [140, с.121].

Феминизм занимает центральное место в повестке дня ДПН: на парламентских выборах в июне 2018 года именно эта партия представляет самый высокий процент участия женщин - 220 женщин из 600 кандидатов.

Следующие выборы 2018 года ДПН получила 11,7 % голосов или 67 мест. В парламентских выборах в июне 2023 г. оппозиционный Национальный альянс, включающий 6 прокурдских партий, в том числе и ДПН, вошел в состав парламента, получив 167 депутатских мест из 600, или 33 %, то есть 1/3 всех мест.

В отличие от своих предшественниц, партия сумела выйти за рамки этнической политики, объединив под своими лозунгами не только курдов, но и либерально настроенных турков, а также представителей других этнических и религиозных меньшинств.

Успех ДПН на выборах стал возможен благодаря стратегии под названием «Türkiyelileşme», означающей процесс формирования гражданской, надэтнической турецкой идентичности, то есть быть жителем Турции, гражданином Турции [130]. Эта стратегия вызвала неоднозначную реакцию среди курдов, которые приняли ее как отказ от борьбы исключительно за расширение прав курдов, но как призыв в демократизации Турции в целом. Но именно протесты 2013 года, связанные со строительством торгово-развлекательного центра в центре Стамбула и вырубкой парка Гези, наряду с другими факторами внесли свои коррективы в перемены по отношению к

партии. В протестах бок о бок принимали участие помимо турков и курдов различные национальные меньшинства. Многие турки сомневались в том, как турецкие СМИ освещали эти события в курдских регионах. И ДПН стала партией, вышедшей за традиционные рамки турецких и левых курдских партий.

ДПН предприняла несколько инициатив в период предвыборной кампании: выставить кандидатов как партия и во всех округах Турции. Принцип избирательной системы Турции «победитель получает все» сыграл свою роль на выборах 2015 г., поэтому большинство избирателей отдали свои голоса за ДПН, чтобы помешать партии Эрдогана получить большинство, а именно 2/3 всех голосов [130].

Успех ДПН на выборах продемонстрировал потенциал курдского электората как значимой политической силы, способной влиять на формирование коалиций и политическую повестку страны. Тем не менее после неудавшихся мирных переговоров между правительством и РПК в 2015 году ситуация вновь обострилась. Против ДПН и её лидеров начались масштабные судебные процессы, многие депутаты были арестованы, а партия подверглась жёсткому давлению со стороны властей. Несмотря на это, ДПН сохранила своё влияние на местном уровне, особенно в юго-восточных провинциях страны, где курды составляют большинство населения.

Результаты выборов 2015 г. в парламент показали, что курды могут влиять на управление страной, имеют возможность формировать и вносить свой вклад в дебаты и политику, иметь право голоса в управлении страной, участвовать в ее преобразовании. Результат выборов 2015 г. завоевал поддержку среди курдов не потому, что они выступали за независимый Курдистан, а потому, что поставил вопрос о курдской идентичности на повестку дня и боролись за улучшение положения курдов, проживающих в Турции [141, с.87].

Аналитики предполагают, что Р.Эрдоган, возможно, будет вынужден пойти на некоторые уступки Демократической партии, чтобы заручиться ее поддержкой либо в вопросе изменения конституции с целью отмены ограничения срока полномочий, либо в проведении досрочных выборов, если он снова будет баллотироваться на пост президента.

Партия свободного дела (Huda-Par / Худа пар) образована в 2012 году бывшими курдскими сторонниками турецкой «Хезболлы». Движимая исламистской идеологией, смешанной с идеями крайне правых, эта партия остается маргинальной, поскольку курды-националисты больше склоняются к ДПН, а консерваторы - к Партии справедливости и развития (ПСР) Реджеп Тайип Эрдогана. На президентских выборах 2018 года Худа пар призвала поддержать Эрдогана.

Партия народного равенства и демократии (тур. Halkların Eşitlik ve Demokrasi Partisi, курд. Partiya Wethevi u Demokrasiya Gelan) - турецкая левая политическая партия, основанная в конце 2012 г. как Левая партия зелёных (тур. Yeşil Sol Parti). Крупнейшая партия в Турции,

политическое крыло РПК, представляющая интересы этнических и религиозных меньшинств.

Партия демократических регионов (ПДР, тур. Demokratik Dörleri Partisi, DBP, курд.: Partiya Herêman a Demokratik, PHD) - курдская политическая партия, позиционирующаяся как народная демократическая партия за права меньшинств (ПДР), ограничивается деятельностью на уровне местного и регионального правительства.

Ранее мы говорили о формировании нового человека Рабочей партией Курдистана, вкладывая в него и концепт политической идентичности курдов. Исследователь Университета Ковентри О.Текдемир дает оценку значения для курдского общества Турции политической идентичности и требований создания собственного национального государства с социальной, политической и экономической жизнью как отдельного этноса. Он считает, что это одна из задач национального государства, в котором проживают курды. Текдемир обосновывает подход «воображаемого сообщества» курдов, которое пытались создать в XX веке власти Ближнего Востока [33, с.145].

Анализируя траекторию курдской политической идентичности как принадлежности курдов к определенной политической партии, исследователь приходит к выводу обновления курдского общества, перестройки его политической идентичности и практики в меняющихся политических и социально-экономических условиях. По его мнению, обновление и перестройка курдского общества обусловлены укреплением внутренних сил. Одно из достоинств его исследования заключается в том, что он определил 4 этапа борьбы курдов за гражданские и политические права.

Таблица 5 - Этапы анализа траектории курдской политической идентичности на основе исследования Ковентри О.Текдемир

1	2
Первый этап (1923-1938)	Вооруженная борьба курдов при отсутствии руководства, т.к. борьба была инициирована традиционными и религиозными деятелями. Борьба основывалась на требованиях территории и суверенитете та курдов.
Второй этап (1938-1960, Конституция 1961)	Возрождение общества с точки зрения появления современной курдской политической идентичности, когда происходит формирование многопартийной системы.
Третий этап (1960-1980-е гг.)	Период политики с точки зрения институционализации и идеологии, которую возглавило новое курдское руководство. Курдская политическая идентичность была реформирована новыми идеями А.Оджалана. Например, идеи демократической автономии и структурные изменения РПК.
Четвертый этап (1990-х гг. - 2015 г.) -	Появление новых политических групп в связи с трансформацией основной курдской политики. Борьба за права курдов продолжалась в рамках политики идентичности, особенно после 1999 года, ареста А.Оджалана и движений по членству в ЕС.

Продолжение таблицы 5

1	2
Пятый этап (2015 - 2024 гг.)	Как возможность признания курдской идентичности и улучшение положения турецких курдов.
Шестой этап - 2025 г.	Лидер РПК А.Оджалан, отбывающий пожизненный срок в турецкой тюрьме, обратился с обращением о прекращении вооруженной борьбы и призвал РПК самораспуститься

Исследователь выделил две тактики борьбы курдов: маневренная война и война позиций, использованные курдскими политическими организациями, преимущественно РПК. Фактически, РПК стала доминирующим курдским политическим агентом в это время, особенно после военного переворота 1980 года [33, с. 162-164).

Другая характеристика курдских партии в Турции - это пренебрежительное отношение к партиям и курдам в целом. Оно основано на анализе причин перемещения курдского населения в стране как континуум предшествующих столетий. К такому выводу пришла международная группа исследователей. С другой стороны, такое отношение к партиям свидетельствует о страхе тех правительств, которые сделали из курдов неграждан [142, с.320]. Главный актер в этих действиях – Партия справедливости и развития, как утверждают исследователи, которая использует различные инструменты для сдерживания и свертывания курдского движения.

С подходом пренебрежительного отношения к курдам коррелирует подход анимализации курдов, используемый в дискриминационных практиках того или иного этноса, чтобы лишить людей человеческого облика, оправдать насилие, угнетение и социальное неравенство. На основе анализа твитов на турецком языке (ноябрь 2020 - май 2021 г.) выявлен факт анимализации курдов и прокурдских организаций, действующих в Турции [143, с.910]. То есть анималистических и дегуманизационных высказываний в адрес курдского народа как проявление различий между «мы и они» (турки и курды) [144, с.27].

Курдские партии занимают двойственную позицию в политической системе Турции: с одной стороны, они являются фактором демократизации и инклюзивности, с другой - объектом постоянного давления со стороны государства. Их деятельность отражает противоречие между стремлением турецкого государства к национальному единству и естественным правом курдского народа на культурное и политическое самовыражение.

Уильям Гурли, исследователь Школы социальных наук Университета Монаша (Австралия), считает, что жизнь курдов в Турции связана с гегемонией ПСР. Но курды все более уверенно заявляют о своем присутствии в политике Турции. Гурли, основываясь на полевых исследованиях положения курдов в Стамбуле и Диярбакыре, наиболее важных городов Турции, населенных курдами, считает, что этот факт может быть индикатором

нарастающих протестов курдов. В ситуации притеснений курды стараются сочетать свою этническую идентичность и гражданство. Гурли, анализируя повседневную жизнь курдов, описывает их религию, хотя очевидного различия между практикой веры между турками и курдами нет, отношения с курдами соседних государств, их отношение к Диярбакыру, приводит к выводу, что отношение курдов к Турецкой Республике проявляется как сопротивление государственным инициативам. Исследователь оценивает курдскую идентичность как политическую идентичность на 90 % [42, с.97].

В 2010-е гг. прокурдские партии и ассоциации стали относительно терпимы в Турции. Они добились проведения университетских занятий на курдском языке. Со своей стороны ПСР пытается привлечь курдский электорат. Однако её политика не увенчалась успехом, чему помешали курдские демонстрации в поддержку города Кобане в сирийской Рожаве в 2014 году, за которыми последовало возобновление партизанской войны РПК в июле 2015 года [145, с.23].

Политику Партии справедливости и развития после июньских выборов 2015 года можно охарактеризовать как политическую переориентацию на идеологические установки Турецкой Республики: одна нация, один флаг, одно государство, один язык, что классифицируется как авторитарный сдвиг партии, как попытка правительства восстановить свою гегемонию путем якобы пересмотра курдского вопроса в ответ на успех НДП, членами которой является большое количество женского пола.

Исследователь Парижского университета Sciences-Po Й. Бенхаим показывает, как с конца 2000-х гг. произошла трансформация отношений Анкары с курдскими территориями [103]. И считает основной причиной этой трансформации появление трансграничного сирийско-турецкого пространства, охватывающего курдские районы региона в Сирии и находящиеся под контролем сирийской Партии демократического союза. Стратегия сближения Турции с конца 2000-х годов и переговоры, которые вели лидеры сирийской ПДС и Анкара, можно рассматривать как адаптацию внешней политики Турции.

Исследователь, анализируя факторы переориентации внешней политики Турции, перечисляет их:

- политика Анкары с 2008 г. сопровождалась изменением взглядов Турции на курдские территории, расположенные на ее границах, где основной была идеология национальной безопасности («*milli güvenlik*»). Эта идеология заменила дискурс общих интересов в экономической области;

- трансформация социально-экономической динамики, развивающейся на территории Турции и Сирии. Трансформации содействовал визит министра иностранных дел Турции А. Давутоглу в Киркук в августе 2012 г., силы СДС взяли под свой контроль курдские города в Сирии. Данное обстоятельство стало свидетельством того, что к Турция готова адаптироваться к новым условиям, к этой новой конфигурации [103].

Таким образом, трансграничный факт больше не рассматривался как угроза территориальной целостности Турции, а представлял часть реакции правительства на курдское национальное движение. Партия справедливости и развития продемонстрировала готовность найти решение курдского вопроса в Турции, как и готовность оплачивать расходы, связанные с процессом общественного обсуждения с РПК.

Исследования, относительно курдской тематики всегда отличались своей неоднозначностью, абсолютно диаметрально-противоположными мнениями и противоположными взглядами различного рода экспертов касаясь одной и той же, на первый взгляд, проблематике. Курдский вопрос очень специфичен, даже среди, казалось бы, независимых экспертов и политологов присутствует разная степень ангажированности ввиду различных причин: национальная принадлежность аналитика, его персональные взгляды на глобальную расстановку сил в регионе или в мире, личные симпатии и антипатии.

В ходе длительного процесса борьбы за свои права курдское движение способствовало заметным преобразованиям, в числе которых гендерные преобразования, изменения роли и положения женщин. Не снижая роли курдских партий в развитии курдского движения, зарубежная аналитика акцентирует внимание на том, что процессы социально-политических культурных изменений были возможны только благодаря массе курдского населения и с его участием, потому что само население подвержено изменениям.

Политика Партии справедливости и развития становится более авторитарной по отношению к курдам. После парламентских выборов 2015 г. ПСР отказывалась сотрудничать с курдскими деятелями в своей стране, которые, по ее словам, связаны с РПК и ее идеологией. ПСР исключила мнения курдских избирателей из процесса формирования политики. Таким образом, сотрудничество Турции и РПК исключило практически половину турок и курдов. Традиционная конфронтация на этнической почве между турками и курдами продолжалась, но произошла трансформация этой конфронтации: объединение ПСР ее укрепление. С другой стороны, развивалось сотрудничество Демократическая партия народов (ДПН), Патриотического союза Курдистана (ПСК), Партии демократического союза (РҮД) и некоторых слоев светского, среднего класса и турок, которые были недовольны режимом ПСР [146, с.54].

Научный дискурс разветвляется вокруг роли курдской диаспоры, формирующейся в динамике исторических вызовов, меняющегося этнического и религиозного состава многих европейских стран. Научный дискурс по курдам сосредоточен на интересах и приоритетах как в стране происхождения, так и в стране поселения, гендерных отношений в диаспоре, использовании и сохранении языка в транснациональных контекстах, развитии курдской литературы, опыте социальной интеграции и в обеспечении правовых, политических, экономических и иных нормативных

установок, разработанных в ЕС. Транснационализм диаспоры стал одним из факторов влияющих на поведение отдельных людей или небольших групп в рамках более широкого сообщества.

Такие направления сотрудничества могут создать и новые возможности для установления мира и стабильности между турками и курдами. Увеличение числа каналов связи между двумя обществами и усиление социального взаимодействия между негосударственными субъектами могут способствовать установлению мира. Партия справедливости и развития намерена продемонстрировать свою готовность найти решение курдского вопроса в Турции. падение популярности ПСР в 2009 г. побудило партию прекратить переговоры, начатые с РПК. На наш взгляд, политика, проводимая ПСР, не может быть жизнеспособной в долгосрочной перспективе. Партия справедливости и развития продолжает проводить авторитарную политику в условиях исламистской идеологии как инструмента государственного управления для поддержания и легитимизации колониального правления в курдском регионе Турции.

Попытка ПСР провести переговоры с Рабочей партией Курдистана и курдскими политиками была представлена правительством как процесс урегулирования и воспринята как возможность положить конец насилию среди курдского населения в Турции. Политика ПСР оказала отрицательное влияние на процесс мирного урегулирования курдского вопроса [147, с.118].

Анкара продолжает свою репрессивную политику против курдов. В Турции был арестован лидер прокурдской Демократической партии, мэра муниципалитета Акдениз Хосяр Сариилдиз. Вместе с ним были арестованы еще пять депутатов от партии в муниципальном парламенте. В отношении задержанных проводилось расследование по обвинению в терроризме [148].

После падения режима Б.Асада лидер РПК Абдулла Оджалан, отбывающий пожизненный срок в Турции, призвал сторонников сложить оружие после десятилетий противостояния между партией и турецкими властями. «Все группировки должны сложить оружие, а РПК должна распуститься», - говорится в заявлении политика [149]. Боевики РПК начали уничтожать оружие как своеобразный «жест доброй воли» [150].

Крупнейшее немецкое информационное агентство DPA считает, что обращение А. Оджалана может привести к новому мирному процессу между РПК и турецким правительством. В условиях судебного процесса над экс-мэром Стамбула Э.Имамоглу, которому грозит несколько лет лишения свободы, обвиняемому в оскорблении и угрозах в адрес главного прокурора города, в условиях других региональных и международных факторов вряд ли можно прийти к новому мирному процессу между РПК и турецким правительством. Но не отрицается роль РПК и высоко оценивается как легитимный международный субъект в борьбе с ИГИЛ [94, с.280].

Последствия самороспуска РПК не остаются вне внимания зарубежных исследователей. Западноевропейские исследователи считают, что РПК, выдвинув курдскую проблему на политический, национальный и

международный уровень, поняла, что курдскую проблему надо решать демократическим путем, а вооруженная и партизанская борьба перестала приносить желаемые результаты. Роспуск РПК – это не прекращение борьбы, а продолжение ее другими методами. За самороспуском РПК предполагается освобождение А.Оджалана или смягчение условий его пребывания, так как комитет по роспуску РПК настоятельно требует, чтобы во главе всего процесса самороспуска стоял их лидер. Исследователи поднимают ряд вопросов, которые должны быть решены: что будет с демобилизованными 5000-6000 бойцами, каково их будущее, когда они будут сдавать оружие, как долго продлится это процесс? [151].

РПК в настоящее время выступает за ненасильственное прекращение конфликта, вступая в мирные переговоры с правительством Анкары [131, с.95]. Эрдоган располагает возможностями, чтобы положить конец конфликту, который длится уже четыре десятилетия, мирным путем [152]. И, если мы обратимся к периодической печати, то газета «Financial Times» считает, что РПК расформирует свою организацию и положит конец конфликту с Турцией [153]. Курдская вооруженная группировка РПК продолжает выводить все свои силы из Турции в рамках мирного процесса [154].

Главный редактор мультимедийного портала Б.Универен добавляет к процессу сдачи оружия присутствие международных наблюдателей, рассуждая о двух факторах, которые будут влиять на турецкую политику по курдскому вопросу: переговоры и мир с РПК, и правовая оценка заключения в тюрьму мэра Стамбула Э.Имамоглу [155].

Таким образом, анализ зарубежных исследований о роли курдских партий в политической системе Турции показал следующее:

Складывающаяся геополитическая ситуация на Ближнем Востоке, и не только на Ближнем Востоке, но и в мире, отношения Турции с другими государствами имеют большее значение в решении курдского вопроса чем когда-либо, обусловленное новыми индикаторами угроз безопасности.

Несмотря на все ограничения, курдские партии остаются важным элементом турецкого политического процесса. Они способствуют демократизации политического поля, расширяют повестку прав человека, поднимают вопросы социальной справедливости, местного самоуправления и прав меньшинств. Появление и развитие курдских партий стали индикатором уровня политического плюрализма в Турции. Их участие в парламентской политике стимулировало дискуссии о правах меньшинств, необходимости реформирования избирательного законодательства и о более справедливом распределении ресурсов между регионами. НДР и её предшественники продемонстрировали возможность мирного политического участия курдов, выступив в качестве альтернативы вооружённой борьбе. Более того, их деятельность содействовала формированию новой политической культуры - диалоговой, инклюзивной и ориентированной на гражданское общество.

Будущее курдских партий в Турции во многом зависит от способности турецких властей перейти от политики репрессий и ассимиляции к политике

диалога и интеграции. Только при условии признания культурного многообразия и расширения демократических свобод возможно достижение устойчивого мира и стабильности как в самом турецком обществе, так и в более широком ближневосточном контексте.

Будущее курдских партий в Турции во многом зависит от политического курса турецкого государства, прежде всего от степени демократизации и готовности властей к диалогу с курдскими политическими силами либо, напротив, от усиления репрессивной политики. Важную роль играет судебная и правовая среда, включая решения Конституционного суда и применение законодательства о партиях и борьбе с терроризмом, которые могут существенно сужать или расширять пространство для легальной политической деятельности. Не менее значимым фактором является внутренняя стратегия самих курдских партий, их способность адаптироваться к меняющимся условиям, обновлять политическую повестку и выстраивать коалиции с другими оппозиционными силами. Существенное влияние оказывают общественные настроения в Турции, уровень поддержки курдского вопроса среди различных групп населения, особенно в крупных городах и среди молодежи. Наконец, региональный и международный контекст, включая ситуацию в Сирии и Ираке и внешнеполитические отношения Турции, также напрямую отражается на положении курдских партий внутри страны.

2.3 Освещение транснациональной практики курдской диаспоры в поддержке курдов на исторической родине в зарубежных исследованиях

Процессы самоорганизации курдского сообщества, обусловленные сочетанием политических, социально-экономических, культурных и международных факторов, стали инструментом формирования новой транснациональной практики мигрантов и диаспоры, которая становится предметом научных дискуссий в Западной Европе. Курдская диаспора – это диаспора, порожденная конфликтами, которая участвует в формировании национальной политики на родине. Вынужденное перемещение и изгнание курдской диаспоры на Ближнем Востоке представляет, по мнению зарубежной аналитики, центральную черту курдской истории. Для курдской диаспоры Западная Европа стала домом для сотен тысяч иммигрантов и беженцев в поисках политических, экономических и культурных прав.

Научный дискурс анализируют роль курдской диаспоры, формирующейся в динамике исторических вызовов, интересов и приоритетов как в стране происхождения, так и в стране поселения, гендерных отношений в диаспоре, использования и сохранения языка в транснациональных контекстах, развитие курдской литературы, опыт социальной интеграции в Западной Европе, их вклада в решение курдского вопроса посредством обеспечения правовых, политических, экономических и иных нормативных установок, разработанных в ЕС. Транснационализм диаспоры стал одним из факторов, влияющих на поведение отдельных людей или небольших групп в

рамках более широкого сообщества. Меняется этнический и религиозный состав многих европейских стран [156, с.179]. Присутствие курдской интеллигенции в диаспоре стало инструментом формирования интеллектуальной элиты, например, в Швеции. Среди курдской диаспоры много художников, писателей, политических активистов [45, с.1311].

Западноевропейские исследователи затрудняются назвать точные данные о численности курдов на Западе, так как у них нет единого национального государства, и они могут официально регистрироваться как граждане Ирана, Ирака, Сирии или Турции. Шведский исследователь Университета Линнеус Б. Элиасси предполагает, что различные курдские ассоциации и объединения склонны преувеличивать свою численность [157, с.850]. Но можно с уверенностью сказать, что численность растет из-за нестабильной обстановки на Ближнем Востоке. Транснациональное курдское сообщество ярко проявляется в период кризисов на Ближнем Востоке, когда курды вновь и вновь сталкиваются с дискриминацией и различными формами насилия.

Сегодня курдскую диаспору можно встретить в Австрии, Англии, Германии, Нидерландах, Франции, Швейцарии, Швеции, незначительное количество есть в Греции, Дании, Италии, Финляндии. Есть она в США и Канаде. Есть она в Ливане. Это курды, которые были в своем большинстве выходцами из сельской местности, неграмотные или малограмотные, утратившие свой язык и говорящие на арабском языке. В Европе отождествляли курдскую идентичность как невежественную и нецивилизованную идентичность.

Швеция стала своеобразным центром притяжения диаспоры и транснациональной политической активности. Страна играет ведущую роль в поддержке курдского языка. Политика Швеции в 1970-х и последующих годах изменилась в сторону приема беженцев неевропейского происхождения. Изменение ее политики в 2022 году по сокращению квоты на беженцев свидетельствует о пересмотре политики под влиянием внутренних проблем [158, с.14].

Курдские ассоциации и объединения играют важную роль в курдской диаспоре, т.к. в них создается и поддерживается дискурс о курдской идентичности. С их помощью организуются демонстрации, конференции, съезды, конгрессы в поддержку курдов. Европейская курдская диаспора осуществляет добровольное финансирование курдов на исторической родине через свои ассоциации и информационные центры.

К влиятельным курдским ассоциациям и институтам в Европе относятся Федерация курдских ассоциаций в Швеции, Совет курдских ассоциаций в Швеции, Союз курдов в Швеции, Курдский институт во Франции, «Кон-Курд» в Бельгии, «Йек-Ком» и «Ком-Кар» в Германии, а также Курдский культурный Центр и Центр курдской общины в Великобритании. Курдский институт Парижа играет центральную роль в культурной деятельности диаспоры, распространении информации и знаний о курдах, поддержке прав курдов на

Ближнем Востоке, используя социальные сети. Курдский Институт Парижа активно выполняет двойную миссию - научные исследования и пропагандистскую деятельность [159]. На общеевропейском уровне курдскими вопросами занимается Европейский конгресс демократических обществ, ранее называвшийся Конгресс демократического общества Курдистана в Европе (КДО-Е). Он представляет собой централизованную структуру для курдов в Европе, занимается координацией деятельности курдских организаций по политическим, социально-культурным вопросам.

Курдский фактор традиционно используется внешними силами в качестве инструмента влияния на политику Сирии и Турции. Это проявляется либо в поддержке курдских движений, стремящихся к независимости, либо в манипулировании «курдской картой» для достижения собственных стратегических целей. Примером служит политика США, активно использовавшей курдский вопрос для укрепления своих позиций на Ближнем Востоке. Кроме того, усиливается геостратегический интерес США, обусловленный возрастающей ролью курдского фактора в региональной геополитике.

С конца 1990-х годов западные исследователи отмечают активное участие курдской диаспоры в Европе, особенно в части культурной репрезентации курдов. Диаспора использует медиа, литературу и кино в качестве инструментов политического и социального самовыражения.

В современных условиях интерес исследователей смещается от изучения внутригрупповых этнических конфликтов к более широким социальным процессам — к тому, как этнические факторы влияют на структуру общества и формируют этническое самосознание.

Спутниковое вещание, радиоканалы, социальные сети, например, Медиа-сети Rudaw, и, в целом, киберпространство стали механизмами распространения информации и знаний по курдской проблематике за рубежом. Например, еще в 1995 г. курды запустили спутниковый канал MED TV. Такая практика привела к тому, что «курдский вопрос стал не только ближневосточным внутренним вопросом, но стал европейским и международным вопросом. Западноевропейская аналитика также связывает влияние диаспоры с социальными сетями, называя их транснациональными каналами [46, с.845]. Так курдский вопрос перестал быть национальным и региональным вопросом, а стал глобальным. Рассматриваемый в таком ракурсе курдский вопрос может содействовать установлению более тесных отношений между курдами и курдской диаспорой, а также между курдской диаспорой и другими западными организациями и ассоциациями, расширению альянсов Север-Юг.

Отметим, что турецкое правительство оценило канал «MED TV» как «рупор террора». Турция использовала всю дипломатическую мощь, чтобы запретить канал. И каналу приходилось много раз менять название и географию вещания во избежание политических и дипломатических преследований со стороны Турции.

В параграфе 1.2 «Теоретико-методологические основания исследования курдского вопроса в Сирии и Турции» первой главы нашего исследования мы выделили подход киберэтнографии, предложенный исследователем шведского Линчёпингского университета Х.Хаяти. Суть подхода заключается в изучении различных курдских веб-сайтов, социальных сетей и чатов как инструмента глобальной виртуальной коммуникации курдской диаспоры, для прояснения их положения, предпринимаемых ими действиях, в целом социальной и политической активности [45, с.67].

В контексте киберэтнографии, утверждает голландский антрополог М. ван Брайнессен, виртуальная курдская идентичность создается посредством онлайн-активности, такой, как личные и социально-политические веб-сайты, блоги, новостные сайты, форумы для обсуждения, Facebook и YouTube [160, с.11].

Курдская диаспора проявила политическую активность в связи с вопросом вступления Финляндии и Швеции в НАТО. Курдские активисты разместили в социальных сетях материалы с флагами РПК на фоне шведского парламента, депутатами которого являются 4 курдов. Это вызвало большой резонанс у курдов всего мира и центральных правительств Ближнего Востока. Отметим, что эти курдские активисты являются членами «Комитета Рожавы». Турция ужесточила условия вступления Швеции в НАТО, обвинив Стокгольм в мягкости по отношению к рабочей партии Курдистана. Некоторые исследователи считали, что Швеция добьется успеха вступления в НАТО, а Турция не будет представлять серьезного препятствия на пути вступления двух стран в Североатлантический блок [161].

Такая онлайн-активность предоставляет курдам политико-социальное пространство для отражения курдской идентичности по всему миру, общаться и дискутировать по курдской проблематике. Таким образом, курдская диаспора нашла способ бросить вызов официальным государственным дискурсам.

За последние десятилетия распространилось много спутниковых курдских телеканалов, которые стали инструментом распространения информации, например, о своих гражданских правах. Их цель показать, что они могут делать в демократическом политическом пространстве в Европе, оказывая преобразующее влияние на формирование курдской идентичности, организуя переговоры, преодолевая свои политические и идеологические разногласия, которые часто усиливаются в диаспоре [46, с. 857]. Каналы связаны с курдскими политическими партиями, стремящимися к автономии и независимости курдов. Однако не все местные власти в Западной Европе одобряют и поддерживают такую активность курдов. В данном случае Великобритания стала лидером в противостоянии курдской активности.

Зарубежная аналитика полагает, что влиятельные курдские деятели из диаспоры призывают к единству за общие идеи, приуменьшая роль существующих разногласий. Вместе с тем, происходящие события на исторической родине политически мобилизуют диаспору. Например, такое

событие, как осада Кобани боевиками ИГИЛ в 2014 - 2015 гг., показало, что курдская идентичность была организована во всем мире, чтобы оказать поддержку курдским мужчинам и женщинам, сражающихся против ИГИЛ. Хотя город Кобани и был разрушен, он стал большой победой курдов и поворотным моментом в борьбе против ИГИЛ. Большая часть мира впервые узнала об Отрядах народной самообороны Сирии и их уникальном месте в борьбе за курдскую идентичность и автономию.

Город Киркук с курдским большинством, который должен был стать движущей силой курдской независимости, потерпел поражение в октябре 2017 г. что вызвало у курдской диаспоры большое отчаяние. В Facebook курдская диаспора выражала свое отчаяние по этому вопросу.

Турецкое вторжение в Африн в 2018 года не прошло бесследно для курдской диаспоры, которая организовала по всему миру митинги в поддержку Афраина, но не смогли повлиять на результат вторжения. Шведский исследователь Университета Линнеус Б. Элиасси выражает мнение о том, что диаспора играет ограниченную роль во влиянии на внутреннюю политику и получении международной поддержки. По нашему мнению, это закономерно, поскольку каждое государство стремится защитить, прежде всего, свои национальные интересы, не вмешиваясь во внутренние дела других государств [157, с. 852].

Таким образом, коммуникационные технологии эффективно использовались курдскими диаспорами в поддержку курдов в Сирии и Турции, в критических ситуациях для исторической родины проявляя себя посредством митингов, демонстраций, что делает их политизированными [46, с.862].

Вместе с тем, анализ зарубежной аналитики о действиях курдской диаспоры показывают, что курды, вынужденные мигрировать, проживают в западных странах не для того, чтобы ассимилироваться, а для того, чтобы продолжать борьбу за признание своей идентичности и гражданских прав. Однако, многие курды рассматриваются в стране расселения как эффективный инструмент лоббирования своих интересов и влияния на внешнюю политику страны их проживания. Вместе с тем, зарубежная аналитика считает, что курдская диаспора остается политизированной до тех пор, пока курды находятся в политико-экономическом и культурном подчинении.

Новые информационно-коммуникационные технологии, включая социальные сети как, например, Facebook, позволяют курдам представлять различные аспекты курдского сообщества на исторической родине и в странах проживания. Рост киберпространства, отмечает английский исследователь Лондонского университета Ф.Адамсон, создает новую площадку, которая дает возможность нового уровня политического взаимодействия, которое будет содействовать формированию более глубокого курдского самосознания [162, с.294].

Профессор политических наук в Университета Автонома Барселоны Ева Эстергор-Нильсен анализирует примеры курдской активности в Нидерландах

и Германии. Более активна курдская диаспора в Нидерландах. На демонстрации в Гааге против приговора лидеру РПК А.Оджалану в 1999 г. протестовали около 30 тыс. курдов, к которым присоединились курды Германии, проявив солидарность [44, с.270].

Зарубежная аналитика на примере организации конгресса «Milli Gögüü» в Нидерландах в 1998 г. показала, что местные власти с большой осторожностью приняли информацию о его проведении, что свидетельствует о возникающих проблемах по организации такого рода мероприятий, об ограниченности курдских активистов. Ограниченность действий курдских общин исходит из факта включения политических событий на исторической родине в повестку дня курдской общины, которая может дестабилизировать ситуацию. Страны, которые положительно относятся к мигрантам и поощряют их участие в политической жизни, не очень благосклонны к продвижению политических программ на родине.

Американские исследователи считают, что политика мультикультурализма, может содействовать более активной транснациональной практике, так как она имеет в своем арсенале ресурсы и пространство для институционализации различных этнических организаций [163, с. 202].

Е.Эстергор-Нильсен полагает, что есть разница между политикой иммигрантов и политикой на родине, с одной стороны, и политическими движениями на родине, с другой стороны, что меняет политическое поле курдов в Нидерландах и Германии [44, с.214]. Она акцентирует факт фрагментации между курдами, происходящими из разных стран, их разногласия, которые оказывают влияние на их политическую и социальную активность. Тогда как координация действий и усилий по мобилизации поддержки курдов на исторической родине может принести значительно больше выгод.

Активность, финансовая и моральная поддержка курдских движений со стороны диаспоры превращают их в важных ключевых игроков в формировании политики курдской партии и влиянии на нее. Учитывая тот факт, что курды не ограничиваются присутствием в одной отдельно взятой стране, а находятся на территории 4 различных государств, а также включая зарубежную диаспору, курдский вопрос всегда будет оказывать серьезное и масштабное влияние как на региональную, так и на мировую политическую повестку дня.

Курдская диаспора в Дании различными действиями привлекла внимание к происходящим на исторической родине событиям и оказывает поддержку курдам в Сирии. Эти действия способствовали формированию идентичности членов курдской диаспоры в Дании. Битва за Кобани и первое крупное поражение Исламского государства (ИГ) мобилизовало курдов по всему миру из разных слоев общества и политических взглядов на поддержку курдов в Сирии, распространяя информацию через социальные сети, организовывая демонстрации, шествия и митинги. Организаторы

демонстраций следили за тем, чтобы демонстранты соблюдали закон и порядок, и просвещали участников о демократии и демократических ценностях [164, с.125]. Курдская диаспора во Франции также организовала мероприятия по результатам битвы за Кобани.

В Дании появляется новый профиль курдов второго поколения, имеющих отличное образование, но которые хотят действовать независимо и по-новому [164, с. 107]. Такая курдская группа есть и во Франции.

Основные стратегии, используемые курдской диаспорой в поддержке курдов на родине, проявляются в политической активности, военная поддержка через финансирование курдских ассоциаций местными властями и благотворительность. Вместе с тем, между курдскими НПО и традиционными НПО, занимающимися оказанием гуманитарной помощи, нет взаимодействия, что повлияло на их финансовые возможности.

Отметим, что Дания стада неохотно принимающим мигрантов обществом, которое совсем недавно предоставляла курдской диаспоре свободу самовыражения.

Действия курдов в сложной транснациональной среде с конкурирующими интересами других этнических мигрантов и группами внутри Дании и за ее пределами способствовали возрождению идентичности курдской диаспоры, а также коллективной идентичности курдов в Европе. Курдская диаспора в Дании стала «результатом стратегического взаимодействия на нескольких уровнях и на нескольких аренах между курдскими группами и внешними субъектами, а также между курдскими группами и внутри них» [164, с. 48].

В основе курдской идентичности за рубежом лежит идея о том, что курд - это тот, кто выступает против несправедливости и добивается того, чтобы его голос был услышан [164, с. 147]. Еще одним общим знаменателем для различных групп людей, которые по-разному социально мобилизовывались, было чувство срочности и необходимости действовать. Анализ активности курдской диаспоры в Дании показал, что начал формироваться новый концепт «альтернативная территориальная идентификация» для объяснения возможности ощущения принадлежности и отождествления с исторической родиной [165, с.8].

Новое поколение курдской диаспоры, именуемое как второе поколение, отличается от первого потока курдских мигрантов. Новое поколение диаспоры более активно и вызвано это осознанием необходимости мобилизации не только на уровне страны, но и на региональном, европейском уровне, и далее на глобальном уровне.

Однако курдская диаспора в Европе состоит из нескольких поколений, поскольку многие иммигранты в середине-конце 20-го века прибыли по рабочим визам, а более поздние прибыли в качестве политических беженцев. Диаспора также отличается своей лояльностью к политическим партиям, при этом некоторые курды чувствуют себя ближе к философии Отрядов народной самообороны и родственной им организации Рабочей партии Курдистана.

Вместе с тем, некоторые курды, представляющие диаспору, предпочитают не ассоциироваться с другими образованиями или вообще не интересуются курдскими официальными политическими институтами за рубежом.

Европейская диаспора - это сеть взаимоотношений и практик. Второе поколение курдов в Европе выросло в пространстве транснациональной диаспоры, не ограничиваясь этнической и семейной идентичностью. Если первое поколение участвовало в политической деятельности, которая объединяла курдских иммигрантов, например, в партийных собраниях, акциях протеста, то курды второго поколения часто участвуют в мероприятиях, которые являются менее политически формальными, но более открытыми для своих сверстников на родине, таких как петиции и бойкоты, кинофестивали и образовательные мероприятия.

Особый интерес представляет то, как цифровые медиа и организационные пространства пробудили чувство гордости у молодых курдов во втором поколении и позволили им внести свой вклад в цифровую историю курдской идентичности. В одночасье курдские партизаны стали культурным ориентиром благодаря новым цифровым медиа. Некоторые репортажи были сенсационными, некоторые страшными, а некоторые рассказывали просто о жизни курдов в Европе. Впервые в истории молодые курды увидели себя не только в своей родной транснациональной диаспоре, но и в своей родной транснациональной цифровой жизни. Реагируя на новости и расширяя дискуссии в социальных сетях и на онлайн-форумах о курдской истории и культуре, начиная с Кобани, курды второго поколения также привносят курдский дух в цифровой мир.

В то время как Запад почитал и хвалил Отряды народной самообороны Сирии как передовой отряд против ИГИЛ, турецкая РПК, по-прежнему считалась террористической организацией. Несмотря на заинтересованность видных французских политиков в свободе и самоопределении курдов, Франция и другие европейские страны часто бездействовали, когда права курдов вступали в противоречие с их отношениями с правительствами Ближнего Востока. Убийство трех курдских женщин-активисток в курдском информационном пространстве Парижа в январе 2013 г., как предполагалось, было осуществлено агентом турецкой разведки. Совершивший преступление был задержан, отправлен в заключение, где он и скончался. Расследование по этому делу прекратилось, что было истолковано курдами как предательство и капитуляция турецкой стороны, которая не предприняла никаких дипломатических действий. А курдская диаспора во Франции призвала провести серию протестов и митингов. Убийство в Париже показывают, как курдские силы диаспоры могут мобилизовать соотечественников для выражения протеста [164, с.18]. А в это время Кобани становится центром внимания курдского сообщества на глобальном уровне, демонстрируя возможности курдской географии.

Конгресс курдских общин, прошедший в Берлине в Центре курдской диаспоры 7-8.12.2024 г., собрал курдских представителей, приехавших из

разных стран мира. Обсуждались вопросы сохранения языка, традиций, всего историко-культурного наследия и передача его следующим поколениям, а также дискутировали по вопросам консолидации и защите интересов европейских курдов [166].

По призыву Курдских демократических обществ Европы (КСДК-Е) и Движения курдских женщин Европы (ТЖК-Е) в Брюсселе в начале марта 2025 г. была организована пресс-конференция перед зданием Европейского парламента в поддержку манифеста А. Оджалана к миру и демократическому обществу в связи с самороспуском РПК. Совместное заявление КСДК-Е и ТЖК-Е гласит о том, что две организации считают себя ответственными за реализацию этого манифеста, мобилизуя все курдские силы, чтобы сделать мир возможным, расширяя сотрудничество для построения демократии и мира для курдов, особенно развития демократических процессов в Турции, также они выступили за освобождение Оджалана [167].

Четвертая международная конференция по курдским исследованиям, организованная в апреле 2025 г. совместно с Курдским институтом Парижа и Университетом Курдистана-Хевлер в партнерстве с Министерством высшего образования и научных исследований Франции, объединил ученых со всего мира для обсуждения новаторских исследований по различным вопросам курдской проблематики под звучным названием «Переосмысление Курдистана. Идентичность, политика и сопротивление на трансформирующемся Ближнем Востоке». Ее основными докладчиками стали профессор. Хамит Бозарслан (Франция) и проф. Х.Усоян (Свободный университет Берлина). Среди обсуждаемых тем конференции отражена тема курдской миграция и глобальной курдской диаспоры. Конференция также обсудила методологические вопросы курдских исследований, проблемы курдского языка и литературы, гендерных исследований, современной курдской политики, региональной и международной динамики Курдистана, искусственного интеллекта в курдских исследованиях, современного состояния конфликта за самоопределение курдов и т.д. [168].

Международная научная конференция в Брюсселе в июне 2025 г. Была посвящена столетней годовщине восстания шейха Саида, на которой была принята и опубликована Декларация. Организаторами конференции стали Национальный конгресс Курдистана, Курдская исламская община и курдские общественные организации Германии и Бельгии, Ассоциации имени шейха Саида. Конференция напомнила исторические уроки и стала инструментом почитания памяти исторической личности шейха Саида, а также инструментом решения вопросов курдской правды [169, с.195]. Основные положения Декларации сводились к прекращению политики уничтожения, казней и ликвидации всех форм собственности курдов со стороны Турции, проведения работ по выявлению места захоронения шейха, которое до сих пор неизвестно [170].

В итогах конференции было отмечено, что курдская борьба за права и независимость продолжается, но стала более организованной и сильной по

форме, приобрела стратегический характер, подчеркнув значение единства и коллективных действий.

В сентябре 2025 г. в немецком Дортмунде стартовал 33 международный фестиваль курдской культуры, который начался прибытием участников «Долгого марша», выступающих за освобождение А.Оджалана. Это шествие началось раньше, во вторник 9 сентября в Кельне, где прошел митинг. Отметим, что подобные марши проходят очень часто в Париже [171].

Девиз фестиваля – «Свободная жизнь и свободное лидерство – для демократического общества». Участники акции были в национальных костюмах, пели песни. На фестивале была кратко представлена новая парадигма А.Оджалана как новое поле борьбы за мир и права курдов, направленное на урегулирование с обеспечением правовых гарантий.

На протяжении XX–XXI веков проблема национального самоопределения курдов остаётся одной из наиболее сложных и зарубежные исследования рассматривают процесс курдского самоопределения как многоуровневое явление, включающее политическое движение за автономию и независимость, культурное возрождение, формирование национального самосознания и конструирование коллективной идентичности. Курдский вопрос трактуется не только как этнический конфликт, но и как пример борьбы за признание в условиях постколониальной и глобализирующейся международной системы.

Рисунок 2 - Многоуровневый процесс курдского самоопределения

Курдская диаспора, становясь решающей и движущей силой в построении демократии и мира на исторической родине, проявляет политическую активность в Западной Европе. Европейская курдская диаспора использует различные инструменты и механизмы, как организация различных мирных массовых мероприятий, форумы, съезды, конференции, оказывают влияние на решение курдского вопроса не только на родине, но и на ближневосточном региональном и европейском региональном уровне. Как показывает анализ зарубежных исследований, транснациональная практика курдской диаспоры в поддержке соотечественников на исторической родине обретает новые черты и характеристики.

Выводы по второму разделу. В данном разделе обсуждалась меняющаяся динамика сирийского Курдистана и его политические перспективы в трудах зарубежных исследователей, обусловленная выходом сирийских курдов из тени и ставших после Кобани новой региональной силой. Историческая напряженность в отношениях между Турцией и курдами, которая привела к возникновению РПК, рассматриваемой зарубежной аналитикой как террористическая организация, в конечном итоге привела к самороспуску РПК, трактуемое в зарубежных исследованиях как сдача позиций РПК, с одной стороны, а с другой стороны – как изменение средств и методов ее деятельности.

Курдский вопрос, его общая неурегулированность и сохранение как статус-кво, так и нерешенного ползучего конфликта, который длится не одно десятилетие, никак не способствует деэскалации конфликта между курдами и официальными властями стран проживания в плане национальной и региональной безопасности.

Политическая активность курдской диаспоры характеризуется в зарубежных исследованиях как положительная сила, использующая различные механизмы, включая киберпространство, обретая новые черты. С другой стороны, через различные ассоциации курдская диаспора финансирует некоторые курдские террористические организации. Именно диаспора стала инициатором формирования новых форм «глобальной курдскости», основанных на ценностях свободы, демократии и прав человека. В результате курдская идентичность трансформировалась из локальной этнокультурной категории в глобальную политико-гражданскую концепцию, выражающуюся через международные сети солидарности и культурные инициативы.

Тем не менее, в условиях суровой геополитической реальности, теоретические планы курдов на создание собственной автономии, а уж тем более собственного государства выглядят очень туманными, если не сказать призрачными. Турция, чья риторика и идеология при президенте Реджеп Тайип Эрдогане становится все более жесткой и в какой-то степени имперской и экспансионистской, не намерена давать ни малейшего послабления курдской диаспоре на официальном уровне. Турецкие власти намерены сохранять и тщательно оберегать свою территориальную целостность и государственность вплоть до проведения военных операций как внутри, так и за пределами страны.

3 ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗРЕШЕНИЯ КУРДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ УЧЕНЫХ

3.1 Научные взгляды влияния сверхдержав на курдскую проблематику в Сирии и Турции в зарубежной аналитике

Новые геополитические вызовы и угрозы оказывают большое воздействие на курдскую проблематику, осложняемую влиянием на Сирию и Турцию внешних сил регионального и международного уровня, которые характеризуются соперничеством между собой.

Политика США в отношении стран Ближнего Востока, в том числе Сирии и Турции, продиктована современной внешнеполитической доктриной США, включающей принципы «упреждающего удара» и «оборонительного вмешательства» как средства обеспечения национальной безопасности. Эти принципы оправдывают применение силы против государств, которые, по мнению Вашингтона, способны использовать оружие массового поражения. В рамках данной стратегии Соединенные Штаты определили перечень стран - «спонсоров терроризма», среди которых значится Сирия.

Решения и действия США направлены на предотвращение появления антиамериканского регионального центра силы, способного помешать приоритетным интересам Вашингтона в сохранении своего присутствия в регионе, богатом нефтью, осуществляя контроль над энергетическими ресурсами, имеющими стратегическое значение для обеспечения безопасности США и их союзников. Такая политика США объясняет поднимает важные вопросы о ее действиях в регионе [158, с.87].

В начале 1990-х гг. главный политолог RAND, американской некоммерческой исследовательской организации, Грэм Фуллер считал, что усилия Америки, других стран и Организацией Объединенных Наций должны быть направлены на разработку ряда подходов к решению общей проблемы регулирования курдского вопроса [88, с.112].

Такой международный подход может предложить целый ряд механизмов, включая международный мониторинг, международные гарантии прав человека и гражданина, санкции, культурную автономию, регионализацию и т.д. Вашингтон может использовать свое влияние многосторонне, чтобы убедить страны, в которых проживают курды, в необходимости скорейшей выработки реальных подходов к решению проблем, которые грозят обостриться.

По мнению Г.Фуллера, обострение курдских проблем дополняется сложностью противоречивых интересов сверхдержав в регионе, которая признает необходимость структурных изменений, даже ценой неизбежной нестабильности. Одним из этих изменений может быть вариант реализации этнических и культурных требований курдов и предоставления им гражданских и политических прав. В случае не реализации этих требований границы государств могут измениться. Поэтому Г.Фуллер считает, что такие

государства, как США, Франция, Швеция, а также международные организации, могут оказать большое влияние на решение курдской проблемы, включая вопросы авторитаризма власти, агрессии, внутренних беспорядков и конфликтов [88, с.111].

Вопросы прав человека и следующее за этим постепенное движение к демократическому правлению являются главными национальными приоритетами США. Г.Фуллер считает, что те государства, которые явно нарушают международные нормы и международный порядок, заслуживают самых жестких подходов, подразумевая все четыре государства Ближнего Востока, где проживают курды. Поэтому курдская проблематика находится на первом месте международной повестки на Ближнем Востоке и в формирующемся новом мировом порядке [88, с.121].

Концепция «Большой Ближний Восток», разработанная при администрации Дж.Буша-младшего в 2003 г., имела целью демократизацию и реконструкцию Ближнего Востока и Северной Африки. США проводили здесь политику поддержки авторитарных режимов в целях обеспечения безопасности и стабильности, но эта политика не принесла результатов. События «арабской весны» рассматриваются рядом исследователей как один из этапов реализации стратегии «Большой Ближний Восток».

Арабская весна привели не к демократизации, а к дестабилизации региона, причиной чему стала попытка механического внедрения западных демократических институтов без учёта культурных, этнических и религиозных особенностей региона. Усилились религиозные и этноконфессиональные противоречия, выросли сепаратистские и экстремистские тенденции, что создало потенциальные угрозы стабильности в других частях Евразии, включая Центральную Азию.

Использование США политики двойных стандартов и их неоднозначная реакция на события «арабской весны» усилили антиамериканские настроения в ближневосточном регионе. Политические режимы в Египте, Тунисе, Ливии и других странах, ранее поддерживавшие конструктивные отношения с Вашингтоном, были свергнуты, что привело к формированию хаотичной и непредсказуемой политической ситуации. Изменение отношения Соединенных Штатов к своим союзникам вызвало настороженность у новых арабских лидеров и снизило уровень доверия к американской внешней политике.

Арабская весна продемонстрировала отсутствие стратегического видения у США в связи с волной протестов, вызванных самосожжением М.Буазизи в Сиди-бу-Зайди в Тунисе в декабре 2010 года.

США постепенно сокращали свою активность на Ближнем Востоке по причине следующих факторов:

- постепенное усиление роли Турции в южном направлении, например, в Африке, обусловленное разочарованием Анкары в перспективах евроинтеграции,

- региональное лидерство, проявляемое в желании Ирана укрепить своё влияние

- рост политического веса малых государств Персидского залива (в первую очередь, Катара),

- реализация американской стратегии «Поворот к Азии» (Pivot to Asia), направленной на усиление присутствия США в Индо-Тихоокеанском регионе.

Следовательно, стратегия США в отношении Ближнего Востока опирается на совокупность геополитических, экономических и цивилизационных факторов, сочетая продвижение демократии, прав человека и западной модели государственного устройства.

Г.Фуллер напоминает: если сильные державы хотят избежать массового перекраивания международных границ на Ближнем Востоке, то предстоит большая работа государствам региона, в центре которой стоят курды [88, с.120]. А посредством угроз не добиться желаемого результата.

Отношения США-Турция характеризуются как сложные, противоречивые, оказывающие различное влияние друг на друга. Для США, продолжающей выступать против «плохих» курдов РПК, Турция имеет геостратегически важное значение для США как ее союзника по НАТО.

Обеспечение региональной безопасности на Ближнем Востоке для США является суперважным из-за боязни исламского экстремизма. Поэтому Америка расценивает Турцию как бастион против исламского экстремизма, исходя из ее влияния как главного регионального актора и ее членства в НАТО. Отметим, что Госдеп США включил РПК в свой список террористических организаций, но никогда не включал в этот список иракские партии. Турция как важное государство в курдском вопросе продолжает участие и взаимодействие с США в ближневосточной политике. Вместе с тем, американский исследователь М.Гюнтер считает, что у США нет внешнеполитической стратегии в отношении курдов, т.к. они живут в четырех отдельных государствах, каждое из которых требует отдельного анализа с учетом их особенностей [96, с. 78].

США и Турцией руководила боязнь угрозы территориальной целостности Турции. Курды, поддерживающие РПК, стали «плохими курдами» с точки зрения американской внешней политики. Риторика США в отношении курдов оставалась прежней, придавая уверенности турецкой политике в отношении курдов. На Ближнем Востоке становится опасно, когда сталкиваются различные формирования других государств, с одной стороны, а с другой стороны, столкновения местных повстанческих группировок с иностранными формированиями, в частности, формированиями США [160, р. 97].

В рамках НАТО Соединенные Штаты поддерживают позицию турецкого правительства по курдам в части отрицания их прав как этнического меньшинства, что стало началом конца надеждам курдов на независимость или автономию.

М. Чарунтаки объясняет политику Соединенных Штатов в отношении курдов: «Она антагонистична ... объясняется приоритетом политики Соединенных Штатов на Ближнем Востоке, влиянием курдской проблемы на цели региональных и международных держав [124, с.346]. в ракурсе региональных отношений состояние конкуренции становится все более важным из-за нестабильности. Турция и Саудовская Аравия контролируют некоторые аспекты геополитической ситуации.

Наиболее ярко выразилась поддержка и помощь американской стороны Турции в курдском вопросе и судьбе А. Оджалана. Когда Турция вынудила Сирию окончательно изгнать Оджалана из его убежища в октябре 1998 г., Соединенные Штаты поддержали Турцию и направили Сирии письмо в резких выражениях относительно сложившейся ситуации, осудив лидера РПК как террориста и классифицируя саму партию как террористическую. Такой подход характерен и для всего так называемого «коллективного Запада». США и другие страны настаивали на привлечении А. Оджалана к ответственности за свои преступления [96, с. 169].

Соединенные Штаты, позиционирующие себя как заинтересованные в стабильности и региональной безопасности на Ближнем Востоке, продолжают политику вмешательства во внутренние дела государств региона. Показателен кейс, когда иракские курды в 2003 г. поддержали политику США по свержению режима Саддама Хусейна [96, с. 78]. Тогда Турция закрепилась на северном фронте, согласившись с действиями иракских курдов, что потребовало от руководства Регионального правительства Курдистана (КРГ) применения особой дипломатии с США и Турцией. Альянс США - КРГ свидетельствует о сильном влиянии США в регионе, но приобретающей характер дилеммы и «курдской путаницы». Падение режима Саддама Хусейна в марте 2003 г. не прошло бесследно для курдов: сирийские и турецкие курдские партии задумались о своем будущем.

На региональном уровне независимое Региональное правительство Курдистана в Ираке во многом обязано своим существованием Соединенным Штатам. КРГ имела слабые позиции в Ираке, но благодаря лоббированию ее интересов Соединенными Штатами, региональное правительство произвело определенное положительное впечатление и добилось успехов, мотивируя свои действия обеспечением региональной безопасности на Ближнем Востоке [96, с.88].

Необходимо отметить, что США, считающие РПК исключительно террористической организацией, в 2007 году предоставили Турции реальные данные о местонахождении РПК. Тем самым США подтвердили антикурдское направление своей внешней политики, которое продолжалось до самороспуска РПК в мае 2025 года.

США, являясь союзником Турции по НАТО, и одновременно важным союзником Сирийских демократических сил, запретила курдским силам в конце 2016 г. военные действия. Чтобы предотвратить дальнейшие провокации со стороны Турции, США отправляла туда тяжелое вооружение,

военные бульдозеры и противоминные транспортные средства. По мнению Шмидингера, США руководствовались в своих действиях не столько поддержкой курдского вопроса, сколько стремлением покончить с ИГИЛ, представляющей не только региональную, но международную угрозу [94, с. 217].

Когда Европейский Союз принял историческое и долгожданное решение начать официальные переговоры с Турцией о вступлении в союз в 2004 г., он надеялся оказать влияние на осуществление реформ в стране. Преобладающее настроение с обеих сторон было наполнено надеждой и оптимизмом. Для Турции это решение означало долгожданный шаг на пути к членству в «клуб» западных государств. Вместе с тем, с 2004 года в Европе резко возросло сопротивление вступлению Турции в ЕС, создавая дополнительные препятствия на пути к членству. Однако уже в 2007 году атмосфера оптимизма улетучилась и сменилась скептицизмом, пессимизмом и растущей напряженностью [94, с. 278].

Взаимодействие между Турцией и Россией продолжалась и после начала турецкого нападения на Африн. По итогам телефонного разговора между главами России и Турции в феврале 2018 года Кремль опубликовал заявление о том, что два государства договорились усилить координацию между военными и службами безопасности стран в Сирии. Россия в ее сотрудничестве с Турцией преследовала цель заставить Отряды народной самообороны сотрудничать с режимом и согласиться на возвращение к власти Асада. Россия стала главным игроком в будущем Сирии. Своей победой в 2018 г. режим во многом обязан военной и особенно воздушной поддержке России. Без помощи России и Ирана Асад не остался бы у власти. А в декабре 2025 г. без поддержки России власть Б. аль-Асада рухнула.

Турция продолжает нарушать основные права своих граждан. До сих пор Турция нарушает права человека, особенно курдов, среди которых растет национализм. По-прежнему постоянно поступают сообщения о серьезных нарушениях в отношении курдов, таких как пытки, а обращение с перемещенными внутри страны лицами остается жестоким. Что касается прав меньшинств, то курдское население в Турции Шаги, предпринятые Турцией для преодоления неудовлетворительного положения в области прав человека, хотя и многообещающие, далеки от адекватных. По-прежнему подвергается серьезной дискриминации и грубому обращению. Соответственно, поддержка и доверие к ЕС в Турции снижаются в сочетании с ростом турецкого национализма.

До начала гражданской войны Стратегия США по Сирии заключалась в ее изоляции на международной арене посредством санкций. В связи с чем Конгресс США принял «Закон о подотчетности Сирии и восстановления суверенитета Ливана в 2003 г.» президент получил возможность запрещать экспорт продовольствия и медикаментов, посадку и полеты сирийских авианосцев над территорией США, препятствовать американским предприятиям инвестировать в Сирию а также жесткие ограничения на

передвижение сирийской дипломатии. Администрация Барака Обамы пересмотрела стратегию Сирии в связи с усилением исламского экстремизма и Исламского государства. США создали летом 2014 г. Глобальную коалицию по борьбе с ИГИЛ, состоящую из 83 стран и пяти международных организаций, включая НАТО, Европейский союз и Лигу арабских государств.

В течение следующих трех лет коалиция вернула себе подавляющую часть территории ИГИЛ, что значительно ослабило организацию и вынудило ее боевиков бежать. Американские военные чиновники предупредили, что группировка потерпела поражение, но не была полностью уничтожена.

Не приуменьшая роли Отрядов народной самообороны Сирии в борьбе с ИГИЛ. Но разгром ИГИЛ военными средствами был частью американской антитеррористической стратегии наряду с еще одной попыткой стабилизировать ситуацию в Ираке и вокруг него.

В 2019 г. последовал «Закон Цезаря о защите гражданского населения Сирии», введший санкции против режима Асада, поддерживать демократические силы, хотя США уже вывели часть своих войск с ее территории.

Профессор политологии М. Гюнтер анализирует взаимодействие курды Сирии- США в монографии «Из ниоткуда: сирийские курды в мирное и военное время» (Out of Nowhere: The Kurds of Syria in Peace and War [96]. Он утверждает: «В отличие от Турции, США не считает партию «Демократический союз» террористической организацией, и этом важно, поскольку это говорит о том, что США могут пересмотреть свой взгляд на Рабочую партию Курдистана как на террористическую организацию [122, с.130]. Это важно и в другом контексте: США и Турция оказывают влияние на проживающую в США курдскую диаспору, подозреваемую в тесных связях с РПК. В результате турецкие курды в Соединенных Штатах не получают сильной поддержки. Это важно, учитывая давний союз США с Турцией.

Кейс гражданской войны в Сирии (2011–2024 гг.) стал ярким примером проявления влияния американской внешней политики в отношении сирийских курдов. Одна из основных характеристик влияния США на Сирии - это осторожность и враждебность. США считают, что Сирия спонсирует международный терроризм, ведет разработку оружия массового уничтожения, осуществляет незаконный импорт иракской нефти. Вместе с тем, после падения режима Б. аль-Асада американские солдаты помогли патрулировать северо-восточный сирийский город Камышлы в провинции Хасаке.

Концепт «курдская путаница» проявляется в действиях США по отношению к Рожаве. Курды Сирии оставались долгое время вне внимания США, пока в июле 2012 года не возникла курдская автономия - Рожава. Соединенные Штаты выступали против планов партии «Демократический союз» по созданию какой-либо курдской администрации в районах Сирии. Однако партия утверждает, что она поддерживала контакт с Соединенными Штатами в борьбе с Аль-Каидой и ИГИЛ. В данном случае проявляется дилемма: США поддерживают СДС, а поддерживая ее, как бы поддерживают

РПК, которую американская сторона считает террористической организацией, убивающая мирных жителей, нападающая на сельских чиновников, участвующая в незаконном обороте наркотиков, вымогательстве, грабежах и торговле нелегальными иммигрантами.

В любом случае, влияние США проявлялось как в оказании помощи сирийским курдским партиям, так и в их критике.

Многие левые или крайне левые организации по всему миру, поддерживая национальные устремления курдов, призывают выйти на демонстрации в защиту Рожавы, которую представляют различными эпитетами: единственная демократическая, прогрессивная, революционная альтернатива сирийскому народу. Со своей стороны, западные правительства, которые в прошлом полагались на Рожаву в борьбе с ИГИЛ, сегодня не предпримут никаких действий для защиты ее от Турции. Не говоря об ополченцах, которые получают оружие в немалой степени из Европы и США. М.Гурсес приходит к выводу, что ни одна «большая страна, заинтересованная в Ближнем Востоке, не может позволить себе игнорировать курдскую проблему или избегать формулирования курдской политики как части своей общей ближневосточной политики» [81, с.114].

Другие сверхдержавы рассматривали сирийскую курдскую автономию как фактор сепаратизма, трансформации региональной архитектуры. К 2018 году Сирия стала полем битвы для международных игроков и их доверенных лиц. В конце 2018 г. США объявили о выводе своих войск из Сирии, что изменило расстановку сил в регионе.

Шридингер считает, что успех Отрядов народной самообороны (YPG) и Свободных женских отрядов (YPJ) с 2015 года был достигнут благодаря военной поддержке со стороны США, а также Франции и Германии. Тогда был отвоеван Кобани, что означало поворотный момент в войне [94, с.247].

Впоследствии Соединенные Штаты проявляли мало интереса к сирийским курдам, боясь изменений в отношениях с Турцией, для которой курдский вопрос очень чувствителен.

США определили следующие приоритеты в Сирии: противостояние Ирану, борьба с Аль-Каидой, реагирование на химическую атаку в августе 2013 года.

В американских планах предполагалась смена власти в Сирии, причиной которой была сирийская химическая атака в августе 2013 г. в Гуте, пригороде Дамаска. Этот факт вызвал обеспокоенность США за ближневосточную безопасность, а также боязнь усиления влияния Сирии в регионе из-за наличия химического оружия. Однако Обама исключил возможность смены режима. США не предложили никакой действенной стратегии, чтобы наказать режим Асада за применение химического оружия. После падения власти Б. аль-Асада, последовавшей 8.12.2024, Агентство Анадолу сообщило, что делается все возможное, чтобы химоружие в Сирии не попало в чье-либо распоряжение [159].

Политика США по поддержанию Сирийских демократических сил, политика Турции как члена НАТО была направлена на конфронтацию членом НАТО и России друг против друга. И Турция угрожала перейти на сторону России, если США продолжат поддержку сирийских сил. Такая турецкая политика заставила Запад отдать западный регион Демократической федерации Северной Сирии, т.е. Рожавы, под влияние России во избежание конфликта. Россия вывела свои войска из Африна за несколько дней до турецкого вторжения в город в январе 2018 года.

В период 2014-2015 гг. в использовании войск Рожавы в качестве «наземных» солдат для отражения ИГИЛ на территории Сирии также просматривается влияние США. Исследователь Т.Шмидингер указывает, что США и ее союзники, включая Францию, не хотели привлекать свои собственные войска, но вооружили и обучили курдские силы. В то же время союзники США с подозрением относились к курдам, связывая их с другими курдскими войсками, прибывшими из Иракского Курдистана. После поражения ИГИЛ в 2019 году Соединенные Штаты покинули Рожаву, оставив на нескольких американских базах всего 900 человек, чтобы оставаться в регионе и следить за исламистскими группировками, нефтяными месторождениями и Ираном [163, с. 68].

Таким образом, становится понятно, что курды Сирии играли роль незаменимых пешек, инструмента в американской внешней политике, особенно иракские курды. Шмидингер считает, что Сирия превратилась в площадку интересов международных игроков, включая Турцию, главной стратегической целью которой было убрать часть своих «плохих курдов» от турецко-сирийской границы.

Влияние различных государств на курдский вопрос просматривается не только на международном уровне, но и на региональном взаимодействии, например, Сирия – Турция, Иран-Сирия, Иран-Турция, которые являются важными для региональной стабилизации. Турция внесла свои тактические корректировки, заключающиеся в переходе от открытой конфронтации к более завуалированным методам реализации своих интересов.

Взаимоотношения Турция – Иран определяются их стремлением быть крупным игроком на региональном и международном уровне, что стало фактором их соперничества друг с другом.

Иран умело использует свои военные и экономические инструменты и ведет эффективную политическую и дипломатическую игру, отдаляя свою изоляцию. Иран доказывает, что его внешняя политика и безопасность носят прагматический, а не идеологический характер.

Взаимодействие Турция- Сирия представляют сложный комплекс проблем, иногда решаемых, иногда не поддающихся решению. Рост нестабильности внутри Турции, особенно в населенных курдами районах, заставляет её вернуться к внешней политике, ориентированной на безопасность, особенно в пограничных с Сирией районах, что повлияло на

турецкие внешнеполитические решения, которые приобрели националистический характер.

Турция, пытаясь стать региональной державой, базируемый на неоосманской карте как общей культурно-исторической основе, придает большое значение курдской политике и идентичности не только в своей стране, но и в регионе в смысле недопущения их полного суверенитета [92, с.127]. Анкара, поддерживает сирийскую оппозицию, расценив возможную смену режима в Дамаске как отвечающую ее собственным интересам и с самого начала предприняла меры по реализации этого сценария, рассчитывая на активную поддержку со стороны некоторых стран региона, но, прежде всего, на участие США.

В результате Второй мировой войны французские войска покинули Сирию в 1946 году, и эта страна наконец смогла управлять собой самостоятельно. Однако французская политика оставила сложное политическое наследие, отмеченное разделением и союзами, которые были слишком сложными, чтобы сформировать эффективный национальный план.

Исследователь М.Ляроз обращает внимание на роль Франции в период ее мандата в Сирии, благодаря которому курды в Сирии пользовались большей свободой, чем другие курдские народы в регионе, в период действия Лозаннского договора до 1961 года. Хотя на протяжении почти 50 лет, т.е. после Первой мировой войны, курды Сирии представляли сельские населенные пункты, семьи, кланы, племена или секты, как наследие Османской империи. Ляроз утверждает, что с середины 1990-х гг. Сирия все больше и больше изолируется в своем конфликте с Турцией [43, с. 53].

Президент Франции Э.Макрон заявил о своей поддержке курдов, в том числе о готовности направить французские войска на курдские территории Сирии, но трудно представить, что Франция полностью заменит США [94, с.94].

Политика многих великих государств становится двусмысленной в контексте принятия и неприятия курдской диаспоры. Однако происходящие в странах Ближнего Востока событиях и политическая активность курдской диаспоры привела к тому, что она становится признанным субъектом европейской и глобальной политики. Например, развитие программ приема беженцев. В Дании была принята такая программа в Датском совете по делам беженцев [151, с.32].

Противоречивы точки зрения влияния зарубежных государств и международных организаций на курдскую проблематику. Профессор В.Ядирги Лондонского университета считает, что турецкое государство управляет курдским населением без международного вмешательства, хотя с 1920 года курдский вопрос был и остается международным, а курды Турции требуют достижения международного принятия и признания [52, с.128].

Международные организации имеют другой взгляд, другой подход к курдской проблеме. Здесь важно дать оценку влияния «Операции обеспечения комфорта» (ООК, Operation Provide Comfort / OPC), в соответствии с

Резолюцией № 688 Совета Безопасности ООН (5.04. 1991 г.), осудившей репрессии против иракского гражданского населения, поддерживая желание курдов получить гражданские и политические права.

Данная операция стала серьезной политической проблемой в Турции, т.к. северная часть Ирака служила убежищем для РПК. Поддерживая ООК в соответствии с Резолюцией ООН, Турция способствовала собственной гибели, давая возможность РПК развернуться в боевых действиях.

Подходы ООН, США и других сверхдержав оцениваются зарубежными исследователями как «курдская путаница» и дилемма внешней политики сильных государств, которые, по мнению М.Гюнтера, желая сделать лучше, получили обратное. Такой взгляд на курдскую проблематику касается и Турции, и Сирии. Так, поддержка сирийской оппозиции может привести к сотрудничеству с группами, связанными с «Аль-Каидой», которые воюют против сирийских курдов [96, с.58].

Оценка влияния сильных держав мира на курдскую проблематику основывалась на взаимодействии и противодействии с курдскими лидерами, которые стремятся проложить себе путь, ориентируясь в поисках союзников. Это такая «курдская путаница», когда лидеры Сирии и Турции подчинены интересам империалистических держав. Несмотря на то, что угнетенные курды в Сирии и Турции ждут решения их вопроса [94, с. 248].

Историческое соглашение, подписанное 10 марта 2025 года между Дамаском и СДС получило одобрение Вашингтона, Европейского союза, ООН и различных заинтересованных сторон. Эксперт В. ван Винденбург разделяет разногласия между Анкарой и Дамаском по отношению к различным группировкам, поддерживаемым турецкой стороной. Эти разногласия, считает он, могут минимизироваться в связи с фактом самороспуска РПК по призыву А.Оджалана.

Эксперт отмечает важность посредничества в деле Сирии внешних игроков как США, Франция и Германия, которое будет иметь решающее значение. Мировые масс-медиа сообщают о планах Д.Трампа вывести американские войска из Сирии, оставив небольшой контингент как знак своего присутствия на этой территории [105].

Сирия выразила готовность присоединиться к международной коалиции, борющейся против организации «Исламское государство». Соответствующее заявление, по данным американских СМИ, было сделано после встречи Дональда Трампа и сирийским лидером Ахмедом аш-Шараа. Сирия стала 90-й страной, участвующей в усилиях по ликвидации остатков ИГИЛ и пресечению трансграничных потоков боевиков. Кроме того, США сняли часть санкций с Сирии.

Ахмед аш-Шараа назвал визит в Вашингтон началом нового этапа отношений между Дамаском и США. Д.Трамп, со своей стороны, заявил о готовности поддерживать «процесс стабилизации» на Ближнем Востоке. Ряд наблюдателей отмечает, что участие Сирии в коалиции может символизировать изменение международного восприятия Аш-Шараа, ранее

связанного с радикальными группировками. Новый президент Сирии аш-Шараа раскритиковал поддержку Вашингтоном курдских группировок, которые борются с поддерживаемыми Турцией повстанцами [162].

Курдская проблематика всегда находится на особом счету, под пристальным вниманием правительств стран проживания курдского народа. Отталкиваясь от событий уже последних недель и месяцев, беря во внимание глобальное военное противостояние между Россией и Украиной, и здесь курдский кейс не остался вне мировой политической повестки. Украинский конфликт поспособствовал тому, что Финляндия и Швеция, досих пор сохранявшие нейтралитет, решили совместно подать заявки на вступление в военный альянс НАТО. Турция, в свою очередь, ссылаясь именно на курдскую проблематику, на традиционную поддержку правительствами этих двух стран курдской диаспоры, обвинил их в поддержке Рабочей Партии Курдистана, в пособничестве и укрывательству террористов и боевиков, совершавших террористические акты на турецкой земле. Турция в итоге выступила против принятия Финляндии и Швеции в НАТО.

Не следует также забывать возможные будущие последствия географического положения Ирана в регионе, территория которого простирается от Черного до Аравийского моря, помнить о Сирии, готовой доминировать на восточном побережье Средиземноморья, подкрепляемое недавним открытием газовых месторождений в регионе, что приведет к усилению внимания к обеспечению энергетической безопасности за счет изменения местной энергетической динамики [58, с. 140].

Влияние на курдскую проблему оказывали не только сверхдержавы, но и добровольцы со всего мира: испанские, греческие, немецкие, французские и британские группы и группировки в лице Международного батальона свободы IFB (International Freedom Battalion)), созданного в 2015 г. Батальоны поддерживают Отряды народной самообороны и Рожаву в борьбе против ИГИЛ.

Говоря о самороспуске РПК, госсекретарь США М.Рубио провел переговоры с министром иностранных дел Турции Х.Фиданом, тем самым поддерживая своего союзника по НАТО, выразив надежду на прочный мир и безопасность в регионе.

Западноевропейские и американские исследования, изучая влияние сверхдержав на курдскую проблематику в Сирии и Турции, преследовали не поддержку курдского этноса в ее требованиях политических и гражданских прав. Под видом лозунгов о необходимости подлинно демократических преобразований они преследовали иные цели. Они могли оказывать военную, гуманитарную поддержку, особенно Сирии. Им важны были курды Сирии для борьбы с ИГИЛ, а к Турции в их курдской политике относились как союзнику по НАТО.

В результате налицо явный дефицит целостной, гибкой и реалистичной стратегии США в отношении Ближнего Востока, Сирия не представляет исключения. Глубокая трансформация баланса сил в регионе и

дестабилизация или ослабление ряда союзнических связей, которые традиционно связывали США с Ближним Востоком, нашли отражение в Сирии, создав новые условия для американской политики.

Сложное взаимодействие внешних сил, оказывающих влияние на решение курдской проблемы в Сирии и Турции, создает «курдскую путаницу». Поддерживания то курдскую оппозицию, то сторонников курдов, державы упускают из виду идею о том, что путь к реальному урегулированию лежит через успешную стратегию сдерживания, основанную на обеспечении безопасности и сотрудничестве с союзниками и соседними государствами.

3.2 Степень и характер влияния курдского вопроса на региональную и мировую политику в анализе западноевропейских и американских исследованиях

Одна из современных характеристик современного мира является взаимозависимость и взаимодополняемость стран. Взаимозависимость стран и регионов в экономической, политической, социальной и экологической сферах делает проблему поддержания баланса сил и интересов на региональном и глобальном уровнях особенно значимой. Необдуманная шаги отдельных государств или политических элит, связанные с резкой сменой внешнеполитических курсов, способны нарушить сложившееся равновесие и спровоцировать деструктивные процессы, негативно влияющие на региональную и международную стабильность. Формирование и развитие ключевых тенденций в ближневосточной повестке во многом определяется внешнеполитической деятельностью как региональных, так и мировых держав, степенью и характером их влияния на курдский вопрос.

Курдский вопрос представляет не только национальную, но и региональную проблему. Степень влияния курдского вопроса на региональную политику определяется такими основными индикаторами как политическая активность курдов, военное присутствие внешних сил, конфликты, миграционные потоки, экономический индикатор и торговые потоки.

Анализ экономического успеха той или иной действующей партии - правительственной, оппозиционной, нейтральной – не влияет на население в том плане, что население порой не видит экономических изменений. Курдские общины характеризуются низким экономическим уровнем развития, среди курдов очень много бедных и безработных. Экономический индикатор можно использовать при анализе уровня коррупции, в которой за последнее десятилетие обвиняют турецкое правительство. Экономический индикатор при тщательном изучении коррупции подтвердил данный факт [172, с. 125]. Курдский вопрос, тесно связанный с экономическим индикатором, который будет оставаться отрицательным, приведет к социальным конфликтам, этническому конфликту. Конфликты отодвинут вопросы политической идентичности курдов. Если курдское сообщество на Ближнем Востоке будет

находиться в перманентной бедности, вопрос политической идентичности курдов в целом не будет решаться.

Политические региональные индикаторы в виде радикальных перемен на Аравийском полуострове в 2010-е гг., как Арабская весна, охватившая Тунис, Египет, Йемен, Ливию, стала супермотивацией для сирийских курдов в борьбе за свои политические и гражданские права. Эксперты М.Унал и Ф. Хаманчи напоминают, что арабская весна содействовала смене режимов и ролей основных акторов в регионе [94, с.280].

Иракский Курдистан, Сирийская Рожава, усиление авторитарной турецкой политики формируют новые условия для изменения роли курдов и их влияния в регионе, приводя к клубку противоречий. Как одно из противоречий следует назвать неоднозначные отношения Турции и власти БААС в Сирии.

Политическим индикатором характера влияния курдского вопроса на региональную политику стало создание курдской автономной области Рожавы в составе Сирии в 2012 году, что превратило курдов в действующих лиц, способных влиять на региональные политические события. Этот индикатор имел тройственный характер: усилил влияние сверхдержав, не желающих потерять свое присутствие в регионе, усилил борьбу курдской общины за самоопределение, содействовал установлению более тесных отношений с международными силами, действующими в регионе.

Фактор силы курдского движения проявляется в его активности. Чем сильнее это движение, тем больше стран пытались либо использовать различные фракции, отличные от традиционного курдского движения, чтобы противостоять ему и инициировать национальный протест против курдского движения.

Некоторые курдские партии финансируются третьими государствами, как и конфликты, спровоцированные этими третьими государствами. США и их европейские союзники незаконно разжигают восстания и конфликты, бомбят и наносят удары [173, с.17].

В политическом плане развитие курдской ситуации в Сирии и Турции усиливает напряженность в ближневосточном регионе. После распада СССР и образования независимого Азербайджана появился риск перетока в разрезе политической географии Турция вступила в новую фазу геополитической экспансии в Центральной Азии, на Кавказе и в Северном Ираке. Кроме того, конфликт Иран-Турция, Ирак-Турция нарастал, каждая из сторон противостояла и противостояла друг другу, демонстрируя свое положение и влияние в регионе. Возрастала вероятность вооруженного конфликта между странами [104, с. 118].

Арабский мир тоже глубоко уязвим развитием курдской проблемы, так как стремление курдов к независимости представляют угрозу концепции панарабизма, священной веры, подчеркивающей унитарную природу арабского мира и авторитет арабского государства [75, с.146].

Политическая активность курдов стала возрастать в связи с арабской революцией 2011 г., оказавшей сильное влияние на региональную политику. К такому выводу пришла международная группа исследователей, обращая внимание на тот факт, что курды как самое многочисленное этническое меньшинство в Ираке, Иране, Сирии и Турции, их роль не проявлялась до тех пор, пока сообщение «арабская революция» не появилась во всех масс-медиа регионального и международного уровня [115, с.42]. правильно номер

Ситуация на региональном уровне усложняется призраком иранской программы создания ядерного оружия, что представляет более серьезную угрозу национальной безопасности США, чем применение Сирией химического оружия. Ядерные амбиции Северной Кореи создавали аналогичные проблемы [114, с. 162].

Сирийский вооружённый конфликт, отличающийся крайней жесточённостью и затяжным характером, по праву считается одним из ключевых событий в новейшей истории Ближнего Востока. Его последствия оказали серьёзное дестабилизирующее влияние как на общую обстановку в регионе, так и на международную безопасность в целом. Беспрецедентной особенностью сирийского кризиса стало широкое вовлечение в него множества иностранных государств и негосударственных акторов.

Начавшиеся в ходе событий «арабской весны» протесты привели к гражданской войне в Сирии и стали причиной масштабного внешнего вмешательства. Поражение крупнейших террористических организаций и вооружённых формирований оппозиции благодаря действиям Сирийских демократических сил центральное правительство смогло восстановить контроль над большей частью территории страны. По Шридингеру захват Ракки в октябре 2017 г, столицы Исламского государства, стал возможным благодаря ВВС США в сотрудничестве с Сирийскими демократическими силами [113, с.124].

Сирия остаётся разделённой на несколько анклавов, значительная часть населения вынуждена жить в статусе беженцев за рубежом или на территориях, не подконтрольных Дамаску.

Перед страной стоит целый ряд острых вопросов: как обеспечить возвращение миллионов сирийских беженцев? Какие реформы необходимо провести, чтобы предотвратить повторение кровопролития и новой волны насилия? Каким будет экономическое развитие страны?

Восстановление Сирии осложняется сохраняющимися экономическими и финансовыми санкциями, введёнными в отношении страны Европейским союзом, США, Канадой, Австралией, Турцией и рядом структур ООН.

Дальнейшая судьба сирийских курдов после окончания гражданской войны во многом будет определяться характером послевоенного устройства государства и позицией центральных властей в отношении урегулирования курдского вопроса.

Президент США Дональд Трамп утверждал, что его президентство положит конец участию Америки в «грязных» зарубежных войнах.

Американские исследователи считают, что авантюризм Трампа не только продолжил широкомасштабное вмешательство, но и добавил опасный слой хаоса и непредсказуемости [174, с.218].

Турецкое вторжение в Африн под названием «Оливковая ветвь» в 2018 г. также усилило политическую активность курдов. Еще в декабре 2016 г. в некоторых частях сирийского Алеппо, имеющего политическое и стратегическое значение, разместились силы Отрядов народной самообороны, а спустя два года, в 2018 г. весь город Алеппо находился под контролем сил центральной сирийской власти, чему содействовала растущая угроза турецкой военной интервенции. Сложное переплетение событий и действующих лиц осложнялось уровнем развития соседних национальных государств. Безопасность региона в значительной степени зависела от союза Сирийских демократических сил с США. Это факт усиливает степень влияния курдского вопроса на региональную и мировую политику [112, с.214].

По мнению французских исследователей, курды являются региональной разменной монетой, а США выступают в роли арбитров. Они обращают внимание на двойственную позицию лидеров сирийского Курдистана: связь с США и невозможность разрыва отношений с Анкарой. В декабре 2024 г. «Хайят Тахрир аш-Шам», суннитская исламистская организация, признанная террористической в ряде стран, воевавшая на стороне сирийской оппозиции, свергнувшая власть Асада, вела переговоры с США через посредников. Цель переговоров: управление территорией, богатой нефтью и ее подчинение себе, желание ослабить партию «Демократический союз», отрезать ее от турецкой РПК, а также удовлетворить аппетиты Эрдогана, который помог обрушить власть в Дамаске. Желаемые цели Анкара не достигла, так как в Алеппо и Манбидже начались протесты арабского и курдского населения против оккупационной политики новой власти [118]. Деятельность РПК стала не просто турецким вопросом, а трудно решаемым региональным вопросом.

Индекс военного присутствия и конфликтов, их влияния на региональную политику, по мнению зарубежных исследователей, самый высокий. Иракский Курдистан и Сирийская Рожава на региональном уровне провоцируют курдские восстания в Турции и Иране, повышают активность курдской диаспоры.

Степень влияния на региональную политику определяется и американской помощью, например, в конфликте в Кобани, когда США предоставила самолеты, нанешие удары по позициям Исламского государства на северо-востоке Сирии. А Турция осталась в стороне, что свидетельствует о неизменности политического подхода Турции к прокурдской политической мобилизации в Сирии. Поэтому Турция не стала частью коалиции против ИГИЛ [115, с. 43].

Падению власти Б. аль-Асада предшествовали сражения на северо-востоке Сирии курдских отрядов с ополченцами, поддерживаемыми Турцией. В день свержения власти аль-Асада Анкара стягивает войска к своей северной границе с Сирией. Одновременно участились сообщения о нападениях

боевиков террористической организации ИГИЛ. Переплетение сложных событий свидетельствует, по мнению О.Гласа, политического обозревателя отдела политических новостей «Frankfurter Allgemeine Zeitung», о высокой степени влияния курдского вопроса на региональный баланс сил как важный параметр достижения региональной и международной безопасности [175].

Западноевропейские исследования рассматривают положение сирийских курдов в контексте истории Сирии и нынешней ситуации начала XXI в., когда США объявили ее вне закона как террористическое государство. Сирии до 50% доходов направляет на военные расходы, поскольку чувствует угрозу со стороны своих соседей. И это находит отражение в отношении к курдам со стороны арабского населения [176, с.68].

Турция, будучи примером так называемого «национального государства», на протяжении десятилетий последовательно реализовывала политику, основанную на специфической идеологической модели, в которой сама концепция «нации-государства» рассматривалась как высшая ценность и почти сакральный символ государственной идентичности. Национальная доктрина Турции, основанная на принципах кемализма, со временем приобрела догматический характер и стала одной из ключевых причин противоречий и конфронтации между турецким государством и курдским населением, оказывая высокое влияние как на региональную, так и на мировую политику с такими противоречивыми характером как осторожность и жестокость, доверие – недоверие.

После военного переворота в 1980 г. Турция оказалась в ситуации затяжного и сложноразрешимого конфликта, конкретным проявлением которого стала вооруженная борьба курдских повстанцев, организованная и направляемая Рабочей партией Курдистана. Военный переворот носил двойственный характер на население: отрицательный, так как спровоцировал бегство тысяч жителей, в том числе и курдов в соседние страны, усложнив региональную безопасность. Для курдов региона это был положительный характер, так они активизировались, что привело к росту курдского сопротивления. Также активизировалась курдская диаспора в Европе.

К концу тысячелетия ситуация на востоке Турции, где традиционно проживает курдское население, приобрела характер фактической гражданской войны. А турецкие власти продолжали обозначать происходящее как «антитеррористическую операцию».

Сирия и Турция обладают значительными природными энергоресурсами как нефть и газ. Сирия имеет значительно больше запасов нефти, чем Турция. Турция обнаружила 150 млн баррелей чистых запасов нефти в районе горы Габар, оцениваемое в \$12 млрд. Эти две страны значимы по своему географическому положению. Через Сирию проходят трубопроводы, пересекающие Персидский залив и Средиземное море. Приход новой власти в Сирии окажет влияние на Иран, Ливан, Иорданию, не говоря уже о Турции. До падения режима Б.Асада Иран был ее ключевым союзником, а новая власть может ослабить позиции Ирана в регионе и стать мотивацией

для западных стран усилить антииранские санкции, что имеет негативный характер в смысле изменения цен на нефть в условиях энергетического кризиса.

Главным элементом индикатора степени экономического влияния является фактор природных ресурсов, который порождает конфронтацию Турция – Сирия, Турция – Иран, что определяет высокую степень влияния на региональную политику. С другой стороны, курдский фактор помогает в распространении идей сильных держав среди стран региона. Поиски методов поддержки курдских группировок помогают в конкурентной борьбе держав за контроль над этим важнейшим геостратегическим регионом. Некоторые исследователи, например, М. Чарунтаки полагают, что фактор экономических отношений между государствами может как улучшить отношения между странами региона, так может привести к соперничеству и военному сотрудничеству [138, с.95].

Богатый нефтью и газом Ближний Восток остается ключевым регионом в мировой и региональной политике, несмотря на политические потрясения, конфликты и кризисы, которые стали константой в жизни этих государств, населенных обездоленными меньшинствами, часто лишенных гражданских и политических прав.

В контексте энергетического индикатора Турция, как транзитная зона природного газа, может сыграть на стоимости газа, подчеркнув характер своего влияния в европейском масштабе в новых условиях энергетической безопасности [75, с. 137]. Кроме того, Турция, используя неоимперский проект – неоосманизм, стремится усилить степень своего влияния в регионе, и по курдской проблематике может вступить в конфликт со своим соперником в регионе - с Ираном.

Контроль над нефтью и газом, т.е. энергетический индикатор, носит глобальный характер влияния курдского вопроса в международном масштабе, который приобрел новый накал в связи с падением режима Б. аль-Асада и энергетическим кризисом, обусловленным СВО России в Украине. Энергетический индикатор покрывает и собственно энергоресурсы и энергетические проекты в нефтегазовом секторе, для которых необходимо трубопроводы, проходящие через Сирию. Об этом мы уже писали в предыдущих частях нашего исследования, т.к. Сирия очень важна с позиции своего географического положения. Зарубежные исследователи анализируют продолжающуюся заинтересованность Китая в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь», указывая на готовность Китая вкладывать значительное количество средств в восстановление сирийской инфраструктуры [177].

Пекин может усилить свое экономическое присутствие в случае согласования с новым правительством, вытеснив западные компании. В любом случае от Китая потребуется немало усилий в борьбе за экономический и энергетический рынок. В орбиту экономического и энергетического факторов будут вовлечены Россия, имевшая при Асаде сильное влияние, и

США, которая всегда стремилась любым образом заявить свое присутствие в той или иной стране. В условиях нарастающего экономического и энергетического кризиса каждая из сторон будет проводить свою политику, что, несомненно, оставит глубокий след для мирового рынка нефти, геополитики и распределения сил на международной арене.

Социальным индикатором степени и характера влияния на курдскую проблематику являются миграционные потоки, ставшие константной ситуацией на Ближнем Востоке и носящие негативный региональный и мировой характер. *После курдского и шиитского восстаний в 1991 г., падения режима Саддама Хусейна* около 1,5 млн курдских беженцев бежали к иранской и турецкой границам, где их ждали неблагоприятный климат и нехватки еды. Проблема беженцев быстро создала политическую проблему для всех участников, включая Соединенные Штаты, Турцию, Иран, Европейский Союз. После долгих раздумий Соединенные Штаты изменили свое решение и предприняли несколько шагов для защиты курдов.

Попытка Турции захватить Африн в 2018 г. связана с соглашением между ЕС и Турцией о беженцах. Турция приняла 3,5 млн беженцев из Сирии, а Европа закрыла свои двери. Турция использовала эту ситуацию в своих целях, требуя оплаты за содержание беженцев в созданных лагерях. Как считает Т.Шмидингер, миграция сирийских курдов – это своеобразная этническая чистка, что приводит к демографическим изменениям не только в регионе, но и в мировом масштабе [112, с. 256].

Румынские исследователи доктора М.Мурариу и Г. Англицою, основываясь на глубоком анализе вторжения Турции в Сирию и Ливию, приходят к выводу, что с точки зрения Турции ополченцы, в которых доминируют курды, создают серьезную угрозу безопасности почти на всей территории северной Сирии, а также на южных границах Турции, формируют опасную возможность отделения курдского региона в Турции [75, с. 135].

Степень и характер влияния курдского вопроса на мировую политику определяется таким важным индикатором как отношения между странами.

Соединенные Штаты оправдывали свое возможное нападение на Сирию тем, что режим аль-Асада нарушил международное право, используя химическое оружие. А бомбардировочная кампания Соединенных Штатов может привести к перерастанию гражданской войны в Сирии в региональную и даже международную войну, в которую могут быть вовлечены Россия, Иран и неизбежно приведет к Израилю. В британском парламенте обсуждался вопрос участия Великобритании в сирийской проблеме с химоружием как вопрос, представляющий определенную угрозу для островного государства [114, с.108].

Глобальный характер влияния курдского вопроса проявляется в политическом индикаторе: внутренняя дестабилизация государства, военные конфликты.

Внутренняя дестабилизация государств носит политический характер влияния курдского вопроса в глобальном масштабе. Характер влияния

курдского вопроса определяется и курдской диаспорой, которая является заметным сообществом в Европе и за ее пределами, которая использует транснациональное пространство для создания глобальных сетей заинтересованных сторон и мобилизации действий против угнетения в соответствующих странах происхождения, поддерживая прочные связи со странами своего происхождения. Но сохранение таких связей не означает отказа от интеграции в принимающей стране, где они создавали этнические организации в Европе, США. Первые курдские организации были созданы студентами и рабочими, стремясь оказывать политическое влияние на европейские правительства. Они проводят разного рода мероприятия, включая петиции, массовые демонстрации и протесты, блокирование тротуаров и дорог, иногда внося определенный беспорядок в принимающем государстве.

Курдский вопрос классифицируется в зарубежной аналитике как «иностранный заговор», «иностранный провокация», «иностранный подстрекательство». Эти концептуальные подходы основаны на действиях государств, подавляющих организованные курдами беспорядки.

С 1980-х годов прокурдские демонстрации проводятся в европейских мегаполисах почти ежемесячно. Ежегодно по всему миру проходят сотни протестных мероприятий. Курды организованы и активны. Германия является страной с самой высокой долей населения этнических курдов. Кроме того, во Франции, Швеции, Австрии, Бельгии и Нидерландах проживает значительное количество курдов и турков.

В Германии курдское население будет составлять почти 1 млн человек. Однако не все курды хотят проявлять свою этническую идентичность или позволить политическую мобилизацию. Именно Германия открыла возможности для мобилизации и действий для движущих сил курдской диаспоры. Германия оказала огромное влияние на Турцию из-за своей роли в Европейском Союзе. Кроме того, турецко-немецкие экономические отношения очень развиты. Влияние Германии на Турцию в контексте компромисса курдского вопроса считалось идеальным в курдских кругах. И Германия стала центром политической активности курдской диаспоры в Европе, что вызывало напряженность сначала в турецкой диаспоре, и затем в турецко-немецких отношениях. Эти отношения еще более обострились в 2016 г. с усилением политики авторитаризма в Турции.

Если ЕС не сыграет заметную роль в ближневосточном регионе, то международное сообщество может столкнуться с повторением событий, произошедших на Балканах в 1990-х годах, когда европейское сообщество не смогло предпринять адекватных действий для предотвращения грубых нарушений прав человека. Учитывая вклад США в борьбе с терроризмом, любое решение проблемы прав человека на юго-востоке Турции при посредничестве США вряд ли пойдет на пользу курдам РПК [178, с. 112].

Внутриполитические процессы тесно переплетены с влиянием соседних государств на формирование курдской автономии. Турция и Сирия, опасаясь, что успешное создание иракскими курдами даже ограниченной формы

автономии может спровоцировать рост сепаратистских настроений среди собственных курдских общин, проводили политику, направленную на поддержание разобщённости курдского движения. А после 2012 г. с созданием Рожавы Турция активизировала свою политику в борьбе с РПК.

Одновременно, поскольку вооружённые формирования иранских и турецких курдов, придерживающиеся сепаратистских взглядов, размещали свои тыловые базы в приграничных районах Ирака, Анкара и Дамаск были вынуждены выстраивать прагматичные отношения с всё более самостоятельным Иракским Курдистаном.

Затяжной характер противостояния между Турцией и курдским движением объясняется тем, что РПК пользуется широкой поддержкой среди курдского населения Турции. Военные операции турецкой армии против РПК, как правило, не приводят к ослаблению курдского сопротивления, а напротив способствуют консолидации курдского общества вокруг партии, демонстрируя положительный характер влияния с точки зрения курдской общины. Тактика противоборства складывается циклично: после вооружённых столкновений стороны переходят к переговорам, используемым для восстановления сил, после чего конфликт возобновляется [178, с. 126].

При этом Анкара избегает развязывания масштабной военной кампании против курдского населения всего Ближнего Востока, поскольку подобные действия могут привести к дестабилизации и усилению напряжённости внутри самой Турецкой Республики.

Курды пытались повлиять на европейские правительства и политиков, чтобы подтолкнуть Турцию к признанию прав курдов и их этнической идентичности, разрабатывая программы освобождения курдов от репрессий в различных частях их родной страны Курдистан. Турецкая диаспора видела в этом опасность территориальной целостности и национальной безопасности Турции.

Например, в 1990-х годах немецкие города стали ареной столкновений между турецкой и курдской диаспорой, которые перерастали в насилие и в бандитские войны, уличные бои и попытки линчевания. В ответ немецкие власти угрожали депортацией членам курдских и турецких общин, что увеличивало напряженность в стране. Некоторые турки считали, что немецкое государство сотрудничало с курдскими племенами и готовило конец Турции. В Германии курдское население было обвинено в желании разделить Турцию, в результате чего напряженность внутри страны в условиях обсуждения вопросов европейской интеграции [178, с. 211].

Такие общие черты, как религия, язык, соседство, быт иммигрантов и принятие Германии как родины связывают курдскую диаспору, но разногласия существуют, что может вызвать напряженность в мировой политике и на уровне ЕС. С потоком мигрантов с 2015 г. у Германии появился шанс написать новую главу о миграционной политике после свержения режима аль-Асада в Сирии [179].

Политическая активность курдской диаспоры привела к тому, что Турция начала криминализировать курдское движение, обвиняя Германию в укрывательстве террористов. Турция последовательно влияла на Германию, указав на угрозу национальной безопасности Германии, которая не запрещала курдские организации и деятельность диаспоры. В некоторых случаях Германия попросила выслать курдских активистов, что вызвало жаростные споры между политическими партиями в Германии и дискуссии по поводу их позиции по курдскому вопросу. Происходящие в Турции и Сирии события приводят к протестам в Германии, что влияет на динамику курдско-немецких и немецко-турецких отношений [180].

Влияние курдского вопроса дошло и до Китая: воинствующие уйгуры сражаются в Сирии и оттуда угрожают китайскому правительству дестабилизацией в проблемном СУАРе, как пишет авторитетная британская газета «The Economist» [181].

Угроза Исламского государства как политический индикатор создала нестабильность в регионе и одновременно привели к формированию региональных курдских сил, одной из известных являются иракские пешмерга.

Политический характер влияния коррелирует с военным характером через конфликты и антитеррористические операции. В 2013 г. Соединенные Штаты объявили одним из приоритетов их политики в Сирии борьбу с Аль-Каидой, одной из самых крупных исламистских и салафитских международных организаций, угрожающих всему миру. Сирийские демократические силы, по мнению М. Гурсеса, стали наиболее эффективным и надежным партнером Соединенных Штатов в борьбе с ИГИЛ. США таким образом стремились избежать широкомасштабного влияния ИГИЛ на региональную и мировую политику [98, с.4].

Курдские бойцы отрядов народной и женской самообороны, связанные с СДС, во время многомесячной осады Кобани в конце 2014 года после нападения ИГИЛ, минимизировали его действия в регионе. Героическое сопротивление стало поворотным моментом не только для курдов Сирии, но для всего региона.

Показательным примером опасности распространения влияния ИГИЛ на глобальном уровне является письмо, написанное шестью французами, воевавшими на стороне курдских сил в Сирии, предупреждая об угрозах и потрясениях для Франции: «Граждане Франции, мы побывали в Сирии в период с 2015 по 2019 год в качестве добровольцев, чтобы присоединиться к курдским боевым отрядам и Сирийским демократическим силам в борьбе с ИГИЛ. Мы сделали это не только для того, чтобы защитить нашу страну, которая в то время подвергалась нападениям исламского терроризма, но и в поддержку проекта сообщества, альянс курдов, арабов и христиан которого имел значение для северной Сирии» Далее французы пишут о том, что в начале 2019 г. Сирийским демократическим силам ценой больших потерь и

ожесточенных боев удалось уничтожить халифат Исламского государства при поддержке международной коалиции, частью которой была Франция.

Гуманитарное измерение включает проблему беженцев, права курдов, репрессии, образование, обучение детей на курдском языке, издательская политика, право говорить на своем языке [182, с.184]. Право говорить на своем языке сталкивается с проблемой разнообразия диалектов, из-за чего встает проблема множественности издательских центров [183, р.35]. В условиях постоянных конфликтов, гражданской войны, экономической неопределенности, влияния внешних региональных и международных сил сложно решать и регулировать вопросы языка и курдской культуры [184, р.104].

Об иностранном подстрекательстве или иностранной провокации курдов говорил А. Оджалан, считая, что каждое из 4 государств проживания курдов в соответствии со своими интересами и интересами международных монополий играет центральную роль в развитии колониализма и угнетения курдов [69, с. 115].

В Европе, особенно во Франции, курды распространяли публикации с изложением природы и необходимости национально-освободительного движения курдов с целью оказания влияния на европейские сообщества. В результате курды, живущие за границей и пишущие на французском языке, прямо упомянули «курдский вопрос», который состоит из «борьбы, которая длилась более трех столетий и которая всегда была направлена на национальную независимость» [185]. Сирийские беженцы в Европе не собираются возвращаться домой: «Это неопишное счастье, которого я никогда раньше не знал», - говорил в декабре 2024 г. Ахмад Денно, сириец, бежавший в Германию десять лет назад [186].

Немецкое население одобряет политику своей страны в отношении беженцев и считает ее успешной. Но, с одной стороны, этнические немцы были бы рады вернуть всех беженцев в свои страны, а с другой, потеря сирийской рабочей силы нанесет определенный ущерб экономике страны.

Балансируя между исламским экстремизмом и этническим разнообразием сирийских курдов, немецкие исследователи приходят к выводу: сирийское сообщество в Германии может привести к позитивным результатам при выполнении главного условия: сдерживание исламистов.

Самороспуск РПК стал еще одним политическим индикатором характера влияния курдского вопроса. По мнению французского исследователя И.Ламбер, одна из причин самороспуска заключается в криминализации большого количества социальных, политических или культурных структур, борющихся за права курдов. Она выражает надежду, что роспуск РПК позволит декриминализировать прокурдскую воинственность [151].

Освещение происходящих на Ближнем Востоке событий в национальной, региональной и международной медиа сфере выступает как информационный индикатор степени влияния курдской проблемы. Например,

Вашингтонское бюро Rudaw Media Network убедительно пишет, что решение РПК о самороспуске было одобрительно встречено курдскими и международными лидерами, усматривая в этом достижение мира в регионе и решение политических проблем [187].

Политический обозреватель немецкой газеты «Deutsche Welle» К.Шаер на роспуск РПК смотрит дальше и шире, указывая на то, что кроме РПК в регионе есть и другие формирования, тормозящие процессы мирного урегулирования курдского вопроса [188]. Французское военное обозрение с удовольствием сообщило, что впервые за 15 лет Сирия воспользовалась отменой санкций, чтобы в начале сентября отправить партию сырой нефти в Италию [189].

Исторически великие державы рассматривали курдский фактор как инструмент политического влияния и средство давления на государства, в которых проживает курдское население. Ни одна из крупных внешних сил не проявляет последовательной готовности отстаивать право курдов на независимость или автономию. «Курдский вопрос» чаще используется как элемент геополитической игры, служащий интересам внешних акторов, но не решению задач, связанных с реальным благополучием и развитием курдского народа.

Исследователь О.Текдемир дает оценку мнения А.Оджалана о новой политической культуре, общинной экономике, гендерном равенстве и демократической автономии, осуждая отношение коллективного Запада к другим этносам, а также жесткие принципы неолиберализма и исключительной американской демократии. Эти инициативы, как писал Текдемир в 2021 г., будут определять динамику региона в будущем. Текдемир делает вывод, что в новом повороте курды будут играть свою региональную роль, полностью понимая и отвечая ожиданиям и обязанностям в рамках национальных государств, в которых они живут [33, с. 154].

Таким образом, степень и характер влияния курдского вопроса проявляются в таких индикаторах как политический, военный, энергетический, гуманитарный, информационный. Каждый из этих индикаторов будет иметь значительные последствия для геополитики и распределения сил на международной арене. Возможность урегулирования курдского вопроса стала триггером развития событий в регионе, где находят влияние различные акторы, региональные и международные, оказывая определенное воздействие на идентичность курдов.

3.3 Перспективы решения курдского вопроса на Ближнем Востоке в зарубежной аналитике

На протяжении своей истории курды стремились к созданию своего государства, о чем свидетельствует наличие курдских королевств, эмиратов, княжеств, признаваемых соседними государствами. Будучи раздробленными и рассредоточенными на территории четырех государств, курды по сей день не сформировали единого национального движения, а создали множество

различных политических структур с разной степенью лояльности и масштаба действий.

Справедливое решение курдского вопроса нуждается в настоящее время в активной поддержке международного сообщества, которое до сих не выработало четкого отношения к проблеме курдов и которое может оказывать определенное влияние на центральные власти стран проживания курдов. Особенно это касается западных стран, так называемых сверхдержав, ведущих политику «двойных стандартов». Они замечают нарушения прав курдов в Иране, но при этом закрывают глаза на подобные нарушения в Турции, декларируя при этом принципы невмешательства во внутренние дела данного государства. Поэтому для курдского движения стало совершенно очевидным, что западные страны стремились не к справедливому решению курдской проблемы, а к контролю за нефтяными месторождениями. Вместе с тем, западные государства видят в курдах крупный народ, лишённый собственных государственных границ, но стремящийся к их обретению, к государственности. В качестве положительного примера часто приводятся Иракский Курдистан и Автономная администрация северной и восточной Сирии - Рожавы - символ пути к государственной самостоятельности курдского народа сложный, но достижимый [190, с,121].

Политика сверхдержав в отношении курдов остается противоречивой и неопределённой, изменчивой в зависимости от складывающейся ситуации. Курдская проблематика в странах их проживания превратилась в острый внутривластный процесс с применением военной силы, затрагивающий интересы не только региональных, но и мировых держав. Курды продолжают вести борьбу за свои права и свободы в политическом русле путём создания реальных политических партий, методами терактов, протестов, митингов, демонстраций и т.д. , так политика их дискриминации центральной власти Сирии и Турции становится объединяющим мотивом для курдов.

В современной политической и социально-экономической ситуации на Ближнем Востоке, как самороспуск Рабочей партии Курдистана и приход новой власти в Сирии, краткосрочный конфликт Израиль-Палестина, а также некоторые события в мировой политике и международных отношениях как конфликт Россия-Украина, который привел к экономическому кризису, новая налоговая политика США, которая усложнила экономический кризис, перспективы развития курдского вопроса становятся более туманными и менее реальными, так как он представляет угрозу национальному единству, суверенитету и территориальной целостности Сирии и Турции.

Возможные сценарии разрешения курдской проблемы продолжают привлекать внимание западноевропейских и американских исследователей, стремящихся выработать новые методологические подходы к его изучению. Исследователи рассматривают данную проблему сквозь призму различных теорий, подходов и концепций: классические теории: реализм, неолиберализм, конструктивизм, новые подходы: наступательный реализм, колониальность, локализация иностранных новостей и другие. Вместе с тем, остаётся ключевой

вопрос, который продолжает волновать как исследователей, так и сам курдский народ: как долго курды будут находиться в поисках собственной государственности?

Как мы писали ранее, курдская политическая активность достигла своего подъема в начале XXI века. Курды как новые региональные игроки на Ближнем Востоке оказывают большое влияние на региональный порядок. Курдские движения в Турции и Сирии проявили себя как значительная сила во внутренней политике своих государств. Особенно после укрепления курдской автономии в Ираке и области де-факто в составе Сирии курды наладили более тесные отношения с региональными и международными силами [190, с.121]. Гражданская война в Сирии и различные тенденции в отношениях между курдами являются переломным моментом в политических и бюрократических изменениях и преобразовании курдской идентичности в контексте демократического конфедерализма [113, с.198].

В начале 1990-х годов Турция признала этнический статус курдов. Президент Тургут Озал (1989-1993) раскрыл свое курдское происхождение и призвал ряд деятелей последовать его примеру. Курдский вопрос перестал быть запретной темой в средствах массовой информации. В 2002 г. в Турции официально разрешили использование курдского языка, как и преподавание в школах.

Несмотря на все мечты о великом курдском национальном государстве, два курдских полугосударства – Рожава и Иракский Курдистан - до сих пор испытывают внутренние проблемы политического и экономического характера. Но именно существование двух курдских полугосударств привело к тому, что внутрикурдское соперничество и конфликты стали острее, чем когда-либо прежде, считает Грэм Э. Фуллер, американский эксперт [105, с.111]. Отметим, это одно из первых исследований, посвященных теме прогноза в решении курдского вопроса.

Для того, чтобы провести анализ возможных сценариев решения курдского вопроса, считаем необходимым дать определени я демократической автономии, демократического федерализма, демократического конфедерализма.

Демократическая автономия -это «состояние самоуправления, независимости, свободы и самоуправления в демократических рамках, гарантируя политическое равенство и права личности» [191].

Сирийская партия «Демократический союз» в сотрудничестве с Отрядами народной самообороны создали различные органы как прототип демократической автономии. Организация и участие РПК во многих событиях в Турции и Ираке - это примеры управления и принятия решений через различные структуры.

Демократический федерализм -это форма политической организации, которая объединяет отдельные штаты или другие государственные образования в рамках всеобъемлющей политической системы таким образом, чтобы каждое из них сохраняло свою целостность. В курдском сообществе

такого примера нет, но Канада и Квебек представляют яркий пример демократического федерализма [192].

Относительно демократического конфедерализма есть только дефиниция, данная А.Оджаланом: «демократический конфедерализм - это этическое, политическое и административное выражение общества как исторической и социологической структуры, в которой различные идентичности, фракции и группы сосуществуют в диалектической гармонии, т.е. конфедеративное единство общественных структур» [193]. И далее он уточняет: «Демократическая конфедералистская система является аналогом национального государства, основной государственной формы официальной современности. Мы можем определить ее как форму негосударственного политического управления. Именно эта характеристика делает систему такой специфичной... Государства управляют, а демократии - руководят. Государства опираются на власть, демократии - на коллективное одобрение» [194, с.256].

А.Оджалан, находясь в заключении и изучая труды ученых разных стран мира, пришел к пониманию необходимости корректировки курдской идеологии, которую он назвал «демократический конфедерализм».

Абдулла Оджалан также выделил принципы демократического конфедерализма, которые кратко заключаются в следующем:

-«Право народов на самоопределение включает в себя право на образование собственного государства/ Демократический конфедерализм является обратной парадигмой для угнетенного народа.

- Демократический конфедерализм это культурно-организационный проект демократической нации.

- Демократический конфедерализм основан на низовом самоуправлении. Процессы принятия решений в нем лежат на общинах. Однако основная власть принятия решений принадлежит местным низовым институтам.

- На Ближнем Востоке демократия не может быть навязана капиталистической системой и её империалистическими силами, которые лишь вредят демократии. Это единственный подход, который может справиться с различными этническими группами, религиями и классовыми различиями.

- Демократический конфедерализм в Курдистане также является антинационалистическим движением. Он направлен на реализацию права народов на самооборону путем продвижения демократии во всех частях Курдистана... Его цель не создание курдского национального государства..., а сформировать общую, «зонтичную» (umbrella), конфедерацию для всех четырех частей Курдистана» [194, с.256].

Эксперт Грэм Э. Фуллер дает критическую оценку перспективам судьбе курдов, которая имеет большое значение для всего Ближнего Востока, подчеркивая, что всякий конфликт, война ускоряют курдский кризис в сторону кристаллизации идеи независимости. Интересным являются его

положения о том, что будет, если будет Курдистан, и что будет, если он не состоится:

- в случае обретения государственности, в регионе произойдут кардинальные изменения в границах и геополитике Ирака, Турции и Ирана, что приведет к изменению традиционного баланса сил в регионе,

- в случае невозможности создания курдского государства последствия будут серьезными» [105, с.118].

И далее исследователь раскрывает эти последствия: Ближний Восток может пойти на крайнее насилие и репрессии, направленные на подавление недовольных меньшинств с ограничением прав человека. Это сохраняет нестабильные, неустойчивые и нетерпимые режимы. С другой стороны, создание курдских демократических федеративных государств, необходимо в которых курды могли бы вести себя в соответствии со своими этническими потребностями, что приведет к значительному изменению характера региональной политики» [105, с.118].

Сомневаясь в будущем Курдистана, Фуллер пишет: «Какой бы Курдистан в конечном итоге ни возник на Ближнем Востоке, Турция будет оказывать на него большее влияние, чем любое другое государство» [105, с.114]. С другой стороны, пока есть курды, готовые бороться за идею Курдистана, и пока народ разделен, будут курды, которые будут использованы (инструментализированы) для противодействия этой идее, даже если эта идея благородная. Эксперт резюмирует, что к концу XX века большинство курдов в Турции будут несколько удовлетворены полученными культурными правами. Отметим, что исследователь писал статью в 1993 г. Сирия, где курдское движение менее развито, продемонстрировала слабую надежду на права курдов, даже когда к власти пришел Б. аль-Асад [105, с.115].

Таким образом, по Г.Фуллеру, любая курдская независимость и общекурдское единство остаются маловероятными, поскольку все соседние государства выступают против курдского государства как угрозы национальной безопасности и собственной территориальной целостности.

Исследователь Майкл Гюнтер делает вывод о будущем курдов Турции на основе интервью в марте 1998 г. с А.Оджаланом, который в то время находился в Дамаске. А. Оджалан обещал провести мирные переговоры с правительством Турции. Исследователь предполагает, что Оджалан может требовать и полной независимости курдов в Турции [195]. Положения о перспективам решения курдской проблемы отражены в одноименной его монографии «Курды и будущее Турции» (The Kurds and the Future of Turkey), высоко оцененное международным экспертным сообществом [195, с.95]. обозначив верные пути решения курдского вопроса

Критикуя нежелание Турции осуществлять демократические реформы в стране, анализируя авторитарные традиции в Турции, недоумевая по поводу неспособности Турции сделать последние шаги к демократии, он предлагает решение, способное сохранить целостность страны. Его предложение заключается в предоставлении Турцией своим гражданам курдского

этнического происхождения всех их культурных, социальных и политических прав, подразумевая под этим демократию [196, с.201].

Анализируя положение курдов в Турции, исследователь писал о народных курдских советах, через которые курды начали брать на себя большую ответственность и контроль за повседневной жизнью. То есть эксперт расценивал народные советы как один из механизмов реализации более крупного политического проекта по курдской идентичности и новым способом ведения политики мирным путем. Народные советы рассматривались как один из инструментов демократической автономии курдов Рожавы, значение которой для будущего как Ближнего Востока, так и международной политики возрастает, но остается все еще неопределенным [196, с.199].

Это изменение оказало сильное влияние на курдов, усилив их стремление к свободе и самоуправлению. Но для центральной власти смена идеологии курдов – это децентрализация государственной власти [197, с.11].

М.Гюнтер рассматривает две формы государственности курдов: демократический конфедерализм и демократическая автономия. По его мнению, курдская демократическая автономия - это новый способ ведения политики, способ управления государством внутри государства, но при условии прямого взаимодействия и сотрудничества друг с другом. М.Гюнтер считает, что концепт «демократическая автономия» еще не определен четко, но он отражает общее желание реализовать какой-либо тип эффективного местного самоуправления. Например, в лице партии ПДС для курдов в Сирии. В связи с неопределенностью концепта «демократическая автономия» вставал ряд вопросов: кто поддержит такую форму управления, кто будет принимать важные решения: местные советы или центральная власть государства, отношение демократической автономии к частной собственности и другие [132, с.108].

Турецкая прокурдская Партия мира и демократии, преобразованная в Демократическую партию регионов в 2014 г., рассматривала демократический конфедерализм как альтернативу капитализму. Уточняя, что демократическая автономия стремилась не к захвату государственной власти, а к развитию альтернативных форм власти посредством самоорганизации, т.е. местных народных советов, которые тайно существовали в курдских районах Сирии с 2007 г. до создания Рожавы.

Сирийская партия «Демократический союз» проявляет сильную волю к правлению, демонстрируя желание следовать своим собственным альтернативным путем, подчеркивая роль местного управления, осуществляя контроль над гражданами. Но ПДС и РПКс их сильно централизованным руководством не соответствовали положениям местного управления, т.е. демократической автономии.

М. Гюнтер подчеркивает, что в случае единого Курдистана будут разногласия между ведущими партиями и союзами (Курдское региональное правительство) по распределению мест между ними:

- КРГ выступает за представительное равенство между различными частями Курдистана независимо от количества населения,
- РПК и ПДС будут требовать большего представительства пропорционально численности населения [196, с.202].

Интересным представляется мнение М.Гюнтера, который рассматривал возможность прихода к власти ПДС или другой курдской организации или группы организаций, одновременно критикуя политику Б.Асада. Концепция демократической автономии в таком случае не подойдет, или, в лучшем случае, необходимо будет переосмыслить их в более практическом ключе [196, с.201]. С одной стороны, М.Гюнтер предвидел падение режима Б.Асада, а с другой стороны, он не смог предвидеть факта того, что ни одна из существующих партий не оказалась у власти в связи с падением режима Б.Асада событий 8 декабря 2024 г.

Другие исследователи, называя сирийских курдов забытым народом, рассматривают демократический конфедерализм как систему управления снизу вверх, который вполне подходит курдам для управления [176, с.126].

Исследователи Международной кризисной группы по Северной Африке и Ближнему Востоку считают, что на протяжении многих лет курдам придется выбирать между борьбой и компромиссными решениями. Курдский федерализм позволит достичь мечты о независимости, а разумное управление, развитие прочных региональных связей будет приближать реализацию этой идеи [198, с.34].

Другие исследователи задаются вопросом: можно ли рассматривать возможность создания курдского государственного образования? И отвечают: «нынешняя ситуация на Ближнем Востоке не позволяет создать страну для курдов... Со своей стороны, мы считаем, что курдская автономия была бы наиболее вероятным решением» [48]. Создание курдского государства возможно, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Автономия для курдов кажется более вероятной и осуществимой, чем полная независимость. Подчеркивается важный фактор: Курдистан является нефтеносным регионом, поэтому ни одно из государств не желает, чтобы эта часть его территории ускользнула из его рук в пользу курдского государства.

Кроме того, местная автономия, к которой стремятся курдские исламисты, в принципе не исключает создания курдского государства, которое гарантировало бы право курдов говорить на своем родном языке, обучать своих детей на курдском и управлять своими делами, и в качестве предпочтительной политической структуры предлагается конфедерация местных парламентов [182, с.198].

В июне 2011 г. Турецкая консалтинговая компания KONDA организовала общенациональный опрос в рамках «Проекта демократической автономии», целью которого было изучение общественного мнения в 59 провинциях с населением свыше 10 тыс. человек. Анализ опроса показал, что курдское население в целом одобряет этот проект, особенно в части конституционного признания курдской идентичности, образования и вещания

на родном языке, децентрализацию и экономическое развитие регионов, где сосредоточены курды, отмену 10% порога представительства в парламенте, одобряя демократическую автономию.

Анализ политики Турции по отношению к сирийским курдам показывает, что будущее Рожавы во многом зависит от Турции, ее Партии справедливости и развития, из-за политики которой осложнились турецко-сирийские отношения. Это наводит на мысль, что Турция, вмешиваясь в курдский вопрос соседних государств, никогда не допустит создания курдской автономии в пределах своего государства. По мнению курдского движения, в Турции должны осуществляться структурные реформы, касающиеся статуса их национальной идентичности и культуры в турецком обществе, что потребует новой Конституции. Р.Эрдоган как раз планирует менять Конституцию, чтобы иметь возможность баллотироваться на следующих выборах и, возможно, в нее будут внесены изменения по правам курдов, чтобы они голосовали за Эрдогана. А если Конституция не будет гарантировать права курдам, то она укрепит автократический характер правления Эрдогана, что вызовет новую, более сильную волну протестов курдского населения.

Исследователь М.Ляроз выделил факторы влияния на перспективы решения курдского вопроса на Ближнем Востоке: конкуренция, разделение среди курдов в экономической и социально-культурной сферах, которое все более укореняется. Множественность вопросов в курдском пространстве - этническая, языковая, конфессиональная, политическая - вызывает разногласия между курдами. В случае, если курды не уладят эти разногласия, любая региональная или внешняя держава будет использовать эти разногласия в своих интересах [54, p. 87].

И это касается не только курдов Сирии и Турции. Напомним, что ранее М.Ляроз высказал точку зрения о том, что курды используются в качестве инструментов влияния на внутреннюю и внешнюю политику в государствах проживания, и не только центральными властями, но и населением. И эта инструментализация, ее характеристики и особенности зависят от различных факторов, в том числе исторических, которые имеют тенденцию постоянно возвращаться и повторяться. Курды осознают это, иногда используют это как силу для решения курдского вопроса. Ляроз считает, что говорить о курдском народе, о Курдистане, граничащем со странами Сирии, Ирана, Ирака и Турции, сложно и рано. И мы не можем не согласиться с этой точкой зрения.

Более того, исследователь полагает, что единый Курдистан становится своего рода утопией, если только не произойдут крайние изменения в геополитике региона, поскольку ни одна региональная держава не позволит отдать свои территории.

Будущее Курдистана, охватывающее курдское пространство на Ближнем Востоке, мрачное. «... инструментализация курдского народа будет продолжаться в ближайшие годы и всегда будет проблемой в регионе», делает вывод М. Ляроз [54, с.101].

По мнению американского эксперта М.Рубина курды никогда не откажутся от идеи создания независимого Курдистана, решение остается за ними, независимо от типа устройства: автономное или федеральное [199, с.260]. Но их разделение мешает им в достижении цели. Однако, на примере Сирии курды могут ограничиться автономией.

Польские исследования имеют свой взгляд на будущее курдов в Турции с учетом страха центральных властей 4-х государств создания независимого Курдского государства на Ближнем Востоке в современных геополитических условиях, когда целостность территории и суверенитет являются и остаются приоритетами и основными ценностями каждого государства [200, с. 131]. Их точка зрения основывается и на подходе возможного членства Турции в Европейском Союзе, который помог бы Турции разработать федеративную структуру для создания курдской автономной области внутри. Тогда Турция полностью переосмыслила бы концепцию своего государства, поскольку федерализм направлен на преобразование национальных меньшинств в большинство. Курды, представляющие большинство из национальных меньшинств в Турции, смогут приобрести федеральный статус с курдской столицей в Диярбакыре. Городу можно придать статус регионального центра, примерно приравненные к полномочиям Анкары [200, с. 132].

С федеративным решением курдской проблемы в Турции встанет много вопросов, по оценке польских исследователей:

- какие регионы будут считаться курдскими, так как в настоящее время многие курды проживают не на своих территориях в результате постоянного перемещения,

- какие будут культурные права турков, проживающих в курдских регионах и соответственно культурные права курдов в турецких регионах.

Такой сложный комплекс вопросов требует обоснованного решения, иначе может привести к межобщинной напряженности.

Например, требования иракских курдов, которые перешли от требования автономии к настоящему признанию государственности от центрального правительства, всегда влияли на обстановку в стране. В результате чего правительство Ирака неоднократно меняла свою политику, влияя на курдскую идентичность [201, с.39].

В 2014 г. английские исследователи писали о хрупкости сирийской Рожавы, образованной на фоне нестабильности гражданской войны в Сирии. Курдские политические и военные деятели взяли под свой контроль некоторые районы северной Сирии. Исследователи отмечали смелость и решительность курдского сообщества, когда в ноябре 2013 года, курдская партия объявила о создании переходной администрации [202, с. 231]. Ее будущее, ставшее важной характеристикой сирийского и геополитического ландшафта, как и будущее более широких слоев курдского населения Сирии, является ключевым фактором в регионе и мире, в том числе и курдской диаспоры [203].

Австрийский эксперт по Ближнему Востоку Томас Шмидингер считает, что для Сирии требуется федерализация, которая дала бы шанс признание автономии Демократической автономной администрации северо-восточной Сирии (ранее Рожавы) и соответственно федерации северо-восточной Сирии [112, с.65]. Это создало бы некоторые условия для реальной демократизации региона. Несмотря на конфликты и правительственные разногласия курдские автономные районы в Ираке и Сирии продолжают существовать. Эксперт считает, что все еще есть исторический шанс того, что курды, которые в течение XX века испытывали серьезные проблемы, в будущем смогут играть самостоятельную политическую роль на Ближнем Востоке. Реализуется ли эта историческая возможность, будет зависеть не только от политики держав-гегемонов, но и от самих курдских действующих лиц. Данный прогноз был сделан в 2018 году. Рассматривая Сирию под французским мандатом, в период правления баасистов Хафеза Асада и Башара Асада, Т. Шмидингер анализирует политику курдской партии и сирийское восстание 2011 г., которое привело к милитаризации оппозиции, а также партию «Демократический Союз», считающуюся сирийским отделением турецкой РПК. Существующие разногласия внутри ее институтов усложняют и взаимоотношения с Сирийскими демократическими силами, которые в перспективе могут представлять альтернативу капиталистической экономике, важному фактору экономического развития [204].

Говоря о демократическом федерализме, некоторые зарубежные исследователи полагают, что за этим последуют структурные изменения в государственном управлении стран [103, с.82].

Исследователь В.Ядирги также придерживается концепта демократической автономии, но под давлением США. Турецкая политическая элита предпринимала попытки устранить давно назревающие проблемы в решении курдского вопроса. Турция считала проект демократической автономии оптимальным решением проблемы курдов, но не реализовывала его и не реализует его. В проект демократической автономии входят следующие положения:

- разработка новой Конституции, которая вводила бы более плюралистическую концепцию гражданства, не основанную на этноцентризме,
- устранение всех барьеров для культурного разнообразия, в том числе использование языка в общественной сфере, образовании и политике,
- децентрализация и учреждение региональных органов, ответственных за предоставление услуг в области образования, здравоохранения, культуры, социальных услуг, сельского хозяйства и промышленности. Однако ведение иностранных дел, экономики и обороны остается прерогативой центрального правительства,
- распределение части местных доходов местными органами, а не центральными властями,

- возвращение эвакуированного турецкими военными во время борьбы с РПК населения в сельские районы, выплата компенсации лицам, пострадавшим в результате принудительной депортации,

- создание миролюбивой атмосферы, которая, прежде всего, требует прекращения военных действий в процессе, ведущем к принятию новой конституции [69, с.184].

О.Текдемир также предлагает демократическую автономию (самоуправление), но которая была поставлена под сомнение событиями после выборов в Турции в ноябре 2015 года и попыткой государственного переворота в июле 2016 года. Проект демократической автономии он относит к радикальной модели демократии для создания собственного национального государств [33, с.94].

Надежды курдов на перемены возродились вследствие той роли, которую сыграли курдские вооруженные группировки в борьбе с Исламским государством, подчеркивают французский исследователь Университета Люмьер Ф. Баланш и, научный сотрудник Королевского Высшего института обороны Д. Леруа [205]. Борьба с ИГИЛ стала общей целью режима Башара Асада, Рожавы и так называемого Астанинского трио в лице России, Ирана и Турции.

Мнение исследователя из Французского центра иракских исследований Б. Дилли коррелирует с вышеприведенными точками зрения, однако с некоторыми поправками: «...для курдов в долгосрочной перспективе ничего не изменится, если их геноцид не будет официально признан международным сообществом и их территория не будет защищена». Такой вывод для курдов Ближнего Востока сделан на основе анализа положения курдов в Ираке, роли Демократической партией Курдистана, возглавляемой М.Барзани, культовой фигурой курдского освободительного движения [29].

Падение власти Б. аль-Асада и самороспуск РКП по призыву А.Оджалана изменили восприятие курдов и их будущего. Для Сирии и Турции – это исторические события, новый этап, новая трансформация курдской проблемы. Для Сирии, по заявлению автономной администрации, это путь к свободе, достоинству и национальному единству, ассоциируемый с флагом независимости. Сирия с новым правительством способна стать стабильной страной после падения династии Асадов, правившей около 55 лет, но столкнется с проблемами экономического характера, появлением новых акторов в политико-экономической сфере, травмированным населением, борьбой за влияние между различными группировками. Не исключается возможность повторения ошибок прошлого со стороны новых лидеров [206].

Специальный посланник в сирийской Камешли К.Гальтье считает, что курды с приходом новой власти мотивированы для дальнейших действий и уверены в своем будущем [207].

Исследователи М.Гюнтер и С.Саед ставят уже вопрос государственности курдов: почему не создать несколько разных курдских государств, исходя из факта существования 22 арабских государств и 6

тюркоязычных государств [41]. Доктор Сиван Саид подчеркивает, что мир может принести лишь парадигма демократического конфедерализма.

Исследователи предлагают следующий сценарий: если трудно достичь такого единства, то почему не создать два разных курдских государства: самостоятельные Иракский Курдистан и Рожава. Исследователи считают, что самороспуск РПК больше похож на капитуляцию, чем на гарантию гражданских прав в обмен на разоружение РПК. И мирный процесс по курдскому вопросу не будет успешным. Пример Ирака, где курды добились положительных результатов в обеспечении своих прав в Конституции, включая социально-экономические и даже политические права, показателен. Исследователи приходят к выводу о необходимости укрепления координации и единства курдов.

Таблица 6 - Прогнозные сценарии решения курдского вопроса на основе анализа научных исследований западноевропейских и американских ученых

Сценарий 1	Сценарий 2	Сценарий 3	Сценарий 4	Сценарий 5
Создание независимого единого Курдистана на основе федерализма или демократического конфедерализма	Демократическая автономия на основе самоуправления, независимости, свободы и самоуправления в демократических рамках, гарантируя политическое равенство и права личности	Просто автономия, которая кажется наиболее вероятной и осуществимой	Создание нескольких разных курдских государств на территориях проживания курдов	Сохранение статус-кво, усиление координации действий и единства курдского сообщества.

Несмотря на спады и подъемы курдского движения, данная проблема получила определенное признание со стороны мировой общественности, хотя уникальность курдского этноса и особенности социального поведения курдов, Немало сложностей создали и не до конца проработанные международным сообществом, а поэтому выглядящие как взаимоисключающие такие установки как право каждого народа на самоопределение, с одной стороны, и принципы незыблемости территориальной целостности и нерушимости границ государства, с другой.

Выводы по третьему разделу. На основе анализа научных взглядов влияния сверхдержав на курдскую проблематику в Сирии и Турции в западноевропейских и американских трудах выявлено, что сверхдержавы имеют свои интересы, определяемые в виде энергетического, транспортно-логистического факторов и фактора не упустить свое присутствие в регионе. Степень и характер влияния курдского вопроса на региональную и мировую политику в анализе западноевропейских и американских исследованиях был определен через такие индексы, как индекс политической стабильности, индекс военного присутствия и конфликтов, политической активности курдов. Проблема перспектив решения курдского вопроса на Ближнем Востоке волнует не только политиков, мировую общественность, простое население, но и представителей научной элиты. Предлагаются в зарубежной аналитике такие формы развития курдской государственности как демократический конфедерализм, демократическая автономия, или просто автономия для курдов, которая, кажется, наиболее более вероятной и осуществимой, или просто чем полная независимость, как предлагают некоторые исследователи.

На основе анализа научных взглядов на влияние сверхдержав на курдскую проблематику в Сирии и Турции, представленных в западноевропейских и американских исследованиях, выявлено, что курдский фактор занимает важное, но подчинённое место во внешнеполитических стратегиях ведущих мировых акторов. В трудах подчеркивается, что интерес к курдскому вопросу усиливается в периоды региональной нестабильности и вооружённых конфликтов. При этом поддержка курдских сил, как правило, носит избирательный и ситуативный характер. Хочется отметить, что сверхдержавы используют курдские движения как инструмент давления на региональные государства. Особое внимание уделяется роли США в сирийском конфликте и их взаимодействию с курдскими формированиями. В то же время подчеркивается ограниченность этой поддержки и её зависимость от отношений с Турцией. Европейские исследователи акцентируют внимание на противоречии между декларируемыми ценностями и реальной политикой. В целом в научных трудах делается вывод о том, что курдская проблематика остается заложником геополитических интересов сверхдержав.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XX веке Ирак, Иран, Сирия и Турция сформировались как национальные государства, но курдам до сих пор не удавалось сделать этот шаг несмотря на то, что история курдов свидетельствует о существовании курдских княжеств, эмиратов, признаваемых соседними государствами. После окончания Второй мировой войны курдское освободительное движение формулировало свою борьбу в терминах самоопределения и независимости. В 1990-2000 гг. произошли изменения в связи с образованием иракского Курдистана и сирийского Курдистана – Рожавы как нового политического самоуправления. Их образование не влияет на трансформацию границ. В Турции развивалась система курдских местных собраний, работающих вместе с местными властями в разных направлениях.

Продолжающийся кризис курдской идентичности в Сирии и Турции обусловлен рядом причин. Одна из основных идеологий Турции заключается в однородности национального государства, единого государства, единой нации, где все граждане, включая курдов, были определены как турки. Для Сирии это арабизация курдского населения. Власти двух государств в курдском вопросе и его борьбе видели угрозу территориальной целостности и суверенитета своих стран.

Многовековой вопрос государственности курдов привлекал и привлекает исследователей разных стран мира. Нами было установлено, что исследователи-автохтоны Европы и Северной Америки резко критикуют курдскую политику Турции и Сирии, политические партии двух стран и другие стороны курдского движения, в то время как этнические курды-исследователи, также критикуя курдскую политику, в определенной степени защищают политические партии и предлагают оригинальные сценарии решения курдского вопроса.

В ходе исследования установлено, что существование в прошлом независимых курдских княжеств и эмиратов стали инструментом политики исторической памяти. Выявлено, что причинами возникновения курдского национализма и борьбы курдов за гражданские права и самоопределение стали такие факторы, как географическая разделенность курдов, их постоянное перемещение, фактор постоянного подчинения курдов или их инструментализация, наличие разногласий среди курдской общины.

С точки зрения материальности и социальности международной среды роль идей, норм, ценностей и убеждений имеет ключевое значение в построении идентичности государства. Но идеи, нормы, ценности и убеждения сирийских и турецких курдов воспринимаются государственной властью как угроза целостности этих государств.

Курдская идентичность определяется коллективными представлениями о ней государством и обществами в Сирии и Турции: является ли она правомерной, представляет ли внутренний и внешний вызов, может ли дестабилизировать внутреннюю и региональную ситуацию, противоречит ли

национальным интересам государств. Идентичность представляет ключевое понятие конструктивизма, связанное с национальными интересами. Идентичность воспринимается как эволюционный и непрерывный процесс, создание которой неизменно влечет за собой какие-либо ограничения или разрешения, что особенно актуально в контексте гражданских прав курдов в Сирии и Турции.

Западноевропейские и американские исследователи, изучая курдский вопрос, использовали различные теории, подходы и концепции, как концепция великой трансформации К.Поланьи, теории комплекса коллективной безопасности Б.Бузана, традиционные теории как реализм, неолиберализм, неомарксизм, конструктивизм, а также подход неоосманизма, которые содействовали глубокому анализу курдской проблемы. Глубинному анализу содействовали новые теоретические подходы, как киберэтнография, колониальность, локализации иностранных новостей, стабилизация в перспективе.

Среди факторов трансформации курдского самосознания в Сирии и Турции выделены внутренние и внешние. К внутренним факторам относятся низкий уровень их социальной защищенности, запрет на использование курдского языка, обучения на курдском языке, проводить национальные курдские праздники и т.д. Идентифицированы такие внешние факторы, как попытки Турции стать членом Европейского Союза, процессы глобализации, которые открывали курдам иной мир, повлекшие за собой трансформацию ценностей курдского сообщества, урбанизация с минимальным набором жилищно-бытовых услуг. Арест лидера турецких курдов А.Оджалана стал еще одним триггером трансформации самосознания курдов.

Важную роль в меняющейся динамике сирийского Курдистана (Рожавы) играют сирийские политические партии, разнообразие которых стали одной из причин закрытия некоторых партий, создания новых и объединения сирийских политических партий вследствие внутривнутрипартийных разногласий. Тем не менее сирийские курды по сравнению с турецкими курдами смогли создать курдский регион с определенной степенью автономии. Курдские отряды YPG (Отряды народной самообороны) и YPJ (Отряды женской самообороны) сыграли ключевую роль в борьбе с ИГИЛ, о которых узнал весь мир после осады Кобани, благодаря курдской диаспоре. YPG и YPJ проявили себя как реальная активная сила.

Установлено, что в западноевропейских и американских исследованиях большинство курдских партий в Турции подвергались критике, особенно РПК. Вместе с тем роль Демократической партии народов очень велика для курдов, так как она представляет интересы курдского сообщества в парламенте Турции. Кроме того, как справедливо отвечают зарубежные исследователи, курдские партии добились организации занятий на курдском языке в университетах, что становится фактором продолжения формирования курдской интеллектуальной элиты, которая в последующем может повести курдское население к решению многих проблем. Самороспуск РПК пока

свидетельствует только об одном: прекращении вооруженной борьбы. В Турции за 40 лет борьбы РПК и других партий случилось более 40 тысяч смертей, опустошены или разрушены от 3000 до 4000 населенных пунктов, от 1 млн. до 3 млн. лиц было перемещено. Репрессии по отношению к курдам в 1980-2020 гг. стоили государству 300 млрд. долларов.

Вместе с тем сотрудничество оставшихся курдских партий с правящей Партией справедливости и развития будет содействовать установлению мира, безопасности и стабильности на национальном, региональном и международном уровнях.

Курдская диаспора, наиболее многочисленная в Европе, создает ассоциации, альянсы, союзы, т.е. она институционализована, и оказывает всевозможную поддержку соотечественникам на исторической родине, став игроком на европейском региональном уровне. Установлено, что среди европейской курдской диаспоры, уже проживающей длительное время, а также вновь прибывающей, много представителей интеллектуальной элиты. Европейская курдская диаспора организует различные мероприятия в поддержку соотечественников, но самым действенным механизмом является киберсреда, которую анализируют зарубежные аналитики посредством подхода, называемого киберэтнографией.

Изучение влияния сверхдержав на курдский вопрос в Сирии и Турции в зарубежных исследованиях возвращает экспертов к подходу инструментализма. Для США и ЕС курды важны были для борьбы с ИГИЛ. Турцию рассматривали как союзника НАТО, когда можно тоже инструментализировать курдов. Одновременно сверхдержавы оказывали гуманитарную, военную помощь, преследуя цели не потерять своего присутствия в регионе, не допустить усиления влияния других государств, например, России. Сверхдержавы рассматривают регион как энергетический и транспортно-логический хаб с контролем за нефтяными месторождениями. Интересы курдской общины их мало интересовали.

Формирование и развитие ряда ключевых тенденций в ближневосточной региональной подсистеме международных отношений происходит в результате реализации внешней политики региональных и мировых держав. На многие процессы оказывают влияние США. В этой связи для понимания причин и сути некоторых процессов, происходящих на Ближнем Востоке, требуется изучение внешней политики Вашингтона и инструментов, используемых этой страной для достижения своих внешнеполитических целей.

Исходя из факта природных ресурсов появляется конфронтация между сверхдержавами и изучаемыми странами. Эта конфронтация в качестве индекса политической стабильности определяет степень влияние мировых держав на региональную и международную политику. Конфликтогенная ситуация, которая незначительно уменьшилась в изучаемых государствах в связи с тем, что курдские бойцы РПК до сих пор складывают оружие. В исследовании показано, что если не решение А.Оджалана о самороспуске

РПК, то вооруженная борьба в сложной геоэкономической и геополитической ситуации могла бы привести к «экспорту» конфликтов на регион и на мировую политику.

Перспективы решения курдского вопроса на Ближнем Востоке представляет наибольший интерес для политиков, принимающих решения, мировой общественности и, конечно, исследователей, аналитиков, экспертов. Выявлены предполагаемые политические сценариев решения курдского вопроса: автономия на основе федерализма, демократический конфедерализм, создание независимого единого Курдистана. После самороспуска РПК появились другие сценарии, более смелые: на основе Иракского Курдистана и Рожавы создать два разных, но самостоятельных государства или создать несколько разных курдских государств, обосновывая свой сценарий тем, что существуют арабоязычные и тюркоязычные государства. Многие зарубежные исследователи едины в том, что необходима усиление координации действий и единства курдского сообщества.

В заключении диссертационного исследования следует отметить, что поставленная цель была достигнута, а основные исследовательские задачи последовательно решены. Проведённый анализ позволил выявить ключевые подходы, концептуальные рамки и методологические особенности осмысления курдского вопроса в западноевропейской и американской научной традиции. В ходе исследования установлено, что курдская проблематика в трудах западных авторов рассматривается преимущественно в контексте региональной безопасности, этнополитических конфликтов и геополитического соперничества на Ближнем Востоке. При этом акцент делается не столько на внутренней динамике курдских обществ, сколько на их роли в стратегических расчетах внешних акторов и государств региона. Курдский вопрос в Сирии и Турции интерпретируется как многоуровневое явление, сочетающее элементы национального, социального, правового и международного конфликтов.

Анализ показал, что американские исследования, как правило, носят более прикладной и прагматичный характер, тесно связанный с внешнеполитическими интересами США. В них курдские движения часто рассматриваются как инструмент влияния на региональные процессы, особенно в условиях сирийского кризиса и борьбы с международным терроризмом. В то же время западноевропейские труды в большей степени ориентированы на проблематику прав человека, демократизации и институционального урегулирования, хотя и они не свободны от политической конъюнктуры. Выявлено, что в западной историографии и политологической литературе сохраняется противоречие между декларируемой поддержкой права курдов на самоопределение и фактическим признанием приоритета территориальной целостности Турции и Сирии. Это противоречие существенно ограничивает возможности выработки устойчивых моделей урегулирования курдского вопроса и отражается на оценках перспектив курдских политических движений.

Особое внимание в диссертации уделено сравнению трактовок курдского фактора в отношении Сирии и Турции. Сделан вывод о том, что в случае Сирии курды чаще рассматриваются как автономный политический субъект, тогда как в турецком контексте они преимущественно интерпретируются через призму внутренней безопасности и борьбы с сепаратизмом. Данное различие обусловлено как спецификой государственных моделей, так и особенностями международного вмешательства.

В целом проведённое исследование подтверждает, что курдский вопрос в западноевропейских и американских трудах остается не только объектом академического анализа, но и отражением более широких геополитических интересов, что обуславливает необходимость дальнейших междисциплинарных и сравнительных исследований данной проб

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Kreyenbroek P. The Kurds: A Contemporary Overview. – Routledge, 1991. - 272 p.
- 2 Countries and Economies: World Bank Official Site // <https://data.worldbank.org/country> [дата обращения: 27.08.2026].
- 3 Численность населения по отдельным национальностям: Официальный сайт Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography> / [дата обращения: 22.01.2025].
- 4 Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» от 2 сентября 2024 года; Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 2.09.2024. <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyyu-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskij-rost-obshchestvennyu-optimizm-285014> [дата обращения: 08.10.2024].
- 5 Закон РК «Об Ассамблее народа Казахстана» от 27.10.2015 № 361-V. <https://law.gov.kz/client/#!/doc/41901/rus/> 27.10.2015 [дата обращения: 11.09.2024].
- 6 Geoffroy R., Pino Lerro P., Imbach R. Dissolution du PKK: comprendre les conséquences de ce tournant dans le combat des Kurdes // Le Monde. – 2025. – le 14 Mai.
- 7 Указ Президента Республики Казахстан «О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020 – 2030 годы» от 6.03.2020 № 280.
- 8 Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении Концепции развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 г.». 26 февраля 2021 года № 522.
- 9 Закон Республики Казахстан «Об образовании» от 27 июня 2007 г. № 319-III ЗРК (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.09.2025 г.).
- 10 Мамедов, М.М. Общественно-политическое развитие курдов в Республике Казахстан: автореф. дис. ... к.полит.н. - Алматы, 1997. - 26 с.
- 11 Жабелова Т.Е. Языковая политика в Казахстане и ее влияние на межэтнические отношения: автореф. дис. ... к.полит.н. - Алматы, 2004. - 31 с.
- 12 Исаева, Л. Т. К вопросу истории переселения курдов в Казахстане // Қостанай мемлекеттік педагогикалық институтының жаршысы. - 2010. - № 3. - С. 89-92.
- 13 Шаймерденова М. Д. Историко-культурный контекст курдов в Казахстане в зеркале трудов профессора К. И. Мирзоева // Абай атындағы ҚазҰПУ-дың Хабаршысы. Тарих және саяси-әлеуметтік ғылымдар сериясы . - 2018 . - № 3. - С. 284-288.
- 14 Надиров Н.К. Мы, курды-казахстанцы. – Алматы: Print-S, 2003. - 556 с.

- 15 Надиров Н.К. Разница во времени, или исторические повороты: экзамен на порядочность. - Алматы, 2008. - 690 с.
- 16 Мирзоев К.И. Курды: Малая энциклопедия (Очерки истории и культуры). – Алматы, 2001. – 303 с.
- 17 Мирзоев К.И. Курды. История и современность / Кафедра ЮНЕСКО по педагогике. [КазНПУ].- Алматы : Ұлағат, 2016. - 418 с.
- 18 Bozarslan, Hamit. Un peuple, quatre États, une nation ? Le problème kurde // L’Histoire. – 1999. - № 235. – P.14-28.
- 19 Bozarslan, Hamit. Conflit kurde: Le brasier oublié du Moyen-Orient. – P.: Autrement, 2009. - 164 p.
- 20 Gunes C. Approaches to Kurdish Autonomy in the Middle East // Nationalities Papers. – 2020. - Volume 48 , Special Issue 2. – P. 323 – 338.
- 21 Taucher W., Vogl M., Webinger P. The Kurds: history, religion, language, politics. – Vienna: Austrian Federal Ministry of the Interior, 2015. - 185 p.
- 22 Bois, Thomas. The Kurd. – Khayats, 1966. – 162 p.
- 23 Kabasa R. L’empire Ottoman, ses nomades et ses frontières aux 18e et 19e siècles // Critique international. – 2001. – № 12. - P.116. file:///C:/Users/User/Downloads/kasaba-2001-lempire-ottoman-ses-nomades-et-ses-frontieres-aux-xviiiie-et-xixe-siecles%20(2).pdf [дата обращения: 12.03.2021].
- 24 Çandar Cengiz. Turkey’s Mission Impossible: War and Peace with the Kurds. - Lexington Books, 2020. – 348 p.
- 25 Izady Mehrdad. The Kurds: A Concise History And Fact Book. - Taylor & Francis, 1992. – 184 p.
- 26 Gunter Michael M. Historical Dictionary of the Kurds (Historical Dictionaries of People and Cultures, No. 1 The Scarecrow Press, Inc.- 2003. – 315 p. 2010. – 457 p. 2011. – 457 p.
- 27 Gunter Michael M. The A to Z of the Kurds (A to Z Guides (Scarecrow Press). – 2009. – 317 p.
- 28 Gunter Michael M. Routledge Handbook on the Kurds. - Routledge, 2018. – 426 p.
- 29 Dillies Béatrice. Un génocide oublié: 100 ans de solitude pour les Kurdes. Centre français de recherche sur l’Irak. 23 juin 2023 <https://cfri-irak.com/article/un-genocide-oublie-100-ans-de-solitude-pour-les-kurdes-2023-06-20> [дата обращения: 30.10.2023].
- 30 Koohi-Kamali F. The Political Development of the Kurds in Iran: Pastoral Nationalism. – 2004. – 265 p.
- 31 Yilmaz Ö. La Formation de la nation kurde en Turquie. – P.: PUF, 2013. - 272 p.
- 32 Abbas Vali Kurds and the State in Iran: The Making of Kurdish Identity I.B. Tauris, 2014. – 272 p.
- 33 Tekdemir Omer. Constituting the Political Economy of the Kurds: Social Embeddedness, Hegemony, and Identity. – Routledge, 2021. – 217 p.
- 34 Leach Edmund. Social and Economic Organization of the Rowanduz Kurds.- Bloomsbury, 1940.-208 p.

- 35 Nihat Polat. Nature and content of L2 socialization patterns and attainment of a Turkish accent by Kurds // *Critical Inquiry in Language Studies*. – 2011. - Vol.8. – P. 261-288.
- 36 Huart Clément et al. *Histoire et culture des Kurds*. – 2003. - 123 p.
- 37 Yalçın-Heckmann Lale. *Tribe and kinship among the Kurds*. - Frankfurt am Main: Peter Lang, Peter Lang, 1991. – 328 p.
- 38 Jongerden Joost. *The Settlement Issue in Turkey and the Kurds*. – 2007. – 385 p.
- 39 Hassanpour A. The non-education of Kurds: A Kurdish perspective // *International Review of Education*. – 1996. – Vol.42, No 4. – P. 367-379.
- 40 Allsopp Harriet. *The Kurds of Syria: Political Parties and Identity in the Middle East*.- I. B. Tauris & Company, 2015. – 320 p.
- 41 Gunter Michael M., Saeed S. *Kurdish Identity: Then, Now, Future // The Commentaries*. -2025. - Vol. 5 (1).- P.2. <https://doi.org/10.33182/tc.v5i1.3534>
- 42 Gourlay William. *The Kurds in Erdoğan's Turkey: Balancing Identity, Resistance and Citizenship*.- Edinburgh University Press, 2020. – 266 p.
- 43 Denise Natali. *The Kurds and the state : evolving national identity in Iraq, Turkey, and Iran*. - Syracuse University Press, 2005. – 272 p.
- 44 Ostergaard-Nielsen Eva. *Transnational Politics: Turks and Kurds in Germany (Transnationalism)*. - 2002. - P. 224-193.
- 45 Khayati Khalid. *From victim diaspora to transborder citizenship? : diaspora formation and transnational relations among kurds in France and Sweden*. – Linköping, 2008. – 295 p.
- 46 Demir, Ipek. *Kurdish Transnational Indigeneity / The Cambridge History of the Kurds / [ed] H. Bozarslan, C.z Gunes, V. Yadirgi*.- Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – P. 829 -847
- 47 Krajewski Jenna. *The future of Kurdistan // Great Decisions*. – 2016. – P. 25-34.
- 48 Burgoyne Julien Durand. *Un État kurde : un rêve possible ou une fantaisie ? // Perspective Monde*. – 2008.- 5.10. <https://perspective.usherbrooke.ca/bilan/servlet/BMAAnalyse/762> [дата обращения: 12.11.2021].
- 49 Çelebi Elif. *Out-group trust and conflict understanding: The perspective of Turks and Kurds in Turkey // International Journal of Intercultural Relations*. – 2014. - Vol. 40. – P. 64 – 75.
- 50 Muñoz G., Golshiri G. *Syrie : quel avenir pour les Kurdes ?// Le Figaro*. – 2025. - le 11 mars. <https://podcasts.apple.com/is/podcast/syrie-quel-avenir-pour-les-kurdes/id1704984604?i=1000698679042> [дата обращения: 14.07.2025].
- 51 Lokman I. Meho. *The Kurds and Kurdistan: A Selective and Annotated Bibliography (Bibliographies and Indexes in World History)*. – 1997. – 376 p.
- 52 McDowall David. *A Modern History of the Kurds*. - Bloomsbury Publishing, 2021. -532 с.

53 Klein, Janet. Kurdish identity in the Ottoman Empire / In: Taucher W., Vogl M., Webinger P. The Kurds: history, religion, language, politics. – Vienna: Austrian Federal Ministry of the Interior, 2015. – P.8-21.

54 Larose, Martin. L'instrumentalisation des kurdes : un essai de cadre analytique / Master of Defence Studies / Canadian forces college. – Ottawa, 2012. – 126 p.

55 Мехмет, Эмин. Идеологический фактор в курдском национальном движении Ирака в XX веке: использование объяснительного потенциала элитологии (на примере политической биографии Ибрагима Ахмеда) // Вопросы элитологии. - 2025.- № 2. – С.82-97.

56 Hassanpour A. The Kurdish Experience // Middle East Report. - 1994. - № 189. - P. 2-23.

57 Gourlay, W. Kurdayetî: Pan-Kurdish Solidarity and Cross-border Links in Times of War and Trauma // Middle East Critique. - 2018. – Vol. 27(1). – P. 25-42. DOI:10.1080/19436149.2017.1411110 [дата обращения: 14.04.2022].

58 Hassaniyan, Allan. Cross-border Kurdish solidarity: An endangered aspect of Kurdishness // Kurdish studies (, England). - 2019. - Vol.7 (2). - P.135-160.

59 Salih C., Fantappie M.-L. Kurdish Nationalism at an Impasse: Why Iraqi Kurdistan Is Losing Its Place at the Center of Kurdayeti // The Century Foundation Press. 2019. 29 April. - P. 302-329. <https://tcf.org/content/commentary/tcf-world-podcast-kurdish-nationalism-impasse/> [дата обращения: 27.12.2021].

60 Bozarslan, Hamit. Les révoltes kurdes en Turquie kémaliste (quelques aspects) // Guerres mondiales et conflits contemporains. – 1988. - № 151. – P. 121-136. <https://www.jstor.org/stable/25730514> [дата обращения: 14.11.2021].

61 Boulanger Philippe, Géopolitique des Kurdes. - Paris: Ellipses, 2006. - 288 p.

62 Tejel, Jordi. Syria's Kurds: History, politics and society.-New York : Routledge, 2009.

63 Taha Z. L'opposition kurde et le régime du Baath en Syrie : entre dynamique identitaire et stratégies de cooptation. Oppositions partisans en situation autoritaire, mémoire de Sciences de l'Homme et Société/Sciences politiques. - Université d'Aix-en-Provence, 2012. - P. 1-16.

64 Roosevelt, Archie, Jr. The Kurdish Republic of Mahabad // The Middle East journal. - 1947. - Vol.1 (3). - P.247-269.

65 Wallerstein I. The AZ Guide to Modern Social and Political Theorists / Ed. N. Parker and S. Sim. - Hertfordshire: Prentice Hall/Harvester Wheatsheaf, 1997. – P.372-376.

66 Saeed S. Turkey's Kurdish Insurgency Reappraised // The Commentaries. - 2024. - Vol. 4 (1).- P.2.

67 Yegen, M. The Kurdish Issue in Turkey: Denial to Recognition / in Nationalisms and Politics in Turkey: Political Islam, Kemalism, and the Kurdish Issue / Marlies Casier and Joost Jongerden (eds.) - London and New York: Routledge, 2011.- P. 70-88.

- 68 Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace.- New York: Alfred A. Knopf, 1948. – 201 p.
- 69 Yadirgi Veli. The Political Economy of the Kurds of Turkey: From the Ottoman Empire to the Turkish Republic. - Cambridge University Press, 2017. – 334 p.
- 70 Wendt A. Constructing International Politics // International Security.-1995.- Vol. 20, No. 1. - P. 71-81.
- 71 Berger, Peter L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. - London: Lane, 1966.
- 72 Day, W. The Politics of Poverty in Turkey's Southeast // Middle East Report.- 2008. - № 247. – P. 24–26. <https://www.merip.org/2008/06/the-politics-of-poverty-in-turkeys-southeast/> [дата обращения: 23.11.2019].
- 73 Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.- P. 3-4 (592 p.).
- 74 Mafakheri R. What Drives the Securitization of the Kurdish–Kurdistan Question, and How Does it Shape the Middle Eastern Security Subcomplex? // Contemporary Review of the Middle East. - 2025. - Vol.12 (3). - P.303-326.
- 75 Murariu M., Anglițoiu G. Anatolian Security and Neo-Ottomanism: Turkey's Intervention in Syria // Middle East Policy. – 2020. - Vol. XXVII, No. 2. – P. 132-149.
- 76 Gramsci, Antonio. Selection from the Prison Notebooks. - London: Lawrence and Wishart. 2003.
- 77 Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций: Резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года. - https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml [дата обращения: 15.11.2019].
- 78 Anand D, Kaul N. Contemporary colonialities: Kurds and Kashmiris. - London: University of Westminster, 2025. – P.11-35.
- 79 (The) OR Briefings. People and organization research: Ethnic identity: Definition . - An Oxcoignita Service. <https://oxford-review.com/the-oxford-review-dei-diversity-equity-and-inclusion-dictionary/ethnic-identity-definition-and-explanation/> [дата обращения: 02.12.2019].
- 80 Шайморданова З.Д., Кубашев А. Методологические подходы изучения курдского вопроса // Bulletin of Abai Kazakh National Pedagogical University. Series «Historical and socio-political sciences». - 2020. - №1(64). – С. 304-308.
- 81 Aslan S. Incoherent State: The Controversy over Kurdish Naming in Turkey // European Journal of Turkish Studies. Electronic data. Paris, 2012. <https://doi.org/10.4000/ejts.4142> [дата обращения: 17.02.2020].
- 82 Dans les zones turques et kurdes de Syrie, on attend encore les vaccins // Courrier international. – 2021. – le 13 avril. <https://www.courrierinternational.com/revue-de-presse/retard-dans-les-zones->

turques-et-kurdes-de-syrie-attend-encore-les-vaccins [дата обращения: 16.10.2021].

83 Polanyi, Karl. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. - Boston: Bacon Press, 2001.- 360 p.

84 Mearsheimer John J. Structural realism / In: International relations theories: Discipline and diversity. - Oxford University Press, 2006.

85 Gunes C., Lowe R. The Impact of the Syrian War on Kurdish Politics Across the Middle East: Research Paper. - 2015. – July. - 20 p.

86 Spencer H. The Proper Sphere of Government. - London : W. Brittain, 1843. – 40 p.

87 Bouvier E. Les Kurdes en Syrie : politiquement désunis, géopolitiquement alliés (2/2). Les mouvements politiques kurdes syriens depuis 2011: une alliance transpartisane dictée par l'actualité // Les clés du Moyen Orient. - 2020. - Le 23.04. <https://www.lesclesdumoyenorient.com/Les-Kurdes-en-Syrie-politiquement-desunis-geopolitiquement-allies-2-2-Les.html> [дата обращения: 17.05.2023].

88 Kayıhan B., Bilge S., Fatma Kübra S., Nihan Beray U. Tracing the Conflict Between Türkiye and Syria Through the Turkish Mainstream Media's Coverage of the Syrian President Bashar al-Assad // Sociological inquiry. - 2025. - Vol.95 (3). - P.562-587.

89 La stabilisation en perspective. Un concept de politique étrangère et de sécurité pour un engagement intégré pour la paix. - Berlin, 2022. - 58 p.

90 International Monetary Fund. Countries: Republic of Turkiye. At a Glance. <https://www.imf.org/en/Countries/TUR> [дата обращения: 05.02.2026].

91 Saeed S. The Kurdish struggle in Turkey The risks of peace and surrender / In: The Kurds in Erdogan's "New" Turkey: Domestic and International Implications, by Nikos Christofis (ed.). - Routledge, 2022 – 359 p.

92 McAdam, Doug, McCarthy, John, D., Zald, Mayer. Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings. - Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

93 Bruinessen M., van. Kurdish Ethno-Nationalism versus Nation-Building States:. Collected Articles. - Istanbul, Isis Press, 2000.

94 Unal M., Harmancı F. M. Turkey's Struggle with the Kurdish Question Roots, Evolution and Changing National, Regional, and International Contexts // Middle East Review of Public Administration. – 2016. - № 2(2). – P. 265-293. https://doi.org/10.1007/978-3-319-31018-3_15 [дата обращения: 19.04.2023].

95 L'élaboration et l'utilisation de l'identité dans la construction d'un conflit : la question Kurde en Turquie: Fiche d'analyse / Irenees Net. - Paris, 2006. https://www.irenees.net/bdf_fiche-analyse-644_fr.html [дата обращения: 25.01.2023].

96 Грох М. Консенсусное объяснение формирования наций // Вопросы философии. – 2011. - № 1. <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=85099> [дата обращения: 23.09.2021].

97 Deliancourt F. Une analyse de l'ouvrage de Özcan Yılmaz (La Formation de la nation kurde en Turquie. – P.: PUF, 2013. - 272 p.) // Politique étrangère. – 2014. – N 2. – P.223-224.

98 Ibrahim A. Qui sont les militants kurdes qui se battent à Cizre ? // Middle East Eye. – 2017. - 4 .08. 2017. <https://www.middleeasteye.net/fr/reportages/qui-sont-les-militants-kurdes-qui-se-battent-cizre> [дата обращения: 02.12.2019].

99 Bormann N.-Chr., Cederman L.-E., Vogt M. Language, Religion, and Ethnic Civil War // Journal of Conflict Resolution. – 2015. - Volume 61, Issue 4. – P.1-37. https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10040602/1/JCR_NCB_LEC_MV.pdf [дата обращения: 06.11.2021].

100 Aspinall E. Islam and Nation: Separatist Rebellion in Aceh, Indonesia. - Stanford, CA: Stanford University Press, 2009. -312 p.

101 Кубашев А.Е. Курдская диаспора Казахстана в новой геополитической и геоэкономической реальности // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана”, серия “Международные отношения и регионоведение”. - 2024. - № 4.

102 Gurses, Mehmet. Anatomy of a civil war: Sociopolitical Impacts of the Kurdish Conflict in Turkey. – Michigan: University of Michigan Press.- 2018.-- 193 p.

103 Benhaim Yohanan. La politique d'Ankara face à l'émergence d'un espace transfrontalier sur les zones kurdes d'Irak, de Syrie et de Turquie. 04. 2014. SciencePo. <https://www.sciencespo.fr/cei/fr/content/dossiersducei/la-politique-d-ankara-face-l-emergence-d-un-espace-transfrontalier-sur-les-zones-kurdes-d-ir> [дата обращения: 27.05.2021].

104 Jendzejczyk, Catherine. Évolution de la question kurde en Syrie dans le nouveau contexte international au Moyen-Orient / Promoteur(s) : Bayramzadeh, Kamal. Faculté de Droit, de Science Politique et de Criminologie. Diplôme : Master en sciences politiques, orientation générale, à finalité spécialisée en relations internationales, 2016-2017. - Liege, 2017.

105 Fuller Graham E. The Fate of the Kurds // Foreign Affairs. – 1993. - Vol. 72, No. 2 . - P. 108-121.

106 Golshiri Gh. Syrie: quel avenir pour les Kurdes ? Podcasts. 12.03.2025. <https://podcasts.apple.com/fr/podcast/syrie-quel-avenir-pour-les-kurdes/id1704984604?i=1000698679042> [дата обращения: 21.04.2025].

107 International Monetary Fund. Countries: Syrian Arab Republic. At a Glance. <https://www.imf.org/en/Countries/SYR> [дата обращения: 20.01.2026].

108 Kubashev A. Socio-Cultural and Political Features and Differences in the Life of Kurdish Communities and Social Groups in Kazakhstan, Turkey, and Syria // International Journal of Minority and Group Rights. – 2025. - 07 Feb. <https://brill.com/view/journals/ijgr/aop/article-10.1163-15718115-bja10207/article-10.1163-15718115-bja10207.xml> [дата обращения: 17.05.2025].

109 В.К. Курды от независимости Сирии до партии Баас. 05.09.2022. <https://hawarnews.com/ru/>

- 110 Gunter Michael M. *The Kurds Ascending: The Evolving Solution to the Kurdish Problem in Iraq and Turkey*. - Palgrave Macmillan 2007. - 192 p.
- 111 Brown, L. Carl. *Religion and State: The Muslim Approach to Politics*. - New York: Columbia University Press, 2000.
- 112 Schmidinger Thomas. *Rojava: Revolution, War and the Future of Syria's Kurds* - Pluto Press, 2018. – 368 p.
- 113 Allsopp Harriet; Wilgenburg, Wladimir van. *The Kurds of Northern Syria: Governance, Diversity and Conflicts*. - I.B. Tauris / Bloomsbury, 2019. – 263 p.
- 114 Gunter Michael M. *Out of Nowhere: The Kurds of Syria in Peace and War*.- Hurst & Co, 2015. – 176 p.
- 115 Halhalli, Bekir, Maerk Johannes, Zeraoui Zidane. *Turkish Policy Towards the Kurds in Syria // Conflicts, Contexts and Realities in the Middle East ARAWAK Publications*. – 2015. – N 13. – P.39-59.
- 116 Ali Abdul K. *The Security Gap in Syria: Individual and Collective Security in 'Rebel-held' Territories // Stability: International Journal of Security & Development*. -2015. № 4(1). – P. 1–20.
- 117 Хамит Бозарслан: Сирию ждет неопределенность . 16.12.2024. <https://anfrussian.com>
- 118 Ino S. *Le Kurdistan syrien (Rojava) otage du jeu des nouveaux dirigeants syriens et des puissances qui les parrainent le 18 décembre 2024*. <https://npr-revolutionnaires.org/le-kurdistan-syrien-rojava-otage-du-jeu-des-nouveaux-dirigeants-syriens-et-des-puissances-qui-les-parrainent/> [дата обращения: 25.01.2025].
- 119 Benfodil M. *Accord entre Ahmad Al Charaa et le chef des forces démocratiques syriennes (FDS): Les Kurdes intègrent les institutions du nouvel état*. 12.03.2025. <https://elwatan-dz.com/accord-entre-ahmad-al-charaa-et-le-chef-des-forces-democratiques-syriennes-fds-les-kurdes-integrent-les-institutions-du-nouvel-etat> [дата обращения: 26.07.2025].
- 120 Wilgenburg, Wladimir, van. *Facilitating the New SDF Agreement Is Key to Stabilizing Syria*. 2.04.2025. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/facilitating-new-sdf-agreement-key-stabilizing-syria> [дата обращения: 07.07.2025].
- 121 *Syrians are still surprisingly upbeat // The Economist*. - 2025. – 02.04. <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2025/04/02/syrians-are-still-surprisingly-upbeat> [дата обращения: 9.08.2025].
- 122 Knights M., Wilgenburg, W., van. *Accidental Allies: The US–Syrian Democratic Forces Partnership Against the Islamic State*. – London: I.B.Tauris, 2021. – 287 p.
- 123 *How Ahmed al-Sharaa lost control in southern Syria // Financial Times*. – 2025. - July 18. <https://www.ft.com/content/e85d3052-fbaa-456b-aae8-92b7581d41d7> [дата обращения: 19.08.2025].

124 Golshiri Ghazal. Dans le nord-est de la Syrie, le retour en force de l'organisation Etat islamique // Le Monde. – 2025. – 6.11. <https://clck.ru/3QBY46> [дата обращения: 07.12.2025].

125 En Syrie, le régime d'Ahmed al-Chaara impatient de reprendre les exportations de pétrole // Le Figaro. – 2025. – 02.11. <https://www.lefigaro.fr/international/en-syrie-le-regime-d-ahmed-al-chaara-impatient-de-reprendre-les-exportations-de-petrole-20251102> [дата обращения: 14.12.2025].

126 Pinfold, Rob Geist. Myth Busting in a Post-Assad Syria // Middle East policy. – 2025. - Vol.32 (1). – P.3-21.

127 Türkiye Cumhuriyeti Anayasası: Официальный сайт МИД Турции. <https://www.mfa.gov.tr/constitution-of-the-republic-of-turkey.ru.mfa> [дата обращения: 07.12.2025].

128 Аватков В.А., Сбитнева А.И. Партийная система и политические партии турецкой республики // Гражданин/ Выборы. Власть. – 2022/ - № 2(24). – С. 81.

129 Turkey election: ruling party loses majority as pro-Kurdish HDP gains seats. 7.06.2015. <https://www.theguardian.com/world/2015/jun/07/turkey-election-preliminary-results-erdogan-akp-party> [дата обращения: 08.07.2021].

130 Turkey's Newest Party: Understanding the HDP. 27 October 2015. <https://www.boell.de/en/2015/10/27/turkeys-newest-party-understanding-hdp> [дата обращения: 15.09.2021].

131 Кубашев А.Е., Шайморданова З.Д. Роль Рабочей партии Курдистана в признании курдского вопроса // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана”, серия “Международные отношения и регионоведение”. - 2023. - № 4. – С.115.

132 Gunter Michael M. The Kurds in Turkey: A Political Dilemma. – Routledge, 2021. – 151 p.

133 Turquie : les Kurdes du PKK revendiquent l'attentat meurtrier près d'Ankara // Le Parisien. – 2024. - Le 25 octobre. [https://www.leparisien.fr/international/turquie-les-kurdes-du-pkk-revendiquent-lattentat-meurtrier-pres-dankara-25-10-2024-
FEAJ2AFGFBFDR6LCLUZYNi6XM.php](https://www.leparisien.fr/international/turquie-les-kurdes-du-pkk-revendiquent-lattentat-meurtrier-pres-dankara-25-10-2024-
FEAJ2AFGFBFDR6LCLUZYNi6XM.php) [дата обращения: 12.02.2025].

134 Grojean O. The Production of New Man within the PKK // European Journal of Turkish Studies. – 2014. – 09 July.

135 Brauns N., Kiechle B. PKK - Perspektiven des kurdischen Freiheitskampfes: zwischen Selbstbestimmung, EU und Islam. – Stuttgart: Schmetterling-Verlag, 2010. - 514 p.

136 Transformation du PKK en un mouvement de libération nationale. 28.11.2022 <https://kurdistan-au-feminin.fr/2022/11/28/pkk-kurdistan-kurdes/> [дата обращения: 09.02.2023].

- 137 Erdoğan makes risky bet on peace with Kurds // Financial Times.- 2025. - February 28. <https://www.ft.com/content/05a162e2-52e5-11e4-a236-00144feab7de?syn-25a6b1a6=1> [дата обращения: 21.05.2025].
- 138 Charountaki Marianna. Kurdish policies in Syria under the Arab Uprisings: a revisiting of IR in the new Middle Eastern order // Third World Quarterly. – 2015. - Vol. 36, No. 2. – P. 337-356.
- 139 Turquie : les partis pro-kurdes et d'extrême-gauche / Division de l'information, de la documentation et des recherches – DIDR. – Office Français de protection des réfugiées et apatrides. – Paris, 2021. - P.6.
- 140 Ephraim Nimni, Elçin Aktoprak. Democratic Representation in Plurinational States: The Kurds in Turkey. - Springer International Publishing, Palgrave Macmillan, 2019. – 271 p.
- 141 Eppel M.. People Without a State: The Kurds from the Rise of Islam to the Dawn of Nationalism. - University of Texas Press, 2016.- 188 p.
- 142 Jongerden J.P., Houston Ch. Moving Populations: The Foundations of Diaspora in the Early Republic of Turkey/ In: Routledge Handbook of Turkey's Diasporas / Ed. by Ayca Arkilic, Banu Senay. – London: Routledge. 2024. – 584 p.
- 143 Tutkal, Serhat. Animalization of Kurds in Turkish-Speaking Social Media // Nationalities Papers . – 2024. - Volume 52 , Issue 4. – P. 907 – 934. <https://doi.org/10.1017/nps.2023.32>[дата обращения: 15.03.2025].
- 144 Mouffe, Chantal. Agonistics: Thinking the World Politically. - London: Verso, 2013.
- 145 Çifçi Deniz. The Kurds and the Politics of Turkey: Agency, Territory and Religion. – I.B. Tauris, 2019.
- 146 Özpek B. Paradigm Shift between Turkey and the Kurds: From 'Clash of the Titans' to 'Game of Thrones' // Middle East Critique. – 2018. - № 27:1. – P. 43-60. <https://doi.org/10.1080/19436149.2017.1415513> [дата обращения: 19.12.2019].
- 147 Kumru F. Toktamış. Neither peace nor resolution / In: The Kurds in Erdogan's "New" Turkey: Domestic and International Implications, by Nikos Christofis (ed.). – London: Routledge, 2021. – 270 p.
- 148 Prokurdischer Bürgermeister in Türkei festgenommen. 10.01.2025, <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/prokurdischer-buergermeister-in-tuerkei-festgenommen-110223253.html>[дата обращения: 11.02.2025].
- 149 Венкина Е. Лидер Курдской рабочей партии объявил о ее роспуске. 27.02.2025. <https://p.dw.com/p/4r9pt> [дата обращения: 12.03.2025].
- 150 Kurdistan, i militanti del PKK bruciano le armi: "Gesto di buona volontà". - La Stampa. - 2025. – 11.07. https://www.lastampa.it/esteri/2025/07/11/video/kurdistan_i_militanti_del_pkk_bruciano_le_armi_gesto_di_buona_volonta-15227814 [дата обращения: 25.10.2025].

151 Lambert I. Auto -dissolution du parti des travailleurs du Kurdistan. Dissolution du PKK : fin de la lutte ou poursuite par d'autres moyens ? 22.05.2025. <https://www.sciencespo.fr/fr/actualites/dissolution-du-pkk-fin-de-la-lutte-ou-poursuite-par-d-autres-moyens/> [дата обращения: 14.06.2025].

152 Una oportunidad para los kurdos y para Turquía // El Pais. – 2025.- 10.03. <https://elpais.com/opinion/2025-03-10/una-oportunidad-para-los-kurdos-y-para-turquia.html> [дата обращения: 20.03.2025].

153 Kurdish militant group PKK says it will disband and end Turkey conflict // Financial Times. – 2025. – May 12. <https://www.ft.com/content/6d6a5912-15f8-4e20-a734-18713755a5c5> [дата обращения: 28.05.2025].

154 Mourenza A. El grupo armado kurdo PKK retira todas sus fuerzas de Turquía como parte del proceso de paz // El Pais. – 2025. – 26.10. <https://elpais.com/internacional/2025-10-26/el-grupo-armado-kurdo-pkk-retira-todas-sus-fuerzas-de-turquia-como-parte-del-proceso-de-paz.html> [дата обращения: 05.01.2026].

155 Ünveren B., Solaker G. What does the end of the PKK mean for Turkey? // Deutsche Welle. – 2025. - May 15. <https://www.dw.com/en/what-does-the-end-of-the-pkk-mean-for-turkey/a-72546682> [дата обращения: 0.06.2025].

156 Кожокин Е.М. О защите прав большинства // Полис. Политические исследования. - 2017. - № 1. - С. 177-182.

157 Eliassi, Barzoo. Kurdish Diaspora: A Transnational Imagined Community The Cambridge History of the Kurds / [ed] Hamit Bozarslan, Cengiz Gunes, Veli Yadirgi. - Cambridge: Cambridge University Press, 2021. - P. 848-868.

158 Emilsson, Henrik. Why do countries resettle refugees? An analysis of Sweden's commitment to refugee resettlement // Journal of international humanitarian action. - 2025. - Vol.10 (1). – P.13-17.

159 Site official of Kurdish Institute of Paris. 4th International Conference of Kurdish Studies. Reimagining Kurdistan: Identity, Politics, and Resistance in a Transforming Middle East / The Kurdish Institute of Paris. University of Kurdistan-Hewlêr. 22 - 23 April 2025. Paris. 18.04.2025. <https://www.institutkurde.org/info/4th-international-conference-of-kurdish-studies-1232552433> [дата обращения: 28.12.2025].

160 Bruinessen M. van. Transnational aspects of the Kurdish question / Working paper presented at Robert Schuman Centre for Advanced Studies. - Florence: European University Institute, 2000. – 33 p.

161 Orbaiceta, Gonzalo. The Turkish problem for Sweden's NATO accession. 17.06.2022. <https://www.unav.edu/web/global-affairs/the-turkish-problem-for-sweden-s-nato-accession> [дата обращения: 23.08.2023].

162 Adamson, F. B. The growing importance of diaspora politics // Current History. – 2016. - №115 (784). –P. 294. P. 291–297.

163 Guarnizo, L. E., Smith M. P. The locations of transnationalism / in: M. P. Smith and L. E. Guarnizo (eds). Transnationalism from below. - New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1998. – P. 196–238.

164 Toivanen, M. The Kobane generation: Kurdish diaspora mobilising in France. -Helsinki: Helsinki University Press. 2021. – 294 p. DOI: <https://doi.org/10.33134/HUP-11> [дата обращения: 14.12.2025].

165 Grüne A.-J. Schøtt A. S. Book Review of ‘Kurdish Diaspora Mobilisation in Denmark: Supporting the Struggle in Syria’ (Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021. - 259 p.) // Nordic Journal of Migration Research. – 2024. – N 141. - S. 8.

166 Курды и Германия: в Берлине прошел Конгресс курдских общин // Deutsche Allgemeine Zeitung. – 2024. - 17.12. <https://daz.asia/ru/kurdy-i-germaniya-v-berline-proshel-kongress-kurdskih-obshhin/#:~:text> [дата обращения: 4.02.2025].

167 Belgique. Les organisations kurdes d’Europe mobilisées pour la paix // Kurdistan au féminin. – 2025. – 05.03. <https://kurdistan-au-feminin.fr/2025/03/05/belgique-les-organisations-kurdes-deurope-mobilisees-pour-la-paix/>[дата обращения: 28.04.2025].

168 4th International Conference of Kurdish Studies: Conference Programme. University of Kurdistan Erbil, Kurdistan 22 - 23 April 2025 / Institut kurde de Paris. – 2025. – 22.04. <https://www.institutkurde.org/images/mediapdf/SLCJU589RW.pdf> [дата обращения: 17.08.2025].

169 Ozsoy H. The Missing Grave of Sheikh Said: Kurdish Formations of Memory, Place, and Sovereignty in Turkey / In: Everyday Occupations: Experiencing Militarism in South Asia and the Middle East / Ed. Kamala Visweswaran. - University of Pennsylvania Pressm, 2013. – 191-221.

170 Опубликована итоговая декларация конференции «Восстание шейха Саида» ANF News. – 2025. – 28.06. <https://russian.anf-news.com/russia/Опубликована-итоговаа-декларация-конференции-Vosstanie-sejha-Saida-66519> [дата обращения: 14.09.2025].

171 В Дортмунде начался 33-й фестиваль курдской культуры // ANF News. – 2025. – 13.09. <https://russian.anf-news.com/features/V-Dortmunde-nacalsa-33-j-festival-kurdskoj-kul-tury-68287> [дата обращения: 27.10.2025].

172 Hazama Y. Economic and corruption voting in a predominant party system: The case of Turkey // Acta politica. - 2018. -Vol.53. - P.121-148.

173 Guarino Giancarlo. Il conflitto in Siria tra guerra, rivoluzione e terrorismo : alla ricerca di una logica (... normativa?)- Napoli : Editoriale scientifica, 2017.- 193 p.

174 Cockburn Patrick. War in the Age of Trump: The Fall of ISIS, the Betrayal of the Kurds, the Conflict with Iran. - Old Saybrook: Tantor Media, 2020. – 324 p.

175 Glas, Othmara. Erdoğan rasselt mit dem Säbe // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2024. - 20.12.

176 Yildiz K. The Kurds in Syria: The Forgotten people. – London: Pluto Press, 2005. – 168 p.

177 Chaudet D. La Chine face aux évolutions en Syrie: au-delà des idées reçues //Revue de la Défence nationale. – 2025. - 31 janvier.

178 Yildiz K., Muller M. The European Union and Turkish Accession: Human Rights and the Kurds. – London: Pluto Press, 2008. – 264 p.

179 Rathfelder E. Willkommenskultur in Deutschland: Gekommen, um zu bleiben // Die Tageszeitung. – 2025. – 02.01. https://taz.de_ [дата обращения: 7.03.2025].

180 Baser B. Staatenlose Diaspora – Das Beispiel der Kurdinnen und Kurden in Deutschland. Aus dem Englischen übersetzt von Anna Flack // Bundeszentrale für politische Bildung. - 2017.- 17.10. <https://www.bpb.de/themen/migration-integration/kurzdossiers/256424/staatenlose-diaspora-das-beispiel-der-kurdinnen-und-kurden-in-deutschland/>[дата обращения: 18.10.2019].

181 Militant Uyghurs in Syria threaten the Chinese government // The Economist. – 2025. - Jan 9.

182 Houston Ch. Islam, Kurds and the Turkish Nation State (New Technologies New Cultures). - Oxford: Berg Publishers, 2011. – 224 p.

183 Sheyholislami Jaffer. The language varieties of the Kurds /In: Taucher W., Vogl M., Webinger P. The Kurds: history, religion, language, politics. – Vienna: Austrian Federal Ministry of the Interior, 2015. - P.30-51.

184 Scalbert-Yücel Clémence. War, a State of Emergency, and Violated Kurdish Cultural and Linguistic Rights. Revisiting Pluralism According to the AKP // Mouvements. – 2017. - No 90. – P. 101-108.

185 Scalbert-Yücel Clémence, Le Ray, Marie. Knowledge, ideology and power. Deconstructing Kurdish Studies // European Journal of Turkish Studies. – 2006. – N 5.

186 Syria's new rulers have inherited an economic disaster // The Economist. – 2025. - Jan 2.

187 Kurda D. US hails PKK's decision to disband as a 'victory for civilization'. 14.05.2025. <https://www.rudaw.net/english/world/13052025> [дата обращения: 12.06.2025].

188 Schaer C. PKK disarms, disbands: How will it impact the Middle East? May 13, 2025. <https://www.dw.com/en/pkk-disarms-disbands-how-will-it-impact-the-middle-east/a-72531367> [дата обращения: 07.06.2025].

189 Besancenot B. De la transition en Syrie post-Assad : entre rivalité et coopération régionale // Revue de la Défence nationale. – 2025. - 7 janvier.

190 Gunes C. The Kurds in a New Middle East: The Changing Geopolitics of a Regional Conflict. – London: Palgrave Macmillan, 2018.- 134 p.

191 Autonomy: Definition. Encyclopaedia Britannica. <https://www.britannica.com/search?query=autonomy> [дата обращения: 19.04.2020].

192 Encyclopaedia Britannica: democratic federalism. <https://www.britannica.com/search?query=federalism> [дата обращения: 19.04.2020].

193 Academy of Democratic Modernity: The Main Principles of Democratic Confederalism. 2022. <https://democraticmodernity.com/the-main-principles-of-democratic-confederalism/> [дата обращения: 01.02.2022].

194 Öcalan, Abdullah. *Sociology of Freedom, Manifesto for a Democratic Civilisation, Volume III*. - Oakland: PM Press, 2020. – 433 p. https://files.libcom.org/files/sociology_of_freedom_9781629637730.pdf[дата обращения: 03.04.2021].

195 Gunter M. *The Kurds and the Future of Turkey*. - Palgrave Macmillan, 1997. – 184 p.

196 Gunter M. *The Kurdish Question in Perspective // World Affairs*. – 2004. – Vol.166 (4). – P. 197-205.

197 Gunter M. *Erdogan's future : the failed coup, the Kurds & the Gulenists // Journal of South Asian and Middle Eastern studies*. – 2018. - N 41 (2). – P. 1-15.

198 Hiltermann J., Peri R., Kaveh B., Day W., Kader M. *The Iraqui kurds and threir future // Middle East report*. – 2008. - № 2/247. – P. 6-37.

199 Rubin M. *Are Kurds a Pariah Minority? // Social Research*. - 2003. - Vol. 70 (1). -P. 295-330.

200 Misiągiewicz J. *The Kurd Issue in the Middle East // Facta Simonidis*. – 2013. - Vol. 6, No. 1. – P. 127-149.

201 Anderson Giulia V. *Iraq and the Kurds: How the 1960s-1990s Portrayed the Future of the Kurds // Journal for Interdisciplinary Middle Eastern Studies*. - 2021. - Vol.7 (1). – P.39.

202 Lowe R. *The emergence of western Kurdistan and the future of Syria // Conflict, democratization, and the Kurds in the Middle East*. – 2014. – P. 225-246.

203 Wahlbeck Ö. *The future of the Kurdish diaspora*. - Routledge handbook on the Kurds, 2019. – P.413-424.

204 Glioti A. *Review of Thomas Schmidinger, Rojava: Revolution, War, and the Future of Syria's Kurds // New Middle Eastern Studies*. – 2019. - Vol. 9, No. 2.

205 Balanche F., Leroy D. *Quel avenir pour les kurdes de Syrie ? Le 31 janvier 2023*. <https://fmes-france.org/quel-avenir-pour-les-kurdes-de-syrie/>

206 *How the new Syria might succeed or fail // The Economist*. – 2024. – Dec.12.

207 Galtier C. «Maintenant, nous n'avons plus peur»: à Kamechliyé, en Syrie, les Kurdes entre soulagement et anticipation // *le Figaro*. – 2025. - le 3 janvier.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Карта расселения курдов на Ближнем Востоке

Источник: <https://perito.media/posts/kak-turetskie-kurdy-poslednie-100-let-boryutsya-za-svoi-prava-v-turtsii>